

история / география / этнография

Наталья Пушкарева

Ч

астная жизнь
женщины в Древней
Руси и Московии:
невеста, жена, любовница

Ломоносовъ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Наталья Пушкарева

Частная жизнь
женщины
в Древней Руси
и Московии:
невеста, жена,
любовница

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2011

УДК 396
ББК 63.3.(2)4
П91

Институт этнологии и антропологии РАН

Работа над данным научно-популярным изданием велась автором при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» (проект — «Российская повседневность за десять веков в зеркале гендерных отношений. X—XXI вв.»)

Иллюстрации Е. Трушиной

Дать увидеть — так же важно, как дать понять.

Фернан Бродель

Частная жизнь человека, как все сокровенное, вызывает жгучее любопытство. И все же до недавнего времени изучению истории частной жизни людей не придавалось большого значения. Импульс такого рода исследованиям был дан во второй половине 1970-х годов, когда представители третьего поколения французской исторической школы, сформировавшейся в 1950-е годы вокруг журнала «Анналы» — Э. Ле Руа Лядюри, М. Ферро, Ж. Ле Гофф, — показали тесную связь между бытом людей и их ментальностью. Они и предложили перейти от описательной истории к аналитическому изучению историко-психологических и историко-демографических сюжетов, от истории быта — к истории Человека, «истории снизу».

Перечисленные темы заставляют определить роль и значение частной жизни

людей, то есть той сферы их существования, которая зависит от индивидуальных, личных решений. Применительно к доиндустриальной эпохе это дело нелегкое. Далекое не все историки согласны с тем, что частная жизнь существовала у каждого еще до возникновения самого понятия «privacy», то есть до начала Нового времени. Однако если отнести к сфере частной жизни эмоциональные отношения и связи, возникающие в повседневности и основанные на личных пристрастиях, то есть те, что возникают вместе со включенностью каждого в его семью или его род, если считать, что частная жизнь охватывает многие стороны внутренней жизни человека, его ценности, привычки сознания, приемы видения мира и т. д. — то придется признать, что частная жизнь была и у людей, Средневековья, и ранее¹.

Российские ученые заинтересовались этими аспектами лишь в последние десятилетия. Вопрос же об особенностях частной жизни представительниц «прекрасного пола» казался им и вовсе периферийным. К тому же реконструкция этой страницы прошлого оказалась делом непростым — слишком скудны источники, отражающие проявления женской индивидуальности в X—XVII веках.

Авторы древнерусских литературных памятников вплоть до середины XVII века старались показать людей такими, *какими они должны быть*, источников же, показывающих людей такими, *какими они были в действительности*, отражающих детали их внутреннего мира, раскрывающих побуждения к поступкам, колебания, сомнения и другие настроения, — почти не сохранилось. Тем более сложно найти в имеющихся памятниках отражения частной жизни женщин, хотя бы даже принадлежавших к образованной элите. Лишь от второй половины XVII века до нас дошли некоторые документы, памятники личного происхождения, письма, донесшие чувства и переживания их авторов, именитых и безвестных.

Но как услышать голоса тех, кто жил до середины XVII столетия, восстановить черты их характера? Ведь русское Средневековье (XI—XV века) и раннее Новое время не донесли до нас ни одной женской автобиографии (да и биографический жанр представлен одними житиями), ни одного

авторского произведения, текст которого был бы написан женщиной и мог бы раскрыть ее мир. Лишь комплексный, системный подход к летописным, фольклорным, церковно-учительным памятникам приоткрывает эту плотную завесу, позволяя приблизиться к пониманию эмоционального мира матерей, «женок» и «дщерей» древнерусских князей и простолюдинов, воссоздать некоторые детали их частной жизни. Опираясь лишь косвенными свидетельствами, исследователь принужден быть, по словам Ж. Дюби, «искателем жемчуга, пытливейшим охотником за конкретными, мельчайшими деталями»², из которых и можно пытаться составить мозаику.

Какие факторы влияли на частную жизнь женщин допетровского времени, делая ее более «свободной» или более «зависимой»? Как индивидуальные вкусы и устремления женщин «вписывались» в повседневный быт, каковы были осознанные и бессознательные мотивы тех или иных поступков, повседневного поведения «женских личностей» в их отношениях с членами семьи, родными, друзьями, соседями? Каково было содержание частной жизни русских женщин в разные периоды истории, в частности, какое влияние оказывало на частную жизнь женщин вынашивание, рождение, воспитание детей? Как, наконец, развитие общества и обмирщение духовной его сферы сказались на сфере частной жизни, в частности жизни женщин? Взглянув за поиски ответов на все эти вопросы, нельзя не понимать, что полученная картина представит не столько реальное состояние дел, сколько отражение его в том или ином виде исторических памятников.

Предлагая один из вариантов реконструкции картины повседневного быта и частной жизни женщины в X — начале XIX веков, необходимо соотнести хронологические этапы «истории женщин» с основными вехами российской истории.

Огромная эпоха, нижняя грань которой совпадает с образованием государства Русь, а верхняя — с началом петровских реформ, содержит собственные внутренние временные рубежи. Ими являются: XIII век, когда русская земля «раздвигалась» на многочисленные самостоятельные земли и кня-

жества, столетие монголо-татарского нашествия, перешедшего затем в страшное иноземное иго, и конец XV — начало XVI века — время возникновения единого национального государства, покончившего с трехвековым ордынским гнетом.

Традиционная периодизация российской истории неявно присутствует при фиксации изменений в эволюции социального, правового, семейного статуса русских женщин X—XVII веков. Так, XIII век является рубежным и в «истории русских женщин». Это век признания за женщинами права на наследование и распоряжение недвижимостью, век возникновения многочисленных государств на карте Древней Руси, буквально каждое из которых выдвинуло на политическую арену деятельную и энергичную «женскую личность», а зачастую даже не одну.

Вторым поворотным пунктом в динамике социокультурных изменений, связанных со статусом женщин, была середина XVI века. Вплоть до этого времени эволюция социально-правового, имущественного, семейного статуса сохраняла положительную динамику, а на политической арене были заметны активные деятельницы. С середины же XVI века, с окончательным «устроением» государства по самодержавному образцу, победой идеи патриархальной иерархии в семье и обществе, вместе с запретительными указами 1552—1570-х годов, исключившими женщин привилегированного сословия из числа распорядительниц, а нередко и получательниц недвижимости, возникновением «теремной системы» и внедрением через назидательную литературу идеи женофобии, обозначился негативный поворот.

Лишь во второй половине — конце XVII века, с началом обмирщения литературы и вообще общественного сознания, рождением интереса к человеческой индивидуальности (что вообще типично для Нового времени), готовностью и стремлением «москвитов» к общению с другими народами, вместе с экономическими и социально-демографическими трансформациями, динамика эволюции социально-правового и семейного статуса россиянок обрела новые черты. Вторая половина XVII — начало XVIII века могут быть названы «русским вариантом Гуманизма»³. Он выдвинул на

первый план интерес к Человеку, его внутренней свободе, суверенности его частной жизни.

Эта книга — результат устойчивого интереса автора к проблемам «женской истории», проявившийся в середине 1970-х годов, когда к подобным темам относились весьма скептически. В этом смысле она является продолжением книг «Женщины Древней Руси» и «Женщины России и Европы на пороге Нового времени». В составе монографии «Частная жизнь женщины в доиндустриальной России. X — начало XIX в. Невеста, жена, любовница» значительная часть этой книжки была опубликована в 1997 году. Сократив научный аппарат и адаптировав ее для чтения неспециалистов, я рассчитываю в этом издании «Частной жизни» поддержать интерес молодого поколения к *новой демографической истории, истории эмоций и психоистории*. Эти направления в отечественной науке, рожденные под непосредственным воздействием моего старшего коллеги и учителя — Юрия Львовича Бессмертного, тесно связаны и с «историей повседневности», и с «историей частной жизни».

В 1990-е годы группа моих друзей и коллег, специалистов по истории Франции, Германии, Италии, Востока и России, работала под руководством Юрия Львовича в межинститутском семинаре на базе исследовательской группы Института всеобщей истории РАН. В ходе работы семинара в жарких спорах апробировались многие гипотезы, в том числе изложенные в этой книге. Выражая глубокую признательность всем участникам этой группы за помощь в работе, я посвящаю эту книгу своим близким — всем, кого любила и люблю.

Глава I «Не хочу за Владимира, но за Ярополка хочу...»

Жизнь в браке:
«самостоятельность»
или «зависимость»?

В рассматриваемую нами допетровскую эпоху большая, если не основная часть жизни женщины была жизнью семейной. Вся гамма личных переживаний и чувств, присущих каждой женщине, находилась в тесной связи с эмоциональным строем общности, к которой она принадлежала. Таким образом, факторы, оказывавшие влияние на возможность или невозможность вступления в брак (или в отношения, подобные брачным), одновременно определяли строй и содержание частной жизни.

Едва ли не важнейшим из них представляется право женщины самостоятельно определять или оказывать влияние на выбор брачного партнера. В древнейшую эпоху, до конца X века, а отчасти и позже, вступление в брачные отношения обставлялось как «умыкание» женщины. Составитель Повести временных

лет (XI век), характеризуя этот брачный ритуал, отметил, что у многих племен, населявших землю Русь, было принято не просто умыкать невесту, но и добиваться ее согласия на это предприятие («с нею же кто съвещашеся»). Подобное свидетельство — одно из наиболее ранних, говорящих о проявлении частных, индивидуальных интересов женщины.

Вопрос о сохранении права женщины «съвещаться» в вопросе о замужестве — сложнее. Как и в западноевропейских пенитенциалиях, упоминавших умыкание по согласованию с невестой вплоть до конца IX века, в российских епитимийниках похищение по согласованию часто встречается в источниках, возникших до XIII века. В позднейших же (XVII—XVIII века) «руководствах» для священников сведений о похищениях нет. В Петровскую эпоху преступления, связанные с умыканием, если и рассматривались в судах, не влекли за собой суровых взысканий. Умыкание же девушек с их согласия сохранилось как брачный ритуал в северных и зауральских землях, где в крестьянской среде и в XIX веке браки «убегом» были частым явлением.

Проявление свободной воли женщины при выборе брачного партнера получило иной ракурс с утверждением брака-«договора». О вступающих в брак теперь договаривались родственники, чаще всего родители, иногда — родители невесты с самостоятельным женихом¹. Даже в XVII веке иностранцы отмечали, что «девицам не разрешается самостоятельно знакомиться, еще того менее говорить друг с другом о брачном деле или совершать помолвку». Но возможность сохранения своего «я» у древнерусских женщин все же имелась, причем с древнейших времен. На это косвенно указывают летописные эпизоды с полоцкой княжной Рогнедой, отказавшейся разувать «робичича» (X век), с Софьей Палеолог, «восхотевшей» выйти замуж за великого князя Ивана III (XV век), с героиней «Казанской истории» (XVI век) («по закону пригоже ей быти за ним, а дочь твоя за него захотела же»), а также со знаменитой Февронией, обусловившей замужеством плату за лечение князя: «Аще бо не имам быти супруга ему, не треби ми есть его врачевати»².

Вряд ли стоит видеть в подобных единичных свидетельствах подтверждение реальной самостоятельности женщин

в брачных делах. И все же в них выразилось стремление летописца выделить, отметить их, представить как личное побуждение согласие (или несогласие) исторических персонажей на предлагаемую им брачную партию. В поздних памятниках эта тема разрабатывалась авторами и современниками описываемых событий значительно подробнее. Например, в «Повести о Тверском Отроче монастыре» (XVII век) герой просил отца «девицы, именем Ксении, власть» ее за него замуж, на что отец посчитал необходимым «вопросить о сем жены своя и дщери». При этом и герой, и отец девушки ссылались на обряд («яко же есть обычай брачным», «яко же подобает»). Ответ невесты на «выпрашания» отца и жениха свелся к предложению следовать во всех делах Божественной воле («как Богу изволишу, так сие да будет»). Тем самым автор повести снял с девушки ответственность за принятое решение. В конце текста ответ Ксении предстал обычной женской хитростью, целью которой было «отдаться за муж» повыгоднее³.

Разумеется, родители и другие родственники продолжали оказывать существеннейшее влияние на брачный выбор. Но в связи с темой частной жизни русских женщин представляется примечательным, что по брачным вопросам (о женитьбе или о выдаче замуж) советовались прежде всего с родственницами: старшими дочерьми (как то делал великий князь Иван III Васильевич, рассуждавший в своих посланиях «служебнице и девке своеи» — дочери Елене, к тому времени ставшей великой княгиней Литовской и королевой Польской, — о том, «как бы ему пригоже сына женити»; конец XV — начало XVI века), сестрами или матерью («что ты ко мне писала о женихах, кои за Прасковью Андревну говорят, и в том как твой извол будет, сама проводывай. Проси у Содетеля своего милости, чтоб подал тебе приятеля добраго (примечательно отношение современника к выбору мужа для сестры как приятеля для своей матери. — *Н. П.*). А за князь Осипова сына — как твой извол будет, [но] за таким будучи — не утешиться!»⁴).

В известной норме древнерусского брачного права XII века — о денежном штрафе в пользу митрополита, «аще девка восхощет замуж, а отец и мати не дадут» — можно увидеть

и своеобразное проявление женской индивидуальности, и поддержку законом браков по взаимному согласию, и само по себе стремление девушек непременно состоять в браке, даже если родители еще не подыскали хорошей, с их точки зрения, «партии». Формула «аще девка захочет замуж» (ср. в памятниках XVII века — «дошедши в совершенный возраст, восхотеста в законное сочетание мужевия ввати») наводит на размышления о мотивации подобного поведения со стороны женщин. Вероятно, с утверждением венчального брака вступление в него стало превращаться для человека (и женщины прежде всего) в «норму жизни». Этому немало способствовала церковь, смягчившая к XV–XVI векам первоначальные аскетические требования и направившая усилия на обоснование нравственности венчального брака. В середине XVII века староверка Ф. П. Морозова, отказавшаяся от «мирских радостей», не желала подобной судьбы сыну и смотрела на него не как на потенциального монаха, а как на обычного человека, которого «годно ему, свету (то есть Господу. — *Н. П.*) «сочетать законным браком, как ему время будет», и надеялась, что «Бог подаст сыну супружницу на Спасение»⁵.

Обидное прозвище «вековуша» в отношении незамужних «дев» существовало издавна: в народе считалось, что не выходят замуж лишь физические и моральные уроды. Как крик о помощи звучит челобитная одного москвича, жившего в XVII веке, с просьбой пожаловать небольшую сумму, чтобы выдать замуж пятую «дочеришку», на которую после выдачи замуж старших сестер не осталось «имения» на приданое. Автор челобитной сформулировал свою просьбу коротко и без бюрократических штампов: «Человек я бедной, богат [только] дочерми»⁶.

Многие присловья и пословицы XVII века также свидетельствуют о том, что девичеству всегда предпочитался брак и самая худая «партия» казалась неизменно привлекательнее унижительной участи старой девы («Без мужа жена — всегда сирота», «Жизнь без мужа — поганая лужа», «Вот тебе кокуй (кокошник, кика, головной убор «мужатицы». — *Н. П.*) — с ним и ликуй!»⁷). Косвенное упоминание о возможности семейных драм, инспирированных девичьими «хотениями»,

содержит упоминание в «Уставе князя Ярослава Владимировича» ситуаций, при которых девушка могла решиться на самоубийство из-за брака поневоле или же казуса «аще девушка зашла за мужа, а отец и мати не дадут».

К сожалению, с утверждением договорного брака право выбора своего «суженого» и, следовательно, возможность повлиять на дальнейшую семейную жизнь оказалось для девушки урезанным. Однако свидетельства говорят о многообразии житейских ситуаций, связанных с замужеством и подчас неожиданными пожеланиями и решениями новобрачных. Известно: ранние (XII век) договоры о помолвке с указанием размеров приданого включали определение размеров неустойки лишь в том случае, если свадьба разстроится по вине ветренника-мужчины. С XVI же века появилась и формула взыскания неустойки с родственников несогласной на брак невесты. Разумеется, родные старались не допустить таких инцидентов. Редкий случай неожиданного своеволия невесты, проявившегося буквально накануне «решающего дня», рисует группа актов, связанных с замужеством княжны Авдотьи Мезенцевой, воспитанницы богатой бабушки Марфы (начало 1560-х годов). Марфа, безмерно любя внучку, продала два села, чтобы выплатить неустойку обрученному с Авдотьей жениху, за которого влюбившаяся в другого внучка отказалась выходить замуж. «И я, Марфа, заплатила ему 500 рублей слез ее ради», — сообщила Марфа в своей духовной, объясняя «исчезновение» из семейного имущества значительной его части. Любопытно, что народный обычай «отдаривания» пострадавшего от отказа невесты жениха (как правило, караваем) существовал издавна и сохранился в текстах посадских повестей. Например, в «Притче о старом муже и молодой девице» XVII века концовка такая: «Младому девица честь и слава, а старому мужу (мужчине. — *Н. П.*) — коровой сала» — то есть откуп⁸.

О возможности заключения брака на основании личной склонности между дворовыми («кто кого излюбит») упоминал в своем сочинении, написанном в середине XVII века, Григорий Котошихин. А современная его сочинению «Повесть о семи мудрецах» в образной форме обрисовала возможный диалог о замужестве: «Рече ей мати: “Кого хочещи

любити?» — Она же отвеша: “Попа”. Мати же рече: “Лутчи... дворянина, ино менши греха”. Она же рече: “Попа хощу”»⁹.

Женщины, выходявшие замуж не в первый раз, несомненно, имели бóльшие возможности свободного волеизъявления при замужестве и в раннее время, и в XVI—XVII веках. То, каким по счету было замужество в жизни женщины, было еще одной доминантой, определявшей ее частную жизнь и эмоциональный строй супружеских отношений. Несмотря на церковные запреты, касавшиеся повторных (а тем более третьих, четвертых и т. д.) браков, жизнь брала свое: многие женщины вступали в брак далеко не один раз в жизни: даже законы некоторых земель позволяли новый брак «аще кто будет млад, а детей не будет от перваго брака, ни ото второго». Причем брачные сделки такого рода осуществлялись женщинами вполне самостоятельно, без согласования с родственниками и без унижительного «осмотра». Пример тому — новгородка Ульяница (XIV век), к которой обратился ее жених Микита: «Поиди за мене. Яз тебе хоцю, а ты мене...» Такая самостоятельность вовсе не противоречила стремлению вступающих в брак заручиться поддержкой и благословением родителей («абы милость родительскую получить», «блюстись», дабы неожиданный брак не привел к тому, чтобы они «с печали померли»¹⁰).

Поздние памятники, отразившие жизнь и чувства людей с бóльшими подробностями, позволяют утверждать, что в то время отношение прихожан к тем, кто женился или выходил замуж повторно и даже в третий раз, было терпимым. «Повесть о семи мудрецах» донесла до нас обращение к ее герою «боляр и воивод», обеспокоенных отсутствием «плода наследия державия царствия» и потребовавших найти «супружницу» и «посягнуть на вторый брак». Обосновывая подобное решение, «боляры и воиводы» ссылались на «закон» («писано бо в законе: аще кому умрет жена, посягнути на вторую, аще вторая умрет — на третью посягнути»), а также на возраст потенциального жениха («ты в средней юности суще»). Таким образом, обосновывалось возможное пренебрежение строгостью церковных предписаний и даже некоторая корректировка назидательных и нормативных текстов, в которых третий брак все еще квалифицировался

как «законопреступление». Описывая последствия второго и последующего браков, один из переписчиков назидательных текстов (XV век) мотивировал в своей приписке запрет второго брака: «Вторый брак бывает начало рати и крамоле. Муж бо, за трапезою сидя, первую жену, вспомянув, проследится, вторая же взъярится!»¹¹

В «Повести о семи мудрецах» допустимыми предстают не только второй, но и третий браки. Это можно было бы отнести на счет ее переводного характера, не имея она мощной фольклорной подпитки. Фольклорные источники, особенно былины, содержат немало подтверждений тому, что уверенные в себе совершеннолетние женщины могли не только лично принять решение о новом браке, но и самостоятельно посвататься к понравившимся избранникам. «Повесть о Еруслане Лазаревиче» (XVII век) приводит одну из вероятных причин «забывания» церковных норм: «...смотрячи на красоту ея, с умом смешался, и забыл свой первый брак, и взял ея за руку за правую, и целовал в уста сахарныя, и прижимал ея к сердцу ретивому...»¹² Мотивация «смены жен» в этом тексте настолько напоминает сегодняшний день, что не требует комментариев.

Пример отношения к повторному браку «от живой жены» являют письма раскольницы Е. П. Урусовой. Ее муж, князь П. С. Урусов, развелся с нею в 1673 году (мотивом, по всей видимости, были убеждения Е. П. Урусовой) и женился повторно. Сохранившиеся же письма раскольницы с шемющим душу обращением к детям («Говорите отцу и плачьте перед ним, чтобы не женился, не погубил вас») отражают противоречие нормы и действительности. Говоря о «погублении», Е. П. Урусова разумеет преступление церковной и нравственной нормы единобрачия, предупреждая, что если дети дадут совершиться беззаконию (женитьбе отца), то «плакать» они станут «вечна». Наполненные болью и обидой слова оставленной женщины, равно как и слезы детей, не стали для князя аргументом и не заставили его поменять решение (что не удивительно), но то, что он не остановился перед преступлением нравственной нормы, внушаемой православием, женившись повторно, заставляет задуматься о действенности тогдашней «моральной пропаганды»¹³.

Помимо возможности (или невозможности) самостоятельно определять избранника, на частную жизнь женщины, вступающей в брак, могли оказывать влияние и иные факторы. Среди них, если следовать запретительным статьям брачного права, были вероисповедание, близкородственные связи (оба этих запрета почти не нашли отражения в памятниках, исходивших из народной среды, оставшись предметом обсуждения лишь православных священнослужителей), разница в социальном статусе (особенно небезразличном «холопям» и вообще социально зависимым¹⁴).

Отношение к мезальянсам и со стороны служителей церкви, и со стороны «паствы» было негативным. Церковные деятели не уставали страшить женихов тем, что «жена от раб ведома есть зла и неистова»¹⁵. И в самом деле, социальное и, следовательно, имущественное неравенство супругов могло быть определяющим при формировании семейно-психологического микроклимата. Об этом говорил еще Даниил Заточник (XII век), предостерегший от женитьбы «у богатого тестя» на девушке, видевшейся ему «ртомстой и челюстостой» образиной. Женитьба же на самостоятельной в имущественном отношении женщине ассоциировалась у Заточника с обязательностью дальнейшего подчинения ей¹⁶. Современные психологи, отметим здесь, тоже трактуют «неподчинение власти» по меньшей мере как «претензию на нее» (а потому неподчинение жены вследствие ее имущественной самостоятельности действительно, как и опасался Заточник, было скрытой формой подчинения супруга власти жены).

Женитьба на рабыне и, как следствие, утеря более высокого социального статуса упомянуты в Русской Правде, отразившей житейский казус: холопка выступала как «приманка» в «силках» социальной зависимости.

Случаи благополучной семейной жизни князя и простолюдинки (или аристократки и «простеца») в ненормативных источниках отображения почти не нашли. Лишь как исключения можно привести взятые из литературы примеры браков крестьянки Февронии и князя Петра (XVI век) или «девки» Бовы-королевича и безымянного князя (которого Бова сам «выбрал и отдал девицу за князя замуж», XVII век). Даже

в идеализированном варианте «Повести о Петре и Февронии» мезальянс привел к политической драме: князь поначалу утверждал, что «невозможно князю пояти ты в жену себе безотчества твоего ради», затем подчинился требованию «невежителницы» (дочери необразованного, «невежи». — *Н. П.*). В образе Февронии нашла отражение стихийная тяга автора «Повести» Ермолая-Еразма к равенству. Однако он не обольщался на этот счет в отношении своих современников, обрисовав столкновение идей о возможности «неравного брака» как конфликт Петра с боярами. Последние, как известно, заявили: «Княгини Февронии не хошем, да не господствует женами нашими!» — потребовав изгнания бывшей крестьянки¹⁷.

Описанная ситуация — один из примеров того, как частная жизнь влияла на жизнь общества. В памятниках XVII века можно найти (и не однажды) вложенную в уста героев, принадлежавших к разным социальным стратам, негативную оценку любви в условиях неравенства («срамота», «понос», «неподобное дело») и, напротив, восхваление семьи, основанной на имущественном и социальном равенстве: «Аз была дочь богатого отца и матери добрая — был бы мне муж отца богатого, и была бы есмь госпожа добру многу, и везде бы [ла бы] честна, и хвална, и почитаема от всех людей»¹⁸.

Отметим, что в XVII столетии отношение москвитов к мезальянсам переменялось мало. В актах свидетельств таких браков не найти, а в литературных памятниках оценка их оставалась однозначно негативной. Скажем, в «Сказании о молодце и девице» гордая «боярская дочка» называет притязającego на ее взаимность «молодца» «дворянином-оборванцем», «деревенской шеголиной» и всемерно подчеркивает, что она ему не ровня. И это при том, что герой «Сказания» — как становилось ясно читателю далее — был «сыном боярским», «княжим племянником», но обедневшим, выбитым какими-то крупными социальными событиями из привычного бытового уклада.

Первые «брачные назидания», обращенные именно к женщинам, отмечены концом XVII века. В отношении же мужчин тема «ищи ровню!» поднималась раньше — и довольно часто. Для примера можно взять поучение князя «отроку»

(слуге) Григорию в «Повести о Тверском Отроче монастыре»: «Аще восхотел еси жениться, да поимеши себе жену от велмож богатых, а не от простых людей, и небогатых, и худейших, и безотечественных (отчество на Руси и к концу допетровского периода было привилегией знатных. — *Н. П.*). Да не будеши в поношении и унижении от своих родителей, и от бояр и друзей, и от всех ненавидим будеши, и от мене удален стыда ради моего!» Правда, сам поучающий женился в дальнейшем как раз не на ровне, а на крестьянке, которую до того полюбил Григорий. Так что рассуждения князя насчет «ровни» выглядели по меньшей мере лицемерием, а по большей — насмешкой над господствующей в обществе традицией не смешивать социальные различия в браках. Первый раз увидев невесту своего «отрока», девушку отнюдь не из богатых, он тут же «рече» ее жениху: «Изыди ты от мене и даже место князю своему и изыщи ты себе иную невесту, идеже хошеши. А сия невеста бысть мне угодна, а не тебе!» Вероятно, такая ситуация была нередкой и ранее, но именно автор, живший в XVII веке, когда «старина с новизной перемешались», когда появился интерес к внутренним переживаниям человека, представил дальнейшее развитие событий как трагедию: «отрок» Григорий пережил душевную драму, ушел в леса и основал там монастырь.

Автору «Повести» пришлось при этом как-то мотивировать и поведение князя, объяснить его действия тем, что он, едва увидев Ксению, немедля «возгорется бо сердцем и смятется мыслью». С другой стороны, нужно было представить в благородном свете и героиню «Повести». В современном обыденном сознании ее поступок не кажется привлекательным: она не вышла замуж за «плохого» жениха, подождав «хорошего». Однако в системе представлений человека XVII века поведение ее было не безнравственным (быть просватанной за бедняка-ровню и сбежать к князю чуть ли не из-под венца), а, напротив, высокоморальным. Ксения, как подчеркивает автор «Повести», изначально «провидела» свое предназначение, прислушивалась к внутреннему голосу и оттого представлена «богомудрой» и «вещей».

Так что, подходя к источникам с позиций анализа истории частной жизни, трудно не увидеть в них иллюстрации под-

хода к браку, выработанного житейским опытом, но весьма отличного от церковного. В «Притче о старом муже и молодой девице» (XVII век) «старый муж, велми стар» перечислял «прекрасной девице» выгоды, которые ей сулил брак по расчету: «...в дому в моем государынею будеши, сядеши, моя миленкая, в каменной палате и начну я тебя, миленкая, согривати в теплой бане по вся дни, украшу тебя, аки цвет в чистом поле и аки паву, птицу прекрасную, и сотворю тебе пир великий и на пиру велю всякую потеху играти и начнут тебя тешить...» Таким образом, длямышленной и хорошенькой девушки удачное замужество могло стать «трамплином» в более высокий социальный пласт, что вносило коррективы в систему бытующих представлений о том, *где* и *как* искать женихов¹⁹.

Отчего же все-таки и церковные поучения, и народная мудрость («Свинье гусь не ровня», «Мил-добр, да мне не ровня», «Не терт-де калач, не мят-де ремень, не тот-де сапог не в ту ногу обут, не садится лычко к ремешку лицом») предписывали вступающим в брак непременно искать себе «равного», «пару», «подобну себе»? Можно только предполагать, что выходцы из одного социального слоя, жившие в равном достатке, имели и одинаковые ценностные ориентации, что облегчало взаимодействие партнеров в создаваемой семье. Однако рассуждение боярыни Ф. П. Морозовой о «супружнице» для сына обращает внимание и на иной ход рассуждений: «Где мне взять (“супружницу” сыну. — *Н. П.*): из добря ли породы или из обышняя? Которые породю полутче девицы — те похуже (характером? — *Н. П.*), а те девицы лутче, котория породю похуже...»²⁰ В этой житейской мудрости — отголосок мизантропии Заточника: «не женись на богатой», женись на ровне или — как полагала Морозова — на той, что «породой похуже».

Стоит заметить и другое: случаев венчанных, официально признанных мезальянсов в памятниках, зафиксировавших реальные исторические факты, очень мало. Закон требовал при обнаружении сожителства социально «свободных» жен и «холопов» мужей немедленно венчать их, но с условием, что жена примет социальный статус супруга. Действительность, однако, была не всегда такой, как мечталось

церковным дидактикам²¹. В древнерусском обществе, вероятно, всегда существовало определенное число невенчаных, в том числе побочных, семей, образованных «свободным» мужем и холопкой²² или же аристократкой и мужчиной более низкого социального статуса²³. Летописи свидетельствуют, что «супружницы» низкого звания оказывали немалое влияние на мужей, что вызывало и глухой ропот, и явный протест (случай с Настаской, побочной женой галицкого князя Ярослава, обвиненной боярами в ворожбе, якобы повлиявшей на осложнение внутривластической ситуации в княжестве в XII веке).

Но не было ли высокое число таких «беззаконных сожителств, свинских, неблагословенных и нечистых» (их еще и посильнее ругали церковники²⁴) отражением неодобрительного отношения к мезальянсам и самого общества, согласного считать «нормальным», «обычным»²⁵ подобные сожителства, но не согласного на официальную регистрацию прецедентов (венчание аристократов с простолюдинками)? Все примеры мезальянсов в русском быту допетровского времени — литературные²⁶. В то же время нам не удалось найти свидетельств (за исключением эпизода с галицким князем в 1173 году) того, что невенчаные браки и рождение незаконных детей сопровождалось общественным порицанием (хотя в имущественном отношении права их были очень узки). Если таковое и происходило, то, по-видимому, лишь в привилегированном сословии. Судебные документы и расспросные речи о «женках», не имевших венчаных мужей, но растящих в одиночку детей, свидетельствуют о терпимом отношении к ним свидетелей таких «браков» — соседей, знакомых²⁷. Однако при всей терпимости общества норма диктовалась церковью. Не оттого ли ни от кого не зависимый самовластный монарх Петр Великий, «пустивший» законную жену Евдокию, десять лет не решался обвенчаться с дочерью литовского крестьянина Мартой Скавронской (будущей императрицей Екатериной I)?

Если размышлять об отношении «окружающих» к официально зарегистрированным замужествам, то представляется существенным влияние возраста новобрачной на ее последующую жизнь в семье. Хотя митрополит Фотий, трезво оце-

нивая, вероятно, физиологические препятствия, запретил в XV веке «венчать девичок менши пятнадцати лет», в стародавние времена правило это соблюдалось разве что житийными персонажами, вроде Ульянии Осорьбиной, которая была «вдана» мужу шестнадцать лет. Впрочем, в крестьянской среде девушек старались выдавать замуж в том возрасте, когда они становились способными самостоятельно выполнять нелегкие домашние обязанности по уходу за скотиной, готовке пищи и заготовке продуктов впрок²⁸.

Когда же брак преследовал политические цели, утверждают летописи, девочку могли выдать замуж и «младу сушу, осьми лет»: «Достаточно яблока и немного сахара, чтобы она оставалась спокойной», — записал свои впечатления «немец-опричник» Г. фон Штаден (середина XVI века) о более чем юной (зато «очень хорошенькой»!) дочери князя Владимира Андреевича Старицкого — Марии, выданной замуж в девять лет за двадцатитрехлетнего герцога Магнуса Сумбека из «Казанской истории» (равно как ее исторический прототип Сююн-бике) также была выдана замуж в двенадцать лет, «млада, аки цвет красный». В XVII столетии нередко выдавали замуж «на десятом году возраста», в начале XVIII века — в тринадцать лет (венчать младших в 1721 году воспретил Синод). «Невеста родится — жених на конь садится», — говорила народная поговорка, подчеркивая традиционное неравенство лет вступающих в брак. Петр I объявил о совершеннолетию дочери Анны, когда ей исполнилось тринадцать. Нет сомнения, что девочки, вышедшие из-под «власти» (опеки и авторитета) отца, сразу же, без «переходного периода» становления личности и индивидуальности, попадали под опеку и авторитет мужа («я была у отца и у матери, а теперь — полоняничное тело, волен Бог да и ты со мною»). Став женщинами в двенадцать-тринадцать лет, матерями в тринадцать-четырнадцать, они были в проявлении своих эмоций очень зависимы, несамостоятельны. Частная жизнь девочки-женщины растворялась в частной жизни новой семьи, однако блюстителей нравственности это не только не смущало, но и безмерно устраивало²⁹.

Влияние разницы возрастов новобрачной и ее супруга на частную жизнь женщины было множественным. Для боль-

шинства «юниц», вроде перечисленных выше, оно было шагом к усилению зависимости. Для «молодух» в самом расцвете сил оно закладывало основу будущих связей на стороне, когда пожилой жених «спаше с своею женою», «великой», «не возможе ея утешити и возжеления ея похотного исполнити старости своя деля» (ср.: «Коли меня, прекрасную девицу, поимешь, тело твое почернеет, уды твои ослабеют и плоть твоя обленитца, не угоден будешь младости моею и всему моему животу не утеха!»³⁰). Составители популярных текстов XVII века не сомневались, что именно «того ради» жены ненавидят стариков. «И начат им гордети (пренебрегать) и приучи к себе, греховного ради падения, некоего юношу, лепа зело (очень красивого)» — так современник оценивал (и не слишком осуждал!) итог брака «юницы» со стариком, которого он ее устами обзывал «старым мужем с вонючею душою, понурою свиньею»³¹.

Житейскую ситуацию с молодой, но опытной женщиной и юнцом представляла любопытная вставка в список «Беседы отца с сыном о женской злобе»: «Аще будет юн муж — она его оболстит, близ оконца приседит, скачет, пляшет и всем телом движется, бедрами трясет, хрептом вихляет и другим многим юнным угодит и всякого к себе [пре] лстит». Исследователи текста «Беседы» полагают, что данная вставка — несомненная «зарисовка с натуры», отражающая один из вариантов развития семейных отношений³².

Сохранение невинности до брака могло оказать прямое воздействие на будущую жизнь девушки. Лишь девицы, «превозмогшие» «по естеству похоти мысль», могли оказаться царскими невестами и женами представителей клира. Желание девушек сохранить «чистоту» нашло отражение в сюжетах повестей XVII века, имевших хождение в посадской среде, где героини, попавшие в сложные ситуации, просили лишь об одном — «девство» при них «оставить ради вышняго промысла»³³. Однако ни домосковские законы, ни церковные наставления XVI—XVII веков не рассматривали девственность как брачное условие. С девиц, не смогших «ублюстись», предписывали только взимать штраф, хотя, разумеется, непорочная невеста считалась большей «ценностью», что и фиксировалось специально в тексте докумен-

тов: «А дочеришка моя пришла за него, Василья, замуж без пороку чистым браком...»³⁴

В конце XVII века, когда был составлен этот документ, в Московии широко практиковался свадебный ритуал демонстрации «почестности» новобрачной с помощью кубка с просверленным дном (символизирующего невесту, утратившую девственность), а также осмотра ночной сорочки царской невесты; однако эти «действия» стали частью народного обычая далеко не сразу и отнюдь не вместе с принятием христианства. Даже в XVIII столетии, когда отношение к добрачным связям девушек стало в крестьянской среде более строгим (а особенно по сравнению с аналогичным поведением юношей), оно оставалось терпимым. В народе сохранялось представление о браке как о виде гражданской сделки, лишь освящаемой благословением церкви (замужество с венчанием, но без свадьбы не считалось общественно признанным, в то время как свадебный пир без венчания позволял считать брак заключенным)³⁵.

Перечисленные выше обстоятельства, будучи одновременно брачными условиями, оказывали немалое воздействие на строй частной жизни женщин Древней Руси XVI—XVII веков. Но осталось сказать еще об одном факторе, имевшем немалое влияние на самостоятельность или зависимость, «свободу» или «угнетенность» женщин в семьях допетровского времени. Речь идет об их праве на развод.

Возможность расторгнуть брачную сделку формально имели и муж, и жена. Основным поводом к разводу считалось прелюбодейание, но определялось оно для супругов различно. Муж считался изменником, если он имел на стороне наложницу и детей от нее. В XVII веке «прелюбодейанием (для мужчины. — *Н. П.*) считалась длительная связь с женою другого». Варианты «прелюб» описаны в источниках: от побочных семей и до брачных союзов из трех человек, вроде упомянутых «Правосудием митрополичьим» (XIII век) (статья о двух женах, живущих с одним мужем) или «Сказанием об убиении Даниила Суздальского и начале Москвы» (XVII век) (в котором два «сына красны» боярина Кучки «жыша со княгиной в бесовском вожделении, сотонинским законом связавшись, удручая тело свое блудною любов-

ною похотною, скверня в прелюбодействии»). Формально, конечно, жена имела право потребовать развода, если могла доказать факт измены супруга, но разводных грамот такого рода от X–XVII веков не сохранилось³⁶.

Женщина считалась «прелюбодеицей», если она только решалась на связь с другим мужчиной, на «чюжеложество»³⁷. Узнавший о ее вероломстве супруг не просто имел право, но и обязан был развестись (прошавших женам их измены рекомендовалось наказывать штрафом в пользу церкви, — должно быть, далеко не каждый адюльтер влек за собой развод). Просьбы мужей о разводе по «вине прелюбодеяния» (все — XVIII век) часто, если не всегда, заканчивались прошением о разрешении нового брака (иногда с вполне конкретной избранницей), что заставляет заподозрить авторов грамот в злоумыслии. Кроме того, отношение к «пущенницам» (разведенным женщинам) в привилегированной части общества было осуждающе-сострадательным, как к «порченным»: не случайно летописцы отметили случаи, когда князя, воюя с тестями, «нача пущати» своих жен — это было равносильно оскорблению врага³⁸.

О том, насколько были распространены разводы в допетровское время, судить сложно. Еще труднее находить свидетельства того, какие чувства вызывало наличие права на развод (или отсутствие его реальной возможности) у людей того времени. Вероятно, частное право, регулировавшее семейные отношения, шло от конкретных казусов: разрушения семейной общности по тем или иным причинам³⁹. К ним, помимо прелюбодеяния, церковный закон XII века относил бездетность брака, в том числе импотенцию мужчины: «...аще муж не лазит на жену свою, про то их разлучити»⁴⁰. Любопытно, что поздние памятники — литература XVII века — зафиксировали отношение женщин к подобной возможности («идох за него девою сущи непорочна, и он же, старец, не спит со мною... поймайте его и ведите к судиям, да исполнят над ним!»⁴¹), однако разводных грамот такого рода до нас не дошло.

Еще одним поводом к разводу для женщины могла быть невозможность главы семьи «държати» (материально содержать) жену и детей. Образ такого рохли, да к тому же

еще и пьяницы, пропившего все семейное добро, включая «порты» жены, оставил один из ранних памятников покаянной литературы⁴². Но с течением времени этот повод к разводу незаметно исчез из текстов канонических сборников. Зато появился (примерно в XIII—XIV веках) новый мотив: пострижение одного из супругов.

Казус с Соломонией Сабуровой, с которой развелся в 1526 году великий князь Василий III — формально по причине принятия ею схимы, а фактически из-за «неплодия» многолетнего брака, — свидетельствует, что для представителей церковных властей в этом вопросе дилеммы не было. Отсутствие детей в царской семье, ставившее под угрозу существование рода Рюриковичей, было «головной болью» князя Василия и его окружения. Восточному же патриарху, к которому русский царь обратился с просьбой разрешить развод, эти тревоги не показались мотивом, веским для «разлучения». Поскольку недостойные поступки со стороны Соломонии отсутствовали (летописец прямо указал, что развод был совершен «без всякой вины от нея»), князь заставил жену принять постриг. Автор миниатюры в Радзивилловской летописи изобразил Соломонию заливающейся слезами на фоне высоких стен монастыря, в котором ей суждено было прожить шестнадцать лет. Андрей Курбский был позже возмущен тем, что Василий постриг Соломонию, «не хотящу и не мыслящу о том». По словам Герберштейна, великая княгиня энергично сопротивлялась постригу, растоптала принесенное ей монашеское одеяние, что заставило Ивана Шигону (советника Василия III) ударить «ее бичом»⁴³.

Личная драма Соломонии ни бывшим мужем, ни вообще кем-либо в расчет не брались. Сказать, что несчастная женщина относилась к своей «тяжкой болезни» безропотно, никак нельзя: сохранились «памяти» о том, как она пыталась вылечиться от «неплодства». Народная же молва и вовсе восстановила доброе имя пострадавшей, донеся до нас предание о том, что в монастыре княгиня-схимница родила сына Георгия⁴⁴.

Напротив, великого князя Василия за его отношение к Соломонии народ не раз поминал недобрым словом, называл «прелюбодеем» (хотя официальные источники пере-

кладывали ответственность за недостойный поступок на бояр, якобы сказавших: «Неплодную смоковницу посекают и измещут из винограда»). Тот факт, что долгожданный наследник (будущий Иван Грозный) родился у Василия и молодой польки Елены Васильевны Глинской не сразу, а лишь через три года после свадьбы, «простецы» интерпретировали как подтверждение «вины» князя, его неспособности продолжить род, упорно приписывая отцовство «сердешному другу» Елены Глинской — князю Ивану Теплю-Оболенскому. Общественное осуждение развода великого князя с Соломонией выразилось и в том, что второй брак Василия многие считали «незаконным», предсказывали, что от него родится сын, который наполнит царство российское «страстми и печалми». Показательно также, что прецедент Василия и Соломонии не породил «волны» «разлоучений», оставшись осуждаемым и чуть ли не единственным явлением. Впоследствии Петр I, совершивший аналогичный поступок, долго не решался вступить в новый брак и старался поддерживать хорошие отношения с принявшей постриг Евдокией⁴⁵.

Оценивая соотношение «нормы» и «действительности» в вопросе о разводе, приходится признать исключительную ограниченность возможностей его для женщин допетровского времени, в том числе представительниц царской семьи. Казалось бы, формально сама Соломония могла потребовать развода с Василием после трех лет бездетного брака, однако фактически случаи таких прошений от женщин были очень редки и все обнаруженные ныне относятся к XVIII веку (из них лишь одно удовлетворено). Поступление же супруги в монашество давало полную уверенность в «благополучном» исходе дела: мужья не стеснялись «подводить жен под монастырь» (не случайно в XVII веке в русском языке возникла эта идиома). Впрочем, народные поговорки зафиксировали возможность и обратной ситуации («От жен люди постригаются»⁴⁶): вероятно, женщины с сильным и независимым характером могли внести существенные «коррективы» в представление о «семейной власти».

Частную жизнь женщин допетровской Руси могли бы охарактеризовать примеры реализации их права на раз-

вод с мужьями-клеветниками, формально существовавший с XII века (такую возможность давала бездоказательная «крамола» на целомудрие, несправедливое обвинение в колдовстве, воровстве, убийстве, «любом злом деле»). Среди записок современников есть упоминание о возможности для жены в России «разлучиться» с мужем и в случае, если он жестоко с ней обращался⁴⁷.

Повествовательная литература приводит слова жен, измученных пьянством супругов: «Не моще терпети, всегда муж пьян приходит, дом наш разорился, с ним бы разошлася...» Но примеров прошений жен о разводе по этой причине нет. Частную жизнь москвиток XVII века особенно ярко характеризует поговорка, записанная в то время: «Женитьба есть — а розженидьбы нет»⁴⁸. И не случайно в русском языке муж и жена с давних времен именовались именно «с[о]упругами» — людьми, «со[у]пряженными» браком, семьей как лошади одной упряжью⁴⁹. Практическая затруднительность расторжения брака для женщины допетровского времени объяснялась и тем, что в случае положительного ответа она могла требовать возмещения мужем расходов по судебному процессу и получения большей части имущества «на содержание»⁵⁰.

Перед нами предстали, таким образом, обстоятельства, оказывавшие влияние на некоторые стороны частной жизни древнерусских женщин. Все они воздействовали на эмоциональный строй семьи, но степень и форма их влияния различались в разные периоды существования супружеского союза. Едва ли не главным из них было право выбора брачного партнера, опосредованное — в течение всего рассматриваемого нами периода — волей родственников невесты. На протяжении семи веков, о которых идет речь в этой книге, вместе с тенденцией «вмешательства» родственников, и прежде всего родителей, в частную жизнь детей или подопечных, постоянно сосуществовала и тенденция обратная — стремление решать эти вопросы «единолично», во-первых, соглашаясь, с собственными эмоциями и склонностями и, во-вторых, руководствуясь просто стремлением девушки выйти замуж, в силу постыдности статуса старой девы.

Принимая решение о выходе замуж не один раз в жизни (как то предписывалось церковными нормами), отказыва-

ясь от «целомудренного вдовства», женщины в Древней Руси и Московии XVI—XVII веков чаще всего осознанно шли на нарушение навязываемых сверху (но не общепринятых!) правил. Мотивами здесь были либо бездетное первое супружество (поскольку и нормы светских законов — в отличие от аскетических запретов норм церковного права — в некоторых русских землях допускали это), либо — на поздних этапах, в XVI—XVII веках, — эмоционально-личные мотивы. Отношение общества к повторным и последующим бракам женщин было в целом терпимым, оно определялось в каждом конкретном случае.

Существенное значение для замужней жизни женщины могло иметь и социальное и имущественное равенство (или неравенство) породнившихся семей. Различные по характеру источники — от назидательных и летописных до судебно-правовых — демонстрируют возможные следствия социального и имущественного неравенства супругов: изменение социально-ролевых функций супругов, ломку традиционной семейной иерархии, провоцирующее поведение одного из супругов, следствием которого могла стать, например, связь на стороне. Подробное рассмотрение примеров мезальянсов позволяет сделать вывод о неприемлемости их обществом, склонным скорее допускать адюльтер, сожительство с социально-зависимыми, побочные семьи, нежели позволить социальные и имущественные различия в браках.

Определенное влияние на эмоциональный настрой в семьях оказывал возраст вступающих в брак. При «сближенности» возрастов возникала большая эмоциональная привязанность, а серьезная разница создавала перспективу супружеских измен и внутрисемейных конфликтов.

Требование сохранения невинности до брака, на чем настаивала церковь, как показал анализ ненормативных памятников, соблюдалось не всегда, хотя действительно выполнение этого предписания могло послужить для новобрачной «социальным трамплином» (стать боярской или даже царской невестой на смотринах) и оказать существеннейшее влияние на ее последующую жизнь в браке.

Наконец, на судьбу, внутренний мир и повседневный быт женщины могла повлиять (и влияла!) такая доминанта, как

право на расторжение брачной сделки. Если заключение брака прямо зависело от родителей, то расторжение было делом сугубо личным, частным делом «мужатицы». Нормы древнерусского права предоставляли женщинам право на развод, однако документы, литературные и фольклорные источники свидетельствуют об исключительности таких примеров. Светские и церковные законы указывали немало поводов к «разлучению», но для «руссок» и московиток (да и их мужей) все это не имело безусловного значения. Куда чаще случались разводы по причине ухода одного из супругов в монастырь.

При этом хотя монастырь в средневековой Руси XVI—XVII веков и выступал в качестве альтернативы обычной семейной жизни, традиция ухода в монастырь все-таки не была широко распространена. Поэтому можно утверждать, что двумя важнейшими фазами жизненного цикла — замужеством и прекращением или расторжением брака — исчерпывалась вся взрослая, сознательная, иногда самостоятельная, иногда зависящая повседневная жизнь женщины⁵¹.

Глава II «А про дом свой изволишь вспомянуть...»

Повседневный быт: работа и досуг

В повседневном быту русского Средневековья господствовали простые ценности: ведение хозяйства, надзор за челядью, рождение и воспитание детей. Вся эта сфера жизни зависела от женщин в куда большей степени, чем от их мужей, отцов, братьев. Это была сфера их «господства». Основную часть повседневного быта любой жительницы Древнерусского государства занимала домашняя работа.

Для всех представительниц непривилегированных слоев она была формой выживания, заполняя подавляющую часть дневного, а зачастую и вечернего времени. Она же составляла едва ли не главное содержание жизни женщин¹. Если церковные наставники домосковского периода под воспитанием «дщерей» понимали только заботу о том, чтобы они

«не растлили девства»², если они не говорили о необходимости привлекать девочек к труду, то лишь потому, что включение их с раннего возраста в домашние работы было очевидным. К ним готовили с четырех лет, целенаправленно обучали с семи (в том числе и в аристократической среде)³. Появление в сборниках для назидательного чтения тезиса о педагогическом значении работы относится к сравнительно позднему времени (не ранее XVI века)⁴, когда труд стал пониматься как средство самообуздания и самовоспитания. Тогда же самоотверженная работа женщины стала приравниваться к самоотдаче в молитве⁵ и подвигу благочестия.

Составитель Домостроя (XVI век) — наиболее известная редакция Домостроя приписывается протопопу Сильвестру, — подробно расписав, как учить дочерей «всякому порядку, и промыслу, и рукоделию», невольно выразил собственную оценку роли «трудового обучения» в частной жизни матерей и воспитываемых ими девочек. Поздние тексты не случайно упоминали девичье «прилежание в предивенном пяличном деле», а также «хитроручное изрядство» и «шелковидное ухищрение» при положительных характеристиках юных невест⁶. Отмеченная Сильвестром и воспитываемая в девушках с детства рачительность к каждому кусочку, крошке, лоскутку показывает, насколько ценились в частной жизни человека допетровского времени все эти блага: еда, питье, одежда. Об этом же говорит и эпизод в «Повести о Петре и Февронии», когда бояре выразили возмущение поведением Февронии, стяхивавшей «в руку свою крохи» хлеба, «яко гладна». Петр решил «искусить ю», раскрыл ее руку, чтобы убедиться в верности слов «некоего», который «навадил» его «на ню», — и обнаружил в открытой руке супруги «ливан добровонный и фимиян», в которые чудесно превратились крошки⁷. В этой зарисовке житийного чуда — не только религиозные мотивы, не только исключительное уважение средневекового человека к хлебу, но и «увязанность» назидательной идеи беречь хлеб с образом женщины как воспитательницы.

Православная идея «воспитания работой» не противоречила народной традиции, которой была свойственна поэтизация труда. Если в православных текстах труд часто подраз-

делялся на престижный «мужской» (пахота, строительство) и не столь престижный «женский» (приготовление пищи, уход за скотиной, ткачество⁸), то народная традиция уважала любой труд в равной степени. В фольклорных и письменных источниках часты упоминания мужчин, занятых приготовлением пищи, и женщин, выполняющих «мужскую» работу. Такие сведения есть и в Русской Правде (в статье о вдовах, вынужденных пахать, чтобы выплатить подати), и в сказках, и в пословицах, и в этнографических описаниях конца XVIII века. Посетивший Россию в конце XVII века посол Рима в Москве Я. Рейтенфельс вообще отметил, что «женщины трудятся на полях гораздо более, чем мужчины»⁹.

И все же с незапамятных времен существовали и безусловно женские занятия, и среди них — рукоделие. Не только крестьянки и незажиточные горожанки, но и боярыни, княжны, черницы в монастырях ткали, шили, вышивали. Работами «люботрудниц» царицы Анастасии Романовой (первой жены Ивана Грозного) и царевны Ксении Годуновой (дочери царя Бориса) можно и сегодня любоваться в ризнице Троице-Сергиевой лавры. Не менее известны и прикладные работы знаменитой интриганки середины XVI века Евфросиньи Старицкой, удаленной Иваном Грозным с политической арены в Воскресенский женский монастырь на Белоозере. Для ее неуемной энергии необходим был выход, и потому организация на Белоозере, а затем и в Горицком монастыре знаменитых золототкацких мастерских стала формой сублимации деловой активности княгини¹⁰.

«Хитроручное изрядство» требовало творческого отношения к делу. В отличие от представительниц низших социальных слоев, для которых труд был вынужденной необходимостью, женщины привилегированных сословий занимались «ручным делом» не по экономическим мотивам. Для них неспешное и несуетное вышивание и золототкацкое дело превратились в особую форму самовыражения. Трудясь «кождо в своем звании неленостно», знатные аристократки, руководили созданием и сами создавали великолепные произведения прикладного искусства («руками дело честно своими робыли») ¹¹. Так возникали образы, полные умиротворенности и спокойствия, выражавшие проникновен-

ное понимание их исполнительницами идей христианской дидактики (в литературе таким образом была «тихо» ткущая Феврония, перед которой «заец скача»; в золототкачестве — образы «жен-мироносиц», в которых отразилась идея женской преданности, любви и веры)¹².

К середине XVII века в русской литературе появились героини, поведение которых оказалось окрашено новыми красками «живства» и «подвижности»¹³. Это изменение отчасти прослеживается в том, как стало изображаться отношение женщин к работе, причем именно не к мелочным домашним обязанностям, а к деятельности в широком смысле слова. Одна из повестей XVII века утверждает невозможность успешной деятельности, когда «на душе мутитца», «делать ничего не хошет[ца]», косвенно признавая результативность лишь того труда, который превратился в душевную потребность¹⁴. Этой мысли вторила другая повесть, героиня которой «так стала жить и труждаться, что в подивление всем окольным людям», «с великою борзостию, с большим заводом» (побуждением других к таким действиям), и окружающие «дивовались ее великому заводу»¹⁵. В отличие от женских образов, созданных фантазией и мастерством вышивальщиц XV—XVI веков, женские образы русской фресковой живописи XVII века создавались уже в ином ключе, дополняя картину суетного, мимотекущего и многомятежного мира. Лица их перестали быть безучастными и бесстрастными, а сами они оказались «захваченными оживленной деятельностью, находящейся в состоянии движения». Пользуясь языком Сильвестра, наставлявшего домохозяек, женщины середины XVII столетия стали хлопотуньями, которые «сами накако ж, никоторыми делы, опрочь немощи, без дела не были»¹⁶.

Толчком к изменениям в литературе и искусстве во второй половине XVII века, за несколько десятилетий до петровских преобразований, послужили обстоятельства исторические: втягивание женщин из дворянской среды в дела управления поместьями, продолжение прерванной почти на век эволюции правовых норм, отмена ряда запретов. Известно, что домосковский период оставил немало свидетельств хозяйственной деятельности женщин: от берестяных грамот с поручениями слугам, долговыми и ростовщи-

ческими расписками, заметками о покупках и ценах на них (ранние — XII века, поздние — XIV–XV веков) до многочисленных и разнообразных актов имущественных распоряжений замужних и вдовых княгинь и правительниц¹⁷.

В дальнейшем, однако, число сделок несколько сократилось (что могло быть обусловлено формальным уменьшением числа самовластных правительниц в эпоху централизации), в том числе после запретительных указов 1552–1627 годов, исключивших женщин из числа получательниц определенных типов наследства в форме недвижимости¹⁸. Но именно тогда, вместе с возникновением и распространением условных земельных держаний, в России образовался значительный слой собственников недвижимости с особыми правами, жены которых (дворянки) стремились добиться (а в начале XVIII века добились) законодательно оговоренного права пользоваться и распоряжаться семейными владениями.

Документы земельных сделок XVI–XVII веков рисуют во многом неожиданную картину активной хозяйственной и предпринимательской деятельности помещиц. Сами обстоятельства — постоянные и частые отлучки мужей на «государеву службу» — заставляли «жен дворянских» подолгу выполнять функции управительниц поместий, показывая себя властными и расчетливыми домодержницами. Об этом говорит количество сделок во второй половине XVII века, заключенных женщинами от собственного имени и по поручению мужа¹⁹.

Изменение роли в семье женщин привилегированного сословия можно представить на основании эпистолярных памятников. Написание любых, в том числе частных, писем подчинялось в допетровское время определенному канону, и поначалу трудно превозмочь досаду на их содержательное и эмоциональное однообразие. И все же даже те из них, которые были написаны писцами под диктовку и были всего лишь отчетами жен, сестер, дочерей, племянниц, «внук» о хозяйственных делах, отразили их индивидуальные чувства и переживания.

Судя по письмам, жены землевладельцев занимались хозяйственными делами отнюдь не «с принуждением» и не

«безучастно», как то показалось агенту английской торговой компании Джерому Горсею. Напротив, они были «во многом имени крепкоблюстителны» и никоей «тшеты» не творящими. Многие из них были собственницами и личных земельных угодий, не говоря уже об общесемейном недвижимом имуществе. Далекое не каждая располагала «прикащиками» или ключницами (которые, кстати сказать, письменно отчитывались перед своим хозяйками о выполнении поручений) для выполнения управленческих функций. Часто все трудности им приходилось преодолевать самим. Отсюда жалобы женщин на неисполненность тех или иных распоряжений, отсутствие или нехватку денег, этим же объясняется униженно-просящий тон писем (корреспондирующий с патриархально-иерархической идеей семейного этикета): «не покинь меня, да пожалуй при моей безголовной беде...»²⁰; «не сокруши ты моей старости, не покинь меня с робяты: велел ты мне продать... а я... не продала»; «и ты, государь мой братец, не покинь меня, бедная, а я надежна на Божью милость и на твое жалованье, у меня, бедные, акромья твоего жалованья приятеля нет...»; «ты, государь... изволил приказывать... а я, убогая, живу в печалех своих, а крестьяне меня и девки не слушают...»²¹.

Переписка мужчин и женщин второй половины XVII века предстает совсем иной, когда в поле исследовательского анализа попадают послания самих «служивых» членам семьи, чаще всего женам и сестрам, реже дочерям. Тон в них, как правило, уверенно-распорядительный: «Ты, сестрица, прикажи смотрет[ь], чтобы безоброчно рыбы не ловили, деньги изволь прислать не мешкав, прикажи половить рыпки и на мою долю...»; «те дела, сестрица, вам надобна, и делаем мы для вас: вам, сестрица, земля велми нужна, а купить нигде де добудем, и ты изволь прислать к нам...»; «будет до масленицы отделаюсь — и я буду домой, а будет не отделаюсь — ко мне, свет моя, отпиши, много ли у нас...» и т. д.²².

Однако и первая группа писем (от женщин к мужчинам), и вторая (от мужчин к женщинам) свидетельствует, что главы семейств почитали совершенно естественным оставлять дом и немалое хозяйство, в котором вечно кто-то «бегал», «не слушал», «не доправлял», «не сыскивал», на попече-

ние своих жен, сестер («а пожитками брата моего владеет жена»), взрослых (замужних) дочерей с их мужьями. Князь И. И. Чаадаев, уезжая по служебным делам и передавая попечение своим именем старшей сестре писал в 1670-х годах: «А у тебя прошу милости, изволь домом моим владеть, как своим, без счета со мною. И жену свою вручаю под твою власть, что тебе угодно — изволь имать, ко мне о том вперед не пиши...» Еще чаще оставляли обширные хозяйства на жен: «Живи, д[у]ша моя, как тебя Господь Бог разумом наставит», перечисляя ниже, какие дела нуждаются в безотлагательном решении²³.

Женщины явно принимали такое положение как должное. Тон их писем по экономическим вопросам, обращенных не к родственникам, а к посторонним людям, отличает сухая деловитость и лаконичность, рисующая многих «жен дворянских» энергичными распорядительницами с мертвой хваткой («вели купит[ь]», «сохрани», «не пусти», «вели прислать»), ничем не отличными по стилю общения от их отцов и «супружников». Впрочем, чисто эмоциональную окраску некоторых отношений и связей собственниц и зависимых от них «людишек» тоже не следует сбрасывать со счетов: женщины были зачастую мягче и восприимчивее к чужой боли («ты, свет мой, будь к ним милостив, а что они позамешкали (с выплатами. — *Н. П.*), так ты ведаешь, что они бедны...»; «пожалуй, милостью своею обереги, надобы в бедах призреть, а не изобидеть бедной горкой вдовы и беспомощной и да и сиротки девочки моей, осталась сира и мала...»²⁴).

Несомненно: «жены дворянские» (реже — вместе с дочерьми), отвергнув, по словам летописца домосковского времени, «женскую немощь и взявши мужскую крепость», занимались во время длительных отлучек мужей организацией всей (а не только экономической) жизни своего имения. «Сухие» материалы, лишь изредка предваряемые индивидуальными «зачинами» («А про дом свой' изволишь вспомянуть...») или «наставлениями» («А жит[ь] бы тебе бережно (бережливо. — *Н. П.*)...»²⁵), как нельзя лучше характеризуют роль женщины в русской семье допетровского времени. Все сведения о совместной с мужьями (или по их «поручению») деятельности жен говорят об умении супругов решать проблемы

домашней экономики согласованно, во взаимоподдержке и соучастии. В делах внутрисемейной, да и внесемейной экономической стратегии женщины очень часто пользовались наибольшим доверием.

«Жены дворянские» ловко обустроивали различные сделки, защищали служебные интересы супругов, решая попутно и хозяйственные вопросы — решительно и с практической сметкой. Сама жизнь родила тогда поговорку: «Бес там не сообразит, где баба доедет». Кроме того, женщины, в меньшей степени зависимые от служебной субординации и принятых норм обращения с челобитными от «низших» к «высшим», могли зачастую «заступить» о конкретном человеке или «попечаловаться» о частной карьере. Достаточно вспомнить отношения протопопа Аввакума и царицы Ирины Михайловны, которую лидер старообрядчества считал в царской семье главной заступницей слабых, способной воздействовать своими просьбами на царя. Убеждение в том, что именно женщина может просить представителей власти о чем-то, о чем постыдно просить мужчине, сохранилось в русском обществе и много позже, например, когда определялась судьба декабристов. В XVII веке это неписаное правило позволяло мужчинам просить своих жен «побить челом» кому-либо и не унижаться просьбой (а тем более — отказом на нее) самим²⁶.

Отправляя послания друг к другу, женщины запросто спрашивали о возможности служебных перемещений своих мужей и протее: «Не можно ль на Григорьево место Косагова?»; «Умилосердися, побей челом о батюшке Матфее Осиповиче, указано [ему] быть в полуполковниках... А Федора Яковлевича (муж автора письма, стольник Ф. Я. Сафонов. — *Н. П.*) штоб пожаловал избавил от такого чину...»²⁷ Чувства «клановости», тесной родственной взаимной поддержки, корпоративности не только были основой многих подобных «тайных», «незримых» сделок между родственницами и «прятелницами» (которые на поверку также оказывались родственницами, только дальними)²⁸, но и цементировали московское общество нерушимостью «старых традиций» взаимовыручки.

Особый строй отношений между женскими и мужскими представителями одного семейного клана — отношений большой дружественности, взаимоподдержки и уважения к мнению «родичей» и «ближиков» (о чем очень ярко сказала тетка В. В. Голицына — княгиня П. И. Одоевская: «Не много у меня вас, мне ты, государь, что свое рождене (то есть ты, племянник, как родной сын. — *Н. П.*)»²⁹ — заметен в переписке представителей московской элиты, например семьи князя В. В. Голицына — фаворита великой княгини Софьи Алексеевны (конец XVII века).

В тексте писем его родственниц поражает стремление не просто получить конкретное распоряжение, но все «знать доподлинно». «Свет мой, — пишет, например, его мать, княгиня Татьяна Ивановна, — здесь слух носится, что будет государев указ со всех вотчин иметь по полуполтине з двора, а со вдов и недорослей и с монастырей вдвое, да кои на службах, и с тех иметь по полуполтине...» Терзаемая сомнениями, мать просит подтвердить или опровергнуть этот «слух» и «отписать» о том, «жаловать ли по-прежнему» в чем-то провинившегося Потапа Шеншина и т. д. Другой пример — взаимоотношения княгини Прасковьи Андреевны и князя Петра Ивановича Хованских. Судя по их переписке, П. А. Хованская управляла не только всеми повседневными делами, но и понимала толк в стратегии домашней экономики, давая советы о покупке или приобретении в «помес[т]ье» тех или иных земельных угодий. Иной раз в письмах ее прорывалось эмоциональное: «Пожалуй, отец мой, не мешкай! Кафтыревы о [по]мес[т]ье ныне промышляют, не мешкай, как бы не потерять! А наипаки всего насмешка их...»³⁰ Насмешки соседей казались ей даже более существенными, чем материальные неудачи.

Стремление и, главное, умение некоторых женщин вмешиваться в служебные дела сыновей, мужей, племянников, составлять протекцию родственникам и знакомцам — просто поразительно. Взрослые, женатые внуки, находящиеся на «государевой службе», как то видно из сохранившихся писем, зачастую оказывались в эмоциональной зависимости от окружавших их женщин, от их мнения или совета. Вот, к примеру, дворянин С. И. Пазухин (конец XVII века)

в письме дочери У. С. Пазухиной выражал беспокойство, «што бабушка гневается» на него за неправильно проведенные сделки. В ответ дочь горячо уверяла отца, что это его домыслы, что «бабушка и матушка [лишь] с печали сокрушаются», а не «гневаются» (и, кстати, предлагала для урегулирования конфликта купить «бабушке башмачки»)³¹.

Проявления родового самосознания, убежденности в собственном авторитете ощущаются в просьбах матерей к сыновьям. В переписке В. В. и Т. И. Голицыных мать проявляет настойчивость в том, чтобы сын принял под свое покровительство родственников, «знакомцев» и свойственников. «Да поехал к тебе, свет, в полк Гаврило Иванов сын Головкин, а нет у тебя в полку свойственного человека нико-во, а се он робенок молодой, и ты... пожалуй ево, напиши за собою, а сотню никуды ево не отдавай и в есаулы ево не напиши. А приезжала ко мне о нем бити челом бабка ево старица из Вознесенскаго монастыря, потому что один уже он и есть, и плакала, и со слезами била челом о нем. И ты, свет мой, не преслушай моево письма, учини по моему письму...»³² В этом отрывке — и характерное для русского самосознания предпочтение родственного правовому («ну, как не порадеть родному человечку!»), и следы «матриархальной ориентации» русской семейно-родовой организации (исключительное уважение к слову и мнению старших женщин семейного клана — бабки, матери, тетки), и неожиданно прорывающаяся эмоциональность (сочувствие родственнице, у которой Гаврило — единственный кормилец).

Аналогичные просьбы устроить судьбу, по-родственному обойти в каких-то случаях закон содержатся и в женской переписке других аристократических семей того времени. Жена полковника Ивана Алферьевича Барова — Алена пишет жене князя П. И. Хованского — Прасковье Андреевне (урожденной Кафтыревой): «Заступи своею милостью, чтоб он пожаловал его (ее мужа. — *Н. П.*) милостию, сверстал со старыми полковники...»³³ Княгиня П. И. Одоевская — племяннику князю В. В. Голицыну: «Писал ты, Государь, ко мне чтоб мне поговорить зятю, князю Ивану... чтоб к сыну твоему к князю Алексею был добр. И зятю моему к сыну твоему лихому быть не для чего, ведаешь ли... у меня вас не много,

и зять мой князь Иван ей-ей рад, и сын твой, князь Алексей за Великим Государем в походы ездит, и встречает, и провожает»³⁴. Есть, конечно, и обратные примеры, огорчения, связанные с тем, что устроить дело по знакомству не удалось: «А надежи, Государь, тебе и помочи не от ково нет, что и бьем челом о твоих делах всем, ин указу нет, ни от ково помочи нет...»³⁵

Знанием мельчайших нюансов служебной жизни сыновей, их отношений с окружающими в придворном кругу отличаются письма матерей, в частности — матери князя В. В. Голицына, рассуждавшей о том, что на кого он «надеялся — от тех помочи мало» и впредь от таких «добра не будет». В итоге эта мудрая женщина не смогла сдержать восклицания: «Ты, мой свет, пишешь ко мне, что будто летось (в этом году. — *Н. П.*) от меня был в дураках! И ты, мой свет, от меня[-то] никогда не будешь в дураках, и я сама знаю, что де так»³⁶. Таким образом, карьера государственного мужа, инициатора походов на Азов, символа мужественной рассудительности для его «полубовницы» — правительницы России царевны Софьи Алексеевны предстает в ином свете, если принять во внимание участие в ней «мати» князя! Переписка с сыном, посвященная хозяйственным и служебным делам, не располагала, казалось бы, к нежностям, но отличалась откровенностью и живостью. Письма «домой» и «из дома», которые составлялись корреспондентами на основе принятых в то время клише, характеризуются большим количеством «бытовых картинок», личных признаний и житейских оценок.

Принимая близко к сердцу успехи и неудачи взрослого сына, Т. И. Голицына призналась в одном из писем: «свет мой, ведаю то и сама: служба твоя —... моя кончина»³⁷. События, происходившие в жизни известного деятеля и характеризующие ее общественную сторону, связанные с его личными качествами, честолюбием, амбициями и т. п., сделались фактами частной жизни его матери, ибо стали источником ее личных переживаний и раздумий.

Задумаемся: а были ли типичными или хотя бы распространенными подобные внутрисемейные отношения в предпетровское время (о более раннем периоде говорить сложно — частных писем, за редким исключением, не сохранилось)?

Можно предполагать, что вникать в служебные дела мужей и сыновей, равно как задумываться о душе и самосовершенствовании, как предписывали церковные дидактики, могли себе позволить лишь представительницы праздной знати, для которой существовала альтернатива работе, хотя бы в виде чтения. «Между непрестанными хлопотами, стряпнею, вычищиванием и вымыванием посуды, сбереженьем и припрятыванием лоскутков, мелких — в мешочках, покрупнее — в сверточках, Домострой оставлял женщине немного минут для умственных занятий», — полагал столетие назад известный филолог и историк Ф. И. Буслаев. Все женщины трудились от восхода до заката. Распорядок дня, описанный посетившими Русь в XVI–XVII веках иностранцами, с ранним началом дня и ранним отходом ко сну (час восхода считался началом дня, час заката — первым часом ночи), — был типичным и для элиты, и для «простецов»³⁸.

Обстоятельства времяпрепровождения женщины в допетровском обществе, ее частная жизнь во многом зависели от социального статуса. В благочестивых зажиточных семьях, в том числе царской, где строго следовали поучениям, агиографическим образцам и Домострою, день начинался с молитвы. Мужчинам Домострой наказывал не пропускать молитвенного пения «ни в вечернюю, ни в заутреню, ни в обедню», женщинам же, которым надлежало с первого же часа хлопотать по хозяйству, милостиво позволял действовать «по рассуждению». В трудовых семьях женщины, вероятно, успевали лишь перекреститься на образ и сразу приступали к обычным заботам. Впрочем, дидактическая литература в образах «злых жен», не следовавших предписаниям благочестия и «забывши[x] образу Божию помолитися» поутру, напоминала о том, что такой образ жизни чреват душевным перерождением³⁹.

Завтрака у большинства женщин допетровского времени не было. «Раннего еды и пития не творити», — рекомендовали церковные поучения, ориентируя прихожанок на аскетический образец. В народе бытовало убеждение, что дневную пищу «надо заработать» («Солнышко на ели — мы еще не ели»). Один из литературных памятников XVII века зафиксировал ситуацию, когда старшие в доме выразили удивление

тем, что невестка «вземла» «раннее и полуденное ядение». Действительно, большинство встававших рано, до света и до подъема остальных членов семьи, женщин, прежде чем начать «вседневные» хлопоты, могли позавтракать остатками вчерашней пищи, сохранявшимися теплыми в печи. В одной из церковных инструкций XVI века упомянуты четыре трапезы (завтрак, обед, полдник и ужин), но, судя по тому, что даже в Домострое говорится лишь об обеде и ужине (при том, что вопросу регламентации домашнего питания уделена целая глава), женщины в допетровской Руси ели не более двух раз в день. Народная поговорка, известная с XVII века, утверждала даже, что «ужин не нужен, был бы обед»⁴⁰.

Если утренняя еда считалась необязательной, то утреннее омовение — необходимым. Лечебники рекомендовали мыться мылом и розовой водой (отваром шиповника) или же «водою, в которой парена есть романова трава» (отваром ромашки)⁴¹. Рекомендациями XVI—XVII веков предлагалось чистить и зубы «корою дерева горячаго и терпкаго и горкаго на язык шкнутаго (жесткого)». В педагогических сочинениях XVII века особо указывалось, что чистить зубы для белизны квасцами или солью, а тем более порохом («якоже творят жены») — «деснам вредно есть», но в то же время предлагалось вычищать остатки пищи «костками из курячих голени» (щеток не знали). Поскольку же «лицевая чистота» даже без «углаждения» специальными притираниями почиталась «украшением лица женского», в простых семьях женщины по утрам непременно «измывали себя». Женщины, страдающие дерматитами, могли смешивать при умывании «мыльну траву» с чистотелом («корень истолкши класть в мыло — лице будет чисто и бело»⁴²). Любопытно, что церковные правила и наставления, нетерпимые ко всем попыткам женщин искусственно украшать свою внешность («мазаться» и «краситься», «яко облизьяны»), не содержали ничего осуждающего касательно народных средств ухода за кожей и гигиены⁴³.

«Очистив ся от всякие скверны» (душевной — с помощью молитвы и осязаемой — «умыв ся чисто»), женщины всех сословий начинали свой будничный труд. И если для представительниц низших сословий это была физическая работа, зачастую грубая и тяжелая, то в более зажиточных семьях

старшие женщины, или, как их уважительно назвал составитель Домостроя, государыни дома, были прежде всего организаторами и распорядительницами работы и быта своих слуг и помощников. Автор Домостроя, создавая образ идеальной, рачительной домоправительницы, имел, наверное, перед глазами пример своей семьи и матери — жены крупного вотчинника. «По утру восставши по звону», посоветовавшись с мужем «о устроении домовнем, на ком что положено и кому какое дело приказано ведати», государыня дома должна была «наказати» всем слугам и работникам «что устроить, ести и пити про гость и про себя», и «купити на обиход», и «купив что, сметити». Сильвестр явно полагал, что в делах «сметы» хозяйка обязана была проявить расчет и дальновидность. За сметой следовали распоряжения «рангом ниже» — по поддержанию чистоты в доме, поручения «мастерицам и швеям». Госпоже строго наказывалось «всегда дозировать и спрашивати слуг о... нужи и о всякой потребе»⁴⁴.

Слуги, служки и члены их семей относились автором текста к единому большому сообществу, «семие», о которой ее госпожа должна была «радеть» и «болезновать» — иначе «даст ответ Богу и мзды не получит». Более детальную разработку идеи «радения», его форм и глубины со стороны женщины, «радения» в зависимости от социального статуса окружавших, можно найти в «Казанской истории» (XVI век): «...к вельможам честь, и ко середним честь, а ко обычным милование и дарование, и ко всему народу бережение велие...» Здесь примечательно выделение в особую «статью» обязанности домодержницы быть милосердной дарительницей: благотворительность в православной концепции «доброй жены» вменялась женщине в обязанность. Особенно прочно этот тезис утвердился в русской этической мысли XVII века⁴⁵.

Частная жизнь домодержницы, супруги главы семьи оказывалась, таким образом, теснейшим образом переплетенной с жизнью и судьбами не только кровных родственников, но и слуг-«домочадцев», о которых она должна была «попечение имети якож о своих чадах и о присных (родственниках) своих». Существование подобных типично средневековых отношений говорит, по мнению ряда исследователей,

в пользу отсутствия частной жизни как таковой до начала Нового времени⁴⁶. Однако текст Домостроя и поучений XVII века⁴⁷ демонстрирует не столько отсутствие частной жизни индивидуума, сколько ее «встроенность» в повседневность семьи. Упоминание сугубо личностных переживаний человека, о которых госпожа должна была «дозировать» и «соболезновать» — «удовольствия», «обиды», «душевные нужи» и т. п., — причем применительно к низшим сословиям, свидетельствует о несомненном присутствии аналогичных и, вероятно, еще более сложных настроений и эмоций у представительниц более образованной части общества, наличию у них личной жизни. В назидательных текстах слезы как реакция на жизненные невзгоды и заботы называются «женским обычаем», реакция же на них мужчины (вложенная в уста женщины!) описывается иначе: «Мужческому сердцу достоин разумом рассуждати о всякой печали, хотя что и печально припадет — того не допускать до сердца своего»⁴⁸ (то есть утверждается эмоциональность женщин, противопоставленная рассудочности мужчин).

Идеальные отношения домоправительницы и слуг были спустя полвека после Сильвестра представлены автором «Повести об Ульянии Осорьбиной». Он уже прямо говорит о том, о чем прежние дидактики промолчали, — о межличностных отношениях в семейном клане, объединяющем родственников, в том числе «вдов немощных» и слуг. В отношении к ним Ульяния — а в образе ее, что характерно для идеализирующих жанров древнерусской литературы, «объединялось должное и сущее»⁴⁹ — проявила лучшие качества характера. Она не только «удовляше рабы и рабыня пищею и одежею», сшитой «своими руками» (это и ранее причислялось к кругу добродетелей), но и видела в каждом из «простцов» равных себе людей. Что характерно: она «никого простым именем не зваше» (то есть не звала, как то было принято: «Ивашка!», «Гришка!»), ни к кому не обращалась с приказаниями по пустякам (не требовала, например, поливать ей воду на руки, когда она их мыла, не позволяла снимать с себя обувь — «сапог разрешающа»), «никого же (из рабов. — *Н. П.*) не оклеветаше» и даже, когда один из слуг убил (!) ее сына, простила убийцу.

Идеализируя отношения домохозяйки с челядью, автор «Повести» подчеркнул, что Ульяния всегда шла на уступки «неразумным», принимая их вину на себя и оберегая их от гнева родителей мужа — стариков Осорьиных. При том, однако, умная и энергичная помещица не допускала праздности и лености своих подопечных, «дело им по силе налага-ше», а когда «бысть глад крепок по всей рустей земли» (голод начала XVII века) — «распусти рабы на волю, да не изнурят-ся голодом». Но холопы не покинули хозяйку, «обещахуся с нею терпети»⁵⁰. Любопытно, не было ли решение идеальной домоправительницы о «раскрепощении» холопов тонким расчетом, способом как раз удержать их и не допустить роста недовольства — ведь «Повесть» писалась вскоре после голодных бунтов 1601–1602 годов?

«Повесть об Ульянии Осорьиной» дает и еще одну возможность проникнуть в мир эмоциональных внутрисемейных связей того времени. Автор «Повести» представил Ульянию, казалось бы, полновластной хозяйкой (старики Осорьины «повелеста ей все домовное строение правити»), однако все продукты «оставил» в ведении свекрови! Последняя выдавала их, видимо по счету и мере, для челяди и для самой Ульянии. Только «серебряниками» (зависимые крестьяне платили оброк серебряной деньгой) героиня повести распоряжалась сама, поскольку они были «жалованьем» ее мужа. Эта система отношений в семье была воспроизведена в следующем поколении: у Ульянии к концу повести выросли сыновья, но главной распорядительницей утвари и недвижимости осталась она сама («взимаше у детей своих сребреники...»).

Распределение семейных ролей и высокий авторитет матери в повседневной, в том числе хозяйственной, жизни семьи привилегированного сословия, отразившиеся в «Повести», заставляют задуматься о том, насколько справедлив расхожий стереотип, представляющий знатных московиток XVI — начала XVII веков бесправными «теремными затворницами», «домашними узницами», прозябавшими в бесправии и темноте.

Существование «теремов» и стремления «спрятать» в них московиток отмечены буквально всеми иностранными путешественниками, посетившими Россию в XVI–XVII веках⁵¹.

«Положение женщин весьма плачевно, — записал в середине XVI века немецкий барон Сигизмунд Герберштейн. — Московиты не верят в честь женщины, если она не живет взаперти и не находится под такой охраной, что никуда не выходит. Заключенные дома, они только прядут и сучат нитки, не имея совершенно никакого голоса и участия в хозяйстве». Герберштейну вторил француз Я. Маржерет («знатные россиянки находятся под строгим надзором: имея отдельные комнаты, они принимают посещения единственно от ближайших родственников и только по особому благоволению муж выводит к гостю свою жену»), австрийцы А. Мейерберг и Д. Принц («девицы и жены, особенно у богатых, постоянно содержатся дома в заключении и никогда не выходят в общественные места»), литвин С. Маскевич, посол Рима Я. Рейтенфельс, британец Дж. Горсей⁵².

В русских источниках понятие «женского терема» можно найти уже в былинах киевского цикла, но отличительной чертой домашнего быта московской знати он стал не ранее середины XVI века⁵³. Среди причин возникновения затворничества называют распространение вместе с православием византийской женофобии с ее представлением о женщине как о «сосуде греха», который следует держать взаперти во избежание соблазна. Иное объяснение предлагают те, кто связывают «терем» с влиянием ордынского ига: они представляют терем как форму убежища для уводимых «в полон» женщин либо усматривают в нем воздействие мусульманских нравов и обычаев (что сомнительно, так как у татар ничего подобного не было). Существует также мнение, что к середине XVI века женщины из среды московской элиты превратились в род очень дорого «товара», которым «торговали» родственники, заключая династические союзы, и потому сохранение невинности боярских и княжеских дочек в недоступных взору теремах стало формой «семейно-матримониальной политики». В определенной степени представление о необходимости теремного уединения юных московиток зафиксировали поговорки XVII века: «Держи деньги в темноте, а девку в тесноте», «В клетках птицы — в теремах девицы»⁵⁴.

В конечном же счете «теремное затворничество» возникло как результат воздействия целой совокупности причин,

став причудливой смесью суеверий о «нечистоте женщины» (неслучайно к строгости теремного уединения прибегали с того времени, когда у девочек наступали первые регулы и они становились «нечистыми») и религиозных представлений о необходимости самоочищения уединением и аскезой («терем как произведение древнего благочестия, ибо дом уподоблялся монастырю»). Расхожее представление о тереме как о «клетке» для жены, построенной, чтобы «самоу пожинать плоды достоинств жены и быть уверенным, что она не у чужого бока», высказал еще в начале XVII века современник-англичанин (ср.: «имея у себе жену велми красну, замыкаше ея всегда *от ревности своя* к ней, во высочайшем тереме своем, ключи же от терема того при себе ношаше»⁵⁵).

У некоторых бояр и высшей знати женские части теремов представляли собой относительно просто, по сравнению с «передней» или «приемной палатой», обставленные (реже — западной мебелью, как в семье князя В. В. Голицына, чаще резными дубовыми сундуками-«укладками», обтянутыми «рытым бархатом», и скамьями, обитыми итальянской тканью), великолепно украшенные золочеными кожами на стенах и ткаными шпалерами хоромы, находящиеся на некотором отдалении от общей жизни дома или наверху, на втором этаже. Светлицы, в которых протекала дневная часть жизни боярыни, несмотря на кажущуюся роскошь убранства, имели маленькие окна и освещались лучинами. Женские спальни — по сравнению с парадными спальнями основной части дома — не имели кроватей. Даже в самых зажиточных домах женщины спали обычно на спальнях лавках или ларях, безо всяких кружевных простыней и подушек (их выставляли только напоказ в парадных комнатах), на «подголовках» со скошенной крышкой, служивших одновременно местом хранения драгоценностей. Спальня, светлица да внутренний двор для прогулок были тем замкнутым пространством, на котором протекала жизнь некоторых «заключенных в тайных покоях» (как называл их Г. Котошихин) княжон и боярышень⁵⁶.

Ни в каких слоях московского общества, кроме крайне узкого слоя зажиточных бояр-горожан и приближенных к царю княжеских фамилий, устройство подобного женского терема было практически невозможно. Обычные горожанки

жили не в теремах и дни проводили не взаперти, а на «торжищах» и в хлопотах по хозяйству, в мастерских, на огородах. Причем это было характерно не только для московского периода, но и для более раннего времени. Выразительной иллюстрацией к дискуссии о «свободе» и «несвободе» древнерусской женщины в семье и ее частной жизни является приписка в тексте одного из «Прологов» (XV век): «Плечи болят. Похмелен (повторяется трижды. — *Н. П.*). Пошел бы в торг, да кун нет. А попадья ушла в гости...» Тем не менее теремной образ жизни представительниц московской аристократии, отличный от «модели быта» европейских женщин того же ранга и той же поры, не мог не поразить путешественников-иностранцев⁵⁷. Но так ли хорошо укрывал терем боярских и княжеских дочек от житейских соблазнов?

В том, что «монастырский уклад» домашней жизни представительниц московской аристократии мог быть нарушен, убеждает эпизод с выбором боярышни-невесты царю Ивану Грозному, оказавшейся уже после смотрин (!) «лишенной девства» и потому выбывшей из конкурса⁵⁸. В семьях же не столь высокопоставленных теремной уклад нарушался, наверное, еще чаще. Особенно показательны в этом смысле источники середины — конца XVII века, в частности написанные в 1680-х годах письма подьячего Арефы Малевинского к сестре дьякона Анне, жившей в Устюжне. Сколь ни присматривали за девушкой и ни держали ее взаперти, но «как два часа ночи пробьет» — она убегала из терема на свидания к Арефе, отчаянному соблазнителю, склонившему Анницу к тайной связи. О таких, как Анница, и было сложено, вероятно, присловье: «Стыд девичий до порога» (терема)⁵⁹.

В отличие от писем представителей придворных кругов, а также от «грамоток» провинциальных помещиков и помещиц, письма Арефы — а дело его хранится и по сей день в Архиепископском разряде Собрания грамот и актов РНБ в Санкт-Петербурге — начисто лишены этикетных условностей. Они скорее являются любовными записками, нежели письмами: в них часто отсутствует обращение к корреспондентке, много описок и повторов, свидетельствующих о том, что писались они тайно и наспех. Кроме того, адресатка была, вероятно, недостаточно грамотна: начало всех

писем Арефа писал полууставом (как и мы сейчас стараемся писать детям печатными буквами), который к концу записки переходил в скоропись. В отличие от обычного зачина в семейной переписке высших сословий — «свет мой, государь (государыня)», в записках Арефы сразу излагалась суть, а обращения могли бы составить целый список ласковых имен: «серцо мое», «надёжа моя», «друг моя», «люба»⁶⁰. Казалось бы, как могла девушка сомневаться в искренности чувства Арефы («не могу, друг, терп[е] т[ь]»), «уж я головы своеи не шажу», «я бы, хошя скажи, на ножь к тебе шел, столь мне легко», «выдь, тошно мне болно стало», «что ты надо мною зделала», «разве смерть моя с тобою разлучит»), как могла не поверить его признаниям, переходящим в угрозы («не отпишешь — я и сам стану достават тебя!»)?

Между тем облик соблазнителя, а не просто влюбленного, потерявшего от страсти рассудок, проступает в этих тринадцати сохранившихся письмах Арефы (писем Анницы не дошло) довольно ясно: то он просит «повидатца» поскорее, поскольку его «посылают в волост, долго не быть», то ему необходимо «ехат с сыном молит[ь]ся» (он еще и отец к тому же!), а то и вовсе он извиняется, что не вышел на свидание, поскольку «в бане проспал» (!). Можно только догадываться, какие переживания вызывали у Анницы подобные откровения.

Укор Арефы — «впрям ныне ты меня водишь в узде!» — более уместен в устах прожженного сердцеда, нежели искренне любящего человека. Арефа упрекал Анницу в том, что она с сомнением относится к бурным излияниям его чувств («я на тебя сердит, что ты словам не веришь», «ты надо мною смеесся»), и утверждал, что он, с одного из свиданий «идучи-то все плакал» («а ты мне не виришь, виришь чмутам (сплетникам. — *Н. П.*), ей уж не могу жить»), однако даже нам, спустя три с лишним столетия, описания его «роковых страстей» кажутся нарочитыми, а поведение девушки — отказ выходить к любовнику по первому его зову («омманула, не пришла»), скупость чувств («остудилас[ь] со мною») — разумным.

Как можно понять из дела подьячего Арефы, к которому приложены данные письма⁶¹, он, хотя и писал в своих записках Аннице, чтобы она ускользала из дому «бережно», выхо-

дила к нему на свиданья (то в огород, в «родивонов хмельник», то в баню, то «на сарай») непременно одна, без наперсниц («не емли содому-то с собой»), сам не слишком боялся огласки своих интимных дел. Чего не скажешь об Аннице — учтивая нравы того времени. А Арефа только в письмах сокрушался, что «над» ним «грозятся больно», в действительности же не особо растерялся даже тогда, когда его «письма дьякон (то есть брат Анницы) видял, мне сказывал».

Взбешенный такой наглостью, Михаил (брат девушки), чтобы спасти ее честь, задумал «поимати» Арефу на месте преступления. Когда Арефа каким-то образом (как — по судебному акту неясно) проник в клеть к Аннице, где она спала вместе со своей сестрой Федоркой, последняя выскочила из постели и сумела запереть Арефу с сестрой. После этого расторопная Федорка устремилась к дьякону и дьяконнице, те позвали соседей в свидетели. Увидев в клети целую «содому» (толпу), Арефа попросил себе чернил и бумаги и написал на себя сговорную запись (трудно судить по ней о его семейном статусе, но наличие у него сына, упомянутого в одном из писем, говорит о том, что это был либо вдовец, либо «пушеник», разведенец). Текст записи обязывал Арефу взять Анницу в жены не позже первого «воскресенья после крещенья», «в нынешнем во 1686 году». «А буде не возму ея за себя, — расписался в своем поражении Арефа, — взять сему дьякону на мне заставы пятьдесят рублей» (за пять рублей можно было тогда купить лошадь).

Жениться же Арефа, однако, не собирался, и брату Анницы пришлось подать в суд. На суде Арефа додумался отказаться не от сговорной (столько свидетелей!), а от своих писем «другу» и «надеже» своей, сказав, что «рука не его». Действительно, почерк сговорной и любовных записок не имел ничего общего. Конец биографии этого ловкого сутяги, сумевшего улизнуть из-под венца и от судебной расправы, неизвестен. То же можно сказать и о судьбе обманутой им Анницы. Отголосок томлений, страданий и жалоб покинутой «молодцем» девушки содержится в редком для XVII века тексте любовной песни: «Не может меня миленкой ныне навидети, да не токмо навидети — не хочет про меня и слышети...» У истории Анницы и Арефы есть аналоги в повествователь-

ной литературе того времени. Торжество умного и изворотливого «ябедника» (сплетника, сделавшего «ябеды» средством выкачивания денег, по-современному — рэкетира) над старым укладом жизни с его теремами и системой отношений, в которых все решают старшие родственники, рисует «Повесть о российском дворянине Фроле Скобееве» (конец XVII века). Главный герой ее — бедный новгородский дворянин, соблазнитель очередной Анницы (Аннушки), на этот раз дочери царского стольника Нардина-Нашекина, — человек, вполне годящийся в «прятатели» и «товарыщи» Арефе. Правда цели у Фрола были иные: не избежать невыгодного брака, а, наоборот, заполучить богатую невесту, устроить житейское благополучие («жить роскошно»)⁶².

Повесть подробно описывала способ овладения девичьим сердцем и не только им: подкуп «мамки», проникновение в терем в девичьем наряде и головном уборе, опасную (для целомудренной девушки) игру «в жениха и невесту» и ее логическое завершение (растление девства). Как и Арефу, Фрола мало интересовали эмоциональные коллизии объекта его притязаний, ему важно было добиться своего («и не взирая ни на какой себе страх, был очень отважен и принуждением разстлил ее девичество»). Аморальность, цинизм и жизненный практицизм в сочетании с неразборчивостью в средствах, сближающие Арефу, Фрола и других, похожих на них, московских ловеласов⁶³, выглядят особенно непривлекательно на фоне характеров их избранниц. И если частная жизнь Анницы по письмам и судебному делу Арефы восстанавливается с трудом, то сложная и неоднозначная фигура Аннушки Нардиной-Нашекиной сравнительно подробно выписана автором «Повести».

Вероятно, отнюдь не «в великом страхе» прослыть обесчещенной (хоть Аннушка и упрекнула мамку: «...что ты, проклятая, надо мною сделала», имея в виду подкуп), но, «возымев любление» к осквернителю (ставшему тотчас в ее глазах «мужественным человеком»), она «вложила жалость в сердце» и отказалась «скрыть» насильника «в смертное место». И даже более: она стала сообщницей Фрола в его предприятии. Пробуждение инициативы, сознание права на самостоятельное устройство семьи, отсутствие родовой спеси

(Аннушка из «родовитых», а Фрол — из «безродных») — все это черты поведения женщины, которые вряд ли можно было видеть всего столетием раньше, во времена Сильвестра.

Все это, однако, огрублено безразличием Аннушки к эмоциональному миру тех, кто недавно определял ее судьбу, — родителей. Уверенная в своей правоте, не испытывая и тени «великого сомнения», она «учинила по воли мужа своего», разыграв перед посланцем стариков притворную болезнь, заставившую их «пребезмерно о дочери своей соболезновать». Когда тайный брак Аннушки с Фролом (уже сам по себе бывший неслыханной дерзостью для «теремной затворницы») раскрылся старикам Нардиным, Аннушка не подумала не то что «просить отпущения вины своей», но даже внутренне раскаяться. Между тем мать ее «сожалела дочери своей», «не ведала, что и говорить», «горко плакала!» Как не понять беспокойства женщины, «летами весма древней», раздраженной, беспомощной в своих сетованиях: «Чем ему, вору, кормить ее, [если] и сам, как собака, голодный!»

Читателю был известен счастливый конец истории Фрола и Аннушки: жизнь «в великой славе и богатстве» — беспечная, сытая, доставшаяся не плодами трудов праведных, а хитростью. Жизненный идеал бывшего «плута и ябедника» и его избранницы, попавшей из рук «батюшки» в руки «света-государя», предприимчивого Фролки, оказался в конечном счете тем же, что и у блюстителей старины — Нардиных-Нашекиных, которых они одурачили⁶⁴. Но этот идеал — «роскошная жизнь» — был достигнут не соблюдением обычных правил, а, напротив, решительной ломкой «теремных» запретов и традиционных обычаев, просуществовавших не менее века. Роль в этом процессе самих женщин (девушек), их стремления к самостоятельному решению вопросов, касавшихся их судеб, как можно понять, были весьма велики.

Теремное уединение ощущалось многими из них как тюремное: неслучайно австрийский барон Мейерберг называл времяпровождение московских аристократок «жалким» и сочувствовал княжнам, которые «заключенные во дворце терпят постоянную муку в девственности своей пло-

ти и ведут жизнь, лишаящую их отрады в самых милых между людьми именах и в самых нежных чувствах»⁶⁵. Не это ли отсутствие «самых нежных чувств» заставляло княжон и боярынь мастерской Софьи Палеолог вышивать по краю церковной пелены шелковую вязь: «Да молчит всякая плоть...» (1499 год)?⁶⁶ Не оттого ли и героине одной из повестей-сказок XVII века, запертой в тереме и «в унынии зелном пребывавшей», часто снился сон, «якобы она спасти с ним (незнакомцем. — *Н. П.*) на едином ложе и любовастася (была ласкаема. — *Н. П.*) во сне сладостно»?⁶⁷ Трудно утверждать, но, может быть, следствием подобных снов и были картины, описанные современником Мейерберга Адамом Олеарием: затворницы теремов в Московии, полагал он, «сняли с себя всякий стыд» и «навыкли» весьма «бесстыдно» завлекать наивных «мужчин в свои обиталища, показывая через окна комнат весьма странные положения и виды»⁶⁸.

Возвращаясь от теремов к характеристике бытового уклада и частной жизни представительниц привилегированного социального слоя, можно заметить, что строгость содержания в тереме была прямо пропорциональна высоте положения его обитательниц. «Вседневная комнатная жизнь» значительной части аристократок того времени была далека от затворнической, но в том, что «обряд царицыной жизни» был именно таким, как описали иностранцы, сомневаться почти не приходится. Первые попытки изменить сложившиеся правила относятся к концу XVII века, когда мать, сестра и сноха Петра I стали выезжать перед народом в открытых повозках и участвовать в «публичных увеселениях» — это тогда вызывало удивление⁶⁹.

Впрочем, частная жизнь цариц тоже была, вероятно, не совсем такой, какой ее описали иностранцы и опиравшийся на их «записки» историк XIX века И. Е. Забелин. «Предметом для размышлений» цариц и их окружения были по утрам не только «женския рукоделия» и богомолье, но и доклады о разных делах⁷⁰, которые они принимали по ведомству Постельного приказа, определяя расходы, выдачи, покупки, а также отвечая на челобитные, чаще всего от женщин же. Значительную часть их составляли просьбы о благословении на брак (особенно среди приближенных ко двору),

назначении вдовьего или «кормиличного»⁷¹ пенсионера или его повышении, о крещении в православную веру (царицы часто выступали восприемницами новокрещеных и богато их одаривали)⁷².

Разумеется, возможности общения цариц и их окружения были весьма ограничены. И не только «терема», но и сама натуральная экономика способствовала замкнутости женского мира. Поэтому найти примеры противодействия женщин «затворничеству» в XVI–XVII веках достаточно сложно. Но такие примеры есть: достаточно вспомнить яркие биографии политических деятельниц того времени Елены Глинской, Евфросиньи Старицкой, Ирины Годуновой.

В среде московской знати одним из путей социальной самореализации женщин было расширение круга знакомств. Несмотря на множество хлопот в течение дня, соседки, родственницы, «знакомицы» стремились к частому общению, обсуждению новостей, к пустым, казалось бы, пересудам. Этим объясняются и традиционные для москвиток присылки друг другу «гостинцев»: получение их было поводом «отписать» благодарность («челом тебе бью на твоём любительном приятстве, на орехах, а тебе, [го]сударыне моей [посылаю] соленой рыпки, чтоб тебе, государыня, с любящим тя кушать на здравие...»)⁷³

Разумеется, женское общение не всегда было столь невинным. Не случайно, что Иван Грозный в одном из писем назвал слушанье «непригожих речей» «женским обычаем», а женские сплетни («женьскы слова») — поводом ко многим «недружбе». Его оппонент князь Андрей Курбский тоже не отставал в критике женской склонности к сплетням, заметив, что все проявления грубости в письмах государя похожи на «лаянье» кумушек («яко неистовых баб песни...»)⁷⁴. Дидактическая литература относилась «многоглаголенью» к «ненавидимым», но неискоренимым порокам, а «злую жену» неизменно представляла как «глаголящую» и потому «все укоряющую и осуждающую». Элементы церковной дидактики попали и в посадскую литературу, где можно встретить поучения отца сыновьям, сводящиеся к требованию «не сказывать жене правды ни в чем» — именно по причине женской болтливости⁷⁵.

Фольклор донес до нас не столь однозначную оценку «многоглаголенья». Пословицы XVII века подчеркивали важность общения, особенно доброжелательного: «Живое слово дороже мертвой буквы», «От приветливых слов язык не отсохнет». В любом случае неослабевавшее внимание и церковнослужителей, и современников к женскому «глаголенью» и их сплетням-«сказкам» подтверждает существование внутренней сферы в жизни любой семьи, закрытой для соседей, а потому еще более интересной для них. Даже клевета («крамола», «крамольное лаяние») на соседей или родственников, к которой как к средству, равному нанесению телесных повреждений, нередко обращались древнерусские горожанки и московитки XVII века в борьбе за защиту собственных интересов, являлась в то время средством привлечения внимания к каким-то деталям частной жизни «оппонентов», нередко деталям действительно или мнимо скрываемым. И наоборот, клеветническое или основанное на реальных наблюдениях «бесчестье» «женишки, матери и сестер» какого-нибудь добропорядочного московита становилось подчас грозным оружием против всей его семьи и рода в целом, так как «выносило на показ» то, что не было предназначено для постороннего глаза, например недостойное поведение супруги или способ получения ею «дополнительных доходов» со «скверноты и непотребства» («и тот крестьянин Митка Матвеев вдову Феколку бил и бранил матерною бранью, называл ее блядкою и своднею...»⁷⁶).

Для частной жизни женщин любое общение имело первостатейное значение. Повседневный и отчасти случайный обмен информацией был для них формой социализации, особенно в период детства и юности. Да и в годы замужества женщины в Московии любили поболтать. О том свидетельствуют «скаски» и «распросные речи», касающиеся всевозможных слухов, бродивших по Москве в беспокойное время. «И пришел она Овдотья в Верх, сказывала то слово подругам своим мастерицам Анне Коробанове, Орине Грачове, Степаниде Петрове, да и не одна она Овдотья то слово от Марьи слышала, слышала с ними то слово писица Ненила Волонская...» — этот отрывок дела по извету М. Сनावидовой — типический образец передачи сплетен московскими кумушками XVII века⁷⁷.

Назидательные памятники, в том числе Домострой, упоминали вслед за средневековыми учительными текстами (разумеется, в осуждающем тоне) женскую болтовню, призывая женщин «чужих вестей не сказывать», но в то же время все они признавали гостеванье (от «вечорок» до званых обедов и пиров) одной из важнейших форм общения, в том числе женского⁷⁸. В Домострое, как известно, было подробно описано, как следует приглашать и принимать гостей, как самим ходить в гости. Это еще одно свидетельство того, что строгое теремное уединение касалось далеко не всех аристократок.

Гостеванье — «кровеносная система социально-психологического общения» — всегда увязывалось у москвитов, как то описано очевидцами, с трапезой, дневной (в высших сословиях, ибо временем обеда традиционно считался полдень) или вечерней (после трудового дня)⁷⁹. В среде московской аристократии и царской семье женщины за стол с мужчинами не садились, ели отдельно, на своей «половине». Так же было принято и во многих крестьянских домах, где женщины лишь подавали еду, а сами ели позже, довольствуясь тем, что останется (иные из жен, оголодав, делали «похоронки на еству и питье», тайники от мужа). «Домострой косвенно упомянул о таком порядке и во избежание его рекомендовал мужьям не отделяться от жен во время еды, а женщинам, особенно «коли гости [с]лучятца, лучшее платье переменить и за столом сести». Все эти «зарисовки с натуры», сделанные автором Домостроя, достаточно ярко характеризуют по крайней мере внешнюю сторону отношений супругов XVI—XVII веков.

Принарядиться и подкраситься к приему гостей считала своим долгом каждая хозяйка: не случайно в письмах женщин — где говорится о покупках тканей или одежды — всегда четко определялось назначение покупки: «расхоее» платье или «на выход»⁸⁰. Да и вообще мир женщины-аристократки предпетровского времени трудно представить вне красочного мира ее одежд. Как и в более ранние эпохи, костюм для москвитки имел не только функциональное значение, но и знаковое (выдавая ее принадлежность к определенному социальному слою, семейный статус и происхождение

ние). Огромное значение имел и эмоционально-эстетический смысл «сугубых одеяний» московских красавиц. Не случайно в письменных памятниках эпохи Средневековья можно зачастую не найти сведений о внешности женщины, но обнаружить детальное описание ее костюма. В переписке же женщин конца XVII века⁸¹ просьбы о покупках тканей и аксессуаров одежды занимают не меньшее место, чем в переписке новгородок XII—XV веков⁸². Редким (как и поныне!) было понимание мужьями жен в вопросах приобретения новых украшений или дорогих нарядов. И все же примеры такого рода встречались и три столетия назад: «А ожерелье твое пришлю, а у жены моей нынешний год ожерелья не будет — купить не на что, разве а впредь будет, как с домом расплатимся... Мне, свидетель Господь, не до покупок: надобно долг с шеи сбить»⁸³. В этом отрывке из письма царского окольного можно усмотреть свидетельство внимания к жене, к ее «хотениям» — причем касающимся не необходимого, а явно излишнего, баловства, прихоти.

Принарядившись, женщины, собиравшиеся в гости, почитали необходимым «нашипать брови», хотя пировать они по традиции допетровского общества должны были отдельно от мужчин («А боярыни также обедают и пьют промеж себя, а мужского полу у них не бывает никогда», «с мужским полом, кроме свадеб, не обедают, разве которые гости бывают самые сродственные»). Единственным и недолгим общением с «мужеским полом» во время пиров был поразивший многих иностранцев «поцелуйный обряд». Да и его, по правде сказать, совершали лишь с самыми почетными гостями. В разрешении и даже настойчивости хозяина, предлагавшего гостю в середине пира поцеловать хозяйку дома или невесток (не девушек!) «в уста», приезжим виделось противоречие с тем, что этим женщинам воспрещалось сидеть за одним столом с мужчинами⁸⁴. На деле никакого противоречия не было: муж просто как бы «делился» принадлежавшим ему и зависимым от него «богатством» с дорогим гостем.

Судя по литературным памятникам, запрет пировать вместе с «мужским полом» касался лишь боярского сословия, а в среде обычных горожан женщины нередко участвовали в шумных застольях, заканчивавшихся нередко потасовками

и даже драками (такой казус обрисован в одной из челобитных кадашевца Ю. Федорова: «...была, государь у меня добрых людей пирушка, а Кузма пришел ко мне через плетен[ь] насилством, не зван и учал гостей моих бесчестить, а женишку мою бранил и позорил всякими непотребными словесы, и сестришок моих бранил...»⁸⁵).

Впрочем, и особые «женские пиры» во времена Московии тоже случались. В сатирической литературе XVII века описаны «частыя пиры на добрых жен», «на своих сестер», на «потребу» которых хозяйка приберегала денег, чтобы «купити брашну» и «веселие велми творити»⁸⁶. «И она, Арина, пьет и бражничает и дома не живет недели по две, и приходит ко мне со многими людьми неведомо какого чину пьянским делом и женишку мою, напиваяся допьяна, бранит», — жаловался некий С. С. Голев, «холоп твой, садовник», государю в 1663 году⁸⁷.

Женщины в московских семьях были главными хранительницами традиций гостеприимства и хлебосољства московитов, отмеченного буквально всеми иностранцами. Поразившие некоторых из них кулинарные изыски (жаркое из вымоченных в уксусе и пряностях лебедей или «малиновый мед»)⁸⁸ были результатом повседневного женского творчества в области приготовления пищи, обмена кулинарными «хитростями» между женщинами-соседками. Русские просветители XVII века в своих педагогических сочинениях настаивали на том, что умение стряпать и домашние секреты в этой области должны передаваться от матерей к дочкам «измлада». Так оно и было. Правда, в обычные дни женщины подавали к семейному обеду блюда довольно простые: каши, хлеб (пироги), но привередливые западные вельможи нашли и в них «вкус не без приятности». Общим правилом было «ести без довольного объядения, лучше часто помало, неже единости много»⁸⁹. Православная литература проповедовала вегетарианство, и довольно строгое: во всяком случае, Мария, мать св. Сергия Радонежского, когда была «сим непраздна», «постом ограждаяся, всякыя пища тльстыя ошаяся, и от мяс и от млека, и рыб не ядаше, хлебом точию, и зелием и водой питаешся» — и была вознаграждена рождением святого, который продолжил постниче-

ство своей матери: отказывался от груди («никакоже съсцу касашеся»), когда мать его была «от мяс питаема»⁹⁰.

Трудно утверждать, что подобное благочестие было нормой. Постились многие, но праздники во всех, а особенно «именитых» семьях считали нужным «читать» обильными яствами⁹¹. Те, кому нечем было отметить «Христов праздник», умоляли прислать «к светлому дни, чем росговетца»⁹². Так что в «святой день» вся семья отъедалась до отвала⁹³. После частых постов, от которых иные были «чуть живы»⁹⁴, скудной и однообразной повседневной пищи (когда женщины, порой, воровали еду — «для тово что безмерно хотелос [ь] в то время есть»)⁹⁵, в скоромные дни все старались наесться, и женщины в том числе. Учительная литература меж тем без устали твердила о грехе обжорства, используя для этого фольклорную мудрость. «Сводный патерик» XV века отразил, впрочем, и такой нюанс отношения к еде как к первейшему благу, «перекрывающему» другие жизненные «удоволства», — предпочтительность трапезы перед интимными отношениями. Вложив в уста целомудренной вдовушки вопрос: «Се трапеза и одр, что повелеваеши преже сотворити?» — компилятор патерика ответил словами ее поклонника, друга покойного мужа: «Дажь преже вкусити, пониже помысла не имам, что еси жена от одержашего глада... (дай поесть, а то от голода не разберусь, что такое женщина... — *Н. П.*)»⁹⁶

С особенным пафосом духовные пастыри московиток XVI—XVII веков осуждали даже не обжорство, а женское пьянство: «не ежь лакомо, но первой не пей с похотью»⁹⁷. О том, что этот порок наложил свой отпечаток на частную жизнь женщин, сообщали многие авторы путевых заметок о Московии⁹⁸. Существовал он и в домосковской Руси, найдя отражение в образе «злоречивой и у пьянчивой» злой жены и в исповедных вопросах епитимийных сборников⁹⁹.

В популярном с XV века «Слове Кирила Философа» Хмель выступал как живое лицо и поучал против пьянства жен: «Аще познается со мною жена, какова бы ни была, а иметь упиватися — учиную ее безумницею и воздвижу в ней похоти телесныя...» Православные проповедники и писавший свой труд в русле их идей Сильвестр, призывая жен не пить «ни вино, ни мед, ни пиво», а тем более водку «допьяна», были

озабочены здоровьем тех, кому надлежало рожать здоровое потомство. Житийная литература прямо связывала воздержание от хмельного питья с рождением и воспитанием благочестия в ребенке начиная с внутриутробного периода: «И егда в себе сего носяще, сим непраздне сущеи, от пиянства отинудь въздръжашесе, но вместе пития всякого воду единую точию, и то по оскуду, испиваше...»¹⁰⁰ Винокурением дома рекомендовалось заниматься только мужчинам¹⁰¹.

Однако благими намерениями церковнослужителей была вымощена дорога к кабакам, в которые женщины часто наведывались, в торги, где продавалось хмельное питье, и в дома зажиточных москвитов, где ежедневно варилась брага. Челобитные XVII века полны сообщениями о «пьяных женках» («а приехала она пьяна...», «а лежала за огородами женка пьяна»)¹⁰². Заезжий немец Олеарий настолько часто встречал в Московии молодых и старых женщин, упившихся до беспамятства, что посчитал это «обыденным». Придя в гости, соседки, знакомые и родственницы хозяйки по традиции пили ровно столько, сколько требовали пригласившие (скоро сделаться пьяной было постыдным). Ситуации, когда после женских пирушек гостей в бессознательном состоянии везли домой их слуги, были очень частыми¹⁰³.

Причиной обыденности женского пьянства в XVI—XVII веках была сохраняющаяся скудость духовной жизни женщин, безрадостность досуга, безысходность жизни с нелюбимыми, тяжесть повседневного труда. Поговорки и присловья, записанные в XVII—XVIII веках, отразили это с беспощадной объективностью («Страшно видится, а выпьется — слюбится», «Где кабачок — там мой дружок», «Нет такого зелья как баба с похмелья» и др.)¹⁰⁴. В городах — где еще в домосковское время (если верить французскому Жильберу де Лануа) получили распространение и питейные заведения, и проституция, с формированием особого стиля жизни, в которой свою роль играли «некие кошунницы», ублажавшие танцами и не только ими «тех, кто хочет за ничто бросить деньги»¹⁰⁵, а женщины на базарах «одновременно с торговлею предлагали покупателям кое-что иное»¹⁰⁶, — женское пьянство превратилось в настоящий социальный бич. В описаниях городской жизни XVI века нередки упоминания

нения о том, что в питейные заведения, ища отвлечения от монотонной и нелегкой действительности, тянулись прежде всего «мужатицы». Слушая в кабаках «скверные песни нещих кошунниц», которые «имуще гусли и сопели и ина бесовские игры, перед мужатицами скача», женщины искали в песнях и нескромных танцах отдохновения и забвения своей униженности, обретения ощущения «вольной воли»¹⁰⁷. В одной из расспросных речей «наузниц и обавниц» 1641 года приводится факт обращения сына некой горожанки Ман[ь]ки — Акимки с просьбой дать какое-нибудь средство, «для того что мать-де его пьяна»¹⁰⁸.

В меньшей степени пьянству была подвержена женская часть царицына двора, хотя придворный врач царя Алексея Михайловича — Самуил Коллинз сообщал в одном из своих писем, что худых женщин в боярских семьях часто спаивают, следуя варварскому обычаю лежа поить водкой, чтобы женщины толстели¹⁰⁹.

Хотя иностранцы и утверждали, что пьянство москвиток было делом обычным, оно не исчерпывало послеобеденного досуга женщин, особенно в деревнях. В будние дни работающий человек, а тем более «баба» с ее семейными заботами не могли позволить себе напиться посреди дня. Зато полуденный обед и любимый всеми полуденный семейный отдых были обязательными, оказывая несомненное влияние на «бюджет времени» женщин. После обеда жизнь в Московии, по крайней мере в больших городах, замирала¹¹⁰. Но если у мужчин послеобеденный сон продолжался иногда до трех часов¹¹¹, то женщины, занятые обычными домашними хлопотами, если и спали днем, то значительно меньше. Они не могли себе позволить посетить в это время, хоть на часок, баню (что делали мужчины), хотя париться любили, придавая омовениям большое значение (эстетическое, гигиеническое, оздоровительное)¹¹². Лечебники, использовавшие народные целительницами (певучая и эмоциональная женская речь слышится в их текстах в уменьшительных суффиксах названий трав и снадобий¹¹³), а также простые наблюдения, передававшиеся изустно, сохранили описания десятков способов прогреваний и притираний распаренного в бане тела. Обычай «баенной воды» (которую собирали женщи-

ны, натерев тело пряником, а затем омыв его; после бани такую воду давали пить мужьям, «любови деля») сохранился, несмотря на запреты, во всех социальных слоях (даже в царских семьях) и в XVII веке¹¹⁴. Посадские повести и сказки непременно упоминают свадебную «мыльню», а в одном из текстов сообщается, что во время ее невеста не только устроила омовение, но и «помазала ся благоуханными мастьми»¹¹⁵.

Банились женщины в парилках (как семейных, так и, с XVII века, «общественных»), как правило, вечером. После полуденного сна или отдыха у всех «бывали снова занятия часов до шести», а с наступлением сумерек жизнь замирала и появлялась возможность досуга. В среде городской элиты домашние бани имели специальные женские отделения, а для царицы и царевен за перегородкой в дворцовой бане были сооружены специальные «полки», а позже и особое помещение. В среде «простецов» женщины банились после трудового дня, не смущаясь присутствием мужчин. Очень часто одно банное помещение использовалось одновременно несколькими семьями, так что все подробности жизни семей соседей, в том числе хворей и здоровья жен, дочерей и челяди, были на виду. Запрет церковного собора 1551 года «мужьям и женам, монахиням и монашенкам париться вместе», осуждение того, что это делалось «без зазору», на простой народ действовали слабо. Женщины наравне с мужиками выскакивали из бани «без стеснения голая» на улицу, не заботясь о любопытствующих зеваках, бросались зимой в снег, а летом — в холодную воду, затем вновь возвращались в баню¹¹⁶.

Прошло не одно столетие, прежде чем в общественных банях были выделены «мужские» и «женские» половины и дни. Иностранцы, которых банные обычаи русских поражали с незапамятных времен («не мучими никим же, сами ся мучат»), к XVI веку вынуждены были признать, что эти обычаи способствуют закалке организма, позволяя женщинам ходить «в нестерпимые морозы босоногими, точно гуси»¹¹⁷. Функции банщиков в банях, устроенных «для дорогих гостей», также обычно возлагались на женщин. Это отметил Олеарий, которому очень понравился русский обы-

чай «отряжать» для банного дела хозяйку дома или ее дочь, которым поручалось не только выстелить пол бани еловым лапником, но и угостить гостя «несколькими кусками редьки с солью и прохладительным напитком»¹¹⁸.

Особая роль бань в повседневной жизни женщин допетровского времени объясняется тем, что они были местом, где принимали роды¹¹⁹, лечили хворых. Испокон веков заболевшие начинали с самолечения домашними средствами, знание которых, как можно убедиться из фольклорных текстов, долгое время было прерогативой женщин. Врачебную практику русских женщин в допетровскую эпоху могут довольно ясно представить так называемые «лечебники», ведь на основе их в XII—XVII веках готовились домашние снадобья, выращивались или просто собирались лекарственные растения, составлялись новые сборники-«травники». Именно к бабам-знахаркам, а не «к попови на молитву» носили женщины всех сословий своих заболевших детей — об этом свидетельствуют епитимийные сборники, да и переписка¹²⁰. Именно женщины-целительницы были типичным образом русской агиографии («язвенных многих своима рукама омывая, целяше и о исцелении Бога моляше»¹²¹). В поздних фресковых росписях и миниатюрах конца XVI—XVII веков, на которых только и можно увидеть обычных людей, занятых обычной работой, немало изображений женщин, и практически только женщин, оказывающих помощь страждущим¹²². Их роль как хранительниц рецептов народной медицины нашла отражение в поэзии Симеона Полоцкого (XVII века)¹²³.

Травники XVI—XVII веков, описывая наиболее распространенные болезни и применяемые для их лечения средства, позволяют представить некоторые подробности частной жизни женщин. Перечень женских хворей того времени красноречив: у бедных это «надсада», «грызь» (грыжа)¹²⁴, «утомление», «сухотная» (чахотка), «трясца» (лихорадка), у богатых — «вычищение животу» (рвота) от переедания, и у всех, к несчастью, масса гинекологических заболеваний¹²⁵. Терапевтическая помощь женщины-врача для большинства средневековых русов и москвитов требовалась очень часто. Даже переписка членов царской семьи конца

XVI—XVII веков убеждает, что болели все — и правители, и члены их семей, в том числе сами женщины, очень часто¹²⁶, в то время как средства избавления от страданий приносили иногда весьма слабый эффект¹²⁷. «Женки», обладавшие способностью «заговаривать» болезни и вообще врачевать — а некоторые обладали этим умением с «девственной юности», обученные матерями и бабушками, — прославлялись не только в фольклоре, но и литературных произведениях¹²⁸. Однако вечный страх перед болезнями все равно сопровождал женщин допетровского времени от рождения до смерти — подчас безвременно рано обрывавшей и жизнь княжны или царской дочери, и безвестной горожанки. Больниц или каких-либо «общественных» лечебниц в допетровской России не было, поэтому и рождались, и болели, и умирали женщины того времени дома.

Таким образом, частная жизнь женщины X—XVII веков была чаще всего жизнью домашней. Дом и окружавший его двор, «приусадебье» были тем пространством, где женщины проводили большую часть своего времени. Чаще всего этот дом был местом жительства рода мужа, куда и приходила вышедшая замуж женщина; нередко — особенно если для мужчины это был повторный брак — дом принадлежал именно ему; реже молодые поселялись с родителями жены.

Основное место в домашней жизни женщин занимала работа — по дому и вне его. Для многих она была формой выживания. Альтернативы работе и «вседневной» занятости, как доказали письменные источники, почти не было даже у скучающих взаперти княжон и боярышень — и они занимались ежедневно «хитроручным изрядством». Отношение самих женщин к вынужденному ежедневному труду плохо просматривается в источниках. Отношение же окружающих и близких к женской работе отразили многие памятники: от дидактических, видевших в ней средство обуздания «страстей» и «воспитания» в женщинах необходимых, с точки зрения их авторов, качеств, до фольклорных, которым была свойственна поэтизация любого женского труда.

Оценку самими женщинами собственной самостоятельности в организационно-экономических делах можно почувствовать, только обратившись к источникам лично-

го характера (все они — поздние, конца XVII века). Письма дворянок, представительниц княжеских и боярских родов, а также послания в их адрес от мужей, братьев, отцов позволили заметить определенные изменения в частной жизни женщин предпетровского времени, возрастание роли для них работы не «по принуждению», а с «веселием» и желанием внести собственную лепту в благосостояние семьи. Отсутствие подобных источников более раннего времени не позволяет говорить с определенностью, когда именно начался этот процесс. Вполне возможно, что «крепкоблюстительные» хозяйки домосковского времени, прежде всего новгородские своеземцы, воспринимали свой вклад в семейное житие аналогично — но источников такого рода X—XVI веков до нас не дошло.

Между тем именно в XVII веке — если судить по эпистолярным источникам — женщины-домовластительницы стали особенно эмоционально воспринимать свои и мужнины неудачи на организационно-экономическом поприще; они стремились к совместному с супругами решению всех дел, в том числе тех, которые касались карьеры мужей, активно помогали им и сопереживали любым мелочам. Формально признавая мужей «главными» во всех сферах жизни, в том числе в делах всевозможных приобретений, всячески подчеркивая их главенство и свою от них зависимость, женщины (матери, жены, сестры) фактически господствовали в домашней сфере.

Весь распорядок дня семьи, все домашние хлопоты со стирками, уборками, пропарками, приготовлением пищи и заготовкой продуктов, организацией работы челяди требовали постоянного вникания во все мелочи. Частная жизнь женщины допетровского времени, особенно подробно регламентированная Домостроем, оказывалась тесно сплетенной с частной жизнью ближайших родственников (мужа, детей, родителей мужа или своих собственных), слуг, приживальцев, да и «подружий»-соседок. Без этих людей, общения с ними (даже в форме распоряжений, приказаний и контроля за их выполнением) трудно представить себе женщин как X—XV веков, так более позднего времени. Иерархия отношений огромного числа родственников и челяди всеми вос-

принималась как должное, однако некоторые литературные памятники XVI—XVII веков позволяют почувствовать большую сопричастность и частной жизни женщин — «государынь дома» жизни домашних слуг и родственников, более явную, нежели у их мужей, отцов, братьев, эмоциональную привязанность.

Семь допетровских веков истории России вместили в себя такое уникальное для европейской истории явление, как теремное затворничество. Оно оказало, разумеется, немалое влияние на строй частной жизни женщин, лишив их возможности самореализации вне дома и потребовав поиска иных сфер приложения сил. Одной из таких сфер было, как обнаружили иконографические памятники, создание золототкацких произведений.

Но даже строгие неписанные законы и традиции теремного уединения московиток XVI—XVII веков порой нарушались. Главным мотивом этого были устремления «женских личностей», готовых — по разным причинам (любовь, страх осуждения за нарушение запрета, желание освободиться от опеки родственников) — сломать установленные границы. Кроме того, «теремное затворничество» коснулось лишь узкого слоя московской аристократии, загнать же в терем женщин других сословий было практически невозможно.

«Повседневность» обычной москвички, а тем более крестьянки, как раннего времени, так и XVI—XVII веков, была наполнена постоянным общением с соседями и «подружьями» — во время работы и на досуге. Никакие попытки церкви ограничить сферу женского общения, особенно во время пиров и шумных празднований, не могли искоренить стремления женщин приобщаться к социальной жизни. Женские пиры и женское пьянство, помимо функции социализации, являлись также своеобразным компенсаторным механизмом, способом ухода от беспросветной тяжести жизни и повседневных тревог и забот, создававших в душах женщин «очаги» постоянного беспокойства за судьбы близких, прежде всего — детей.

Глава III «Милость свою матери покажи, не забудь...»

Материнство и воспитание детей

Многочадие в допетровской Руси выступало как общественная необходимость: только оно могло обеспечить сохранение и приумножение фамильной собственности, только оно гарантировало воспроизводство — многочисленные болезни и моровые поветрия уносили десятки тысяч жизней. Поэтому и православная церковь на протяжении веков¹ упорно формировала идеал женщины — многодетной² матери. Без сомнения, это сказалось на отношении к женщине в обществе, представлении о границах ее возможной самореализации, о ее «предназначении».

Духовная жизнь раннего русского Средневековья (X—XIII века) отмечена сосуществованием двух традиций — светской и церковной³. В отношении материнства и материнского воспитания свет-

ская («народная») традиция, опиравшаяся на обычное право, предполагала выработанную поколениями систему отношений между родителями и детьми, старшими и младшими. Церковная («православная») традиция, бравшая начало в христианской этике, отмечена стремлением внедрить в сознание прихожан постулаты «праведного», с точки зрения православных идеологов, отношения матерей к детям и детей к матери.

Первая традиция, удачно названная американским «историком детства» Д. Херлихи «традицией любящего небрежения», была достаточно типична для раннесредневековых обществ. В Древней Руси она нашла отражение в сборниках епитимий и покаянных вопросов, связанных с наказаниями за детоубийство, заклад и залог детей. Насколько эти явления были в указанное время распространены, данных нет⁴. По епитимийникам известны случаи удушения младенцев в общей постели, их гибель по небрежению родителей. Это может служить определенным доказательством того, что в Древней Руси ребенка «недостаточно берегли», что дети в доме «одновременно как бы и присутствовали, и отсутствовали»⁵. Таким образом рисуется не слишком привлекательный с современной точки зрения образ матери.

Некоторое представление об отношении к материнству в X — XIII веках дает ранняя иконография Рождества Богородицы и вообще всех изображений Мадонны с младенцем. С точки зрения отображения в ней материнской любви, она весьма сдержанна: в иконах и фресках домонгольского времени не найти умиления по отношению к ребенку. Детей же в русской иконописи изображали как маленьких взрослых, со строгими, недетскими, невеселыми ликами. Составители правовых кодексов, видимо, тоже относились к ним без особого снисхождения и скидок на возраст: в нормативных памятниках Древней Руси нет никаких особых (более легких) наказаний за совершение проступков несовершеннолетними⁶.

Отношение к детям в простых семьях было обусловлено обстоятельствами отнюдь не личностными: лишний рот в семье был для многих непосильной обузой⁷. Оттого в пословицах о детях, записанных в допетровское время, сквозит двойственное к ним отношение, в том числе, вероятно, и матери: «С ними горе, а без них вдвое» — и в то же вре-

мя обратное: «Без них горе, а с ними вдвое» или «Бог дал, Бог взял». В некоторых русских колыбельных песнях XIX века, корнями уходящих в давние времена, присутствовало даже пожелание смерти ребенку, если он рожден «на горе» родителям. Этот мотив присутствовал не так уж редко — по проведенным подсчетам в пяти процентах от общего числа колыбельных⁸. Те же причины лежали в основе различного отношения в семьях к сыновьям (как к желаемым «гостям») и дочерям (нежелаемым). В древнейших текстах назидательного сборника «Пчела», бытовавшего в различных вариантах в XI—XVIII веках, встречается афоризм: «Дъчи отцю — чуже стяжанье». Примечательно, что дочь рассматривается здесь как «чужое сокровище» одного лишь отца, не матери. У В. И. Даля этот афоризм звучит так: «Дочь — чужое сокровище» («Сын домашний гость — а дочь в люди пойдет»).

Приведенные примеры косвенно свидетельствуют о предпочтении, отдаваемом сыновьям перед дочерьми еще в домонгольское время. В дидактических текстах XIII—XIV веков можно встретить уже иную, личностно-эмоциональную мотивацию предпочтений родителей: «Матери боле любят сыны, яко же могут помагати им, а отци — дщерь, зане требуют помощи от отец»⁹. Но, по-видимому, отнюдь не такие, личностные, а именно экономические причины рождали «власть родителей над детьми» в раннесредневековой Руси. Вопрос лишь в том, переходила ли она во всех семьях в тот «слепой деспотизм без нравственной силы», о котором писал когда-то Н. И. Костомаров, а вслед за ним нынешние западные исследователи «истории детства» в России?¹⁰

Анализ письменных и фольклорных памятников позволяет утверждать, что подобный вывод не вполне точен. Тенденции «небрежения» детей, особенно девочек, в средневековой Руси постоянно (с X века) противодействовала воспитательная работа «отцов духовных», стремившихся утвердить среди прихожан идеалы христианской нравственности, «благочестивого родительства», материнской любви; при этом резко осуждались любые попытки матерей избавиться от детей.

Попадание на страницы епитимийных сборников целого списка вопросов и наказаний детоубийцам и «женкам, еже в утробе имеют, а родити не хотят», говорит не только о срав-

нительной распространенности таких случаев, но и об осуждении подобного поведения со стороны церковных дидактиков. Легко представить себе, как измученные частыми родами женщины вставали перед дилеммой — рожать или не рожать очередное чадо и, приняв отрицательное решение, обращались с просьбами «отъять плод» к знахаркам: именно они знали различные «зелья», от которых женщина могла «извергнуть» при небольших сроках беременности; лечебники же — даже поздние — не упоминают их составов, вероятно, «секреты» такого рода передавались изустно. Но за сугубо интимным решением и действиями женщин пристрасно наблюдал глаз «отца духовного», каравшего за все, что «чрез естества совершено быша», как за детоубийство («аще зарод еще» пять лет епитимьи, «аще образ есть» — семь лет, «аще живое» — пятнадцать лет поста и покаяний). Тем не менее частота упоминаний об абортах и «извержениях» говорит о том, что интимная сторона жизни женщин того времени более регулировалась ими самими, нежели церковными деятелями. Аборт и позже, в петровское время, был главным средством регулирования рождаемости¹¹. Исповедники подробно выспрашивали у прихожанок, «[с]колько убили в себе детей», выполняя тем самым роль посредника между частной жизнью индивида и интересами государственного значения.

Об отношении мужей к вопросам контрацепции, сохранения или избавления от беременности сведений в русских епитимийниках и других источниках нет, что и отличает частную жизнь древнерусских женщин от жизни их западноевропейских современниц. Безразличие мужей к здоровью беременных жен характеризуют епитимьи, налагавшиеся на них в том случае, если выкидыши у их жен случались от побоев домашних («аще муж, риняся пьян на жену, дитя выверже»). Подобные случаи избавления от ребенка для женщин наказуемыми не были: церковь, хорошо осведомленная о нюансах супружеских отношений, в таких случаях в них не вмешивалась — ни в X–XV веках, ни позднее¹².

Неустанная регламентация церковными дидактиками интимной жизни женщин сопровождалась интенсивными проповедями в защиту многочадия. Настойчивая пропаганда идеи о том, что дети являются благом для любой семьи и глав-

ным «оправданием» присутствия в ней женщины, привела к тому, что уже в X—XIII веках отсутствие детей стало считаться большим горем («велико зло есть, аще не родятся дети, сугуба брань»). Обращения «жунок, кои хочут родити детя» к «бабам-идоломолицам», знавшим «чародеинные» средства избавления от напасти, вполне объяснимы. Среди исповедных вопросов встречается упоминание о «детской пупорезине» (пуповине), «ложе детинном» (плаценте), которые ворожеи использовали для приготовления снадобий от бесплодия, смешивая их со отварами трав, имевшими антисептические характеристики (омелой, ромашкой). Поразительно, что даже в эпоху Московии (XVI—XVII века) к «бабам», знавшим подобные доступные средства, и у «простецов», и у представительниц привилегированного сословия было больше доверия, нежели к обученным иноземным «дохтурам», а умение женские «недуги целити» во все времена считалось «даром»¹³.

Памятники древнерусской литературы, в том числе тексты травников, зелейников, лечебников, а также учительные сборники, говорят о внимании и заботе к беременным женщинам, проявляемым со стороны церковных идеологов. С давних времен, о чем свидетельствуют тексты покаянных книг XII—XIII веков, церковь освобождала беременных женщин от земных поклонов, непосильной работы, подчеркивала опасность потребления в их положении хмельных напитков. После родов, происходивших, как правило, в бане, женщина «рождешая» считалась «нечистой» в течение сорока дней. Церковные нормы исключали в послеродовое время супружескую близость, что снижало вероятность инфицирования женского организма и объективно способствовало сохранению здоровья женщины¹⁴.

В народной традиции, воспевавшей многочадие, отсутствие детей считалось горем так же, как и в церковной традиции. Летопись сохранила восклицание одного бездетного князя, сетовавшего на то, что «Бог не дал своих родити, за мои грехы». Рождение детей рассматривалось в обеих традициях как главное предназначение женщины, как ее основная работа. Беременную в народе называли «непраздной», и термин этот сохранялся в фольклоре столетиями. В частных письмах представительниц привилегированного сосло-

вия чаще употреблялся термин «беременная», и, кстати сказать, в переписке женщин конца XVII века эта тема была одной из ведущих («Отпиши, матушка, ко мне, беременна ль ты?» — весьма частая фраза в письмах от женщины к женщине, особенно родственнице)¹⁵.

Рождение детей, а тем более — частые роды, да еще в бедной семье, были тяжкой женской долей. «Живот болит, детей родит», «Деток родить — не веток ломить» — эти пословицы вряд ли сочинялись мужчинами, не знавшими тягот вынашивания и родов. Без сомнения, их авторы — женщины. Нередкими были преждевременные смерти матерей при рождении очередного «чада». Рожали часто, иногда почти ежегодно, а выживали немногие: один-два ребенка (иногда называется цифры два — четыре), большинство же умирало во младенчестве. В памятниках личного происхождения XVII века можно встретить сведения о семье из пяти человек (муж, жена и трое детей) как многолетней («человек добр и жена его добра, только он семьяст, три мальчики у него»)¹⁶.

Само слово «матерство» (материнство) есть в источниках начиная с XI века, но там с трудом можно обнаружить какие-либо проявления чувств матерей к рожденным «чадам». Единственное, что можно установить на основании древнейшего свода законов — Русской Правды (XI век), — так это прямую связь материнства со сложными имущественными отношениями в семье, которые влияли на частную жизнь всех ее членов. По закону мать могла принять (и часто принимала) на себя опекунские функции, получая единоличное право распоряжаться общесемейным имуществом, а также право наделять (или лишать доли) выросших отпрысков. При этом ей давалось право самой выбрать, к кому из детей она питает наибольшую привязанность: «...аще вси сынове будут лиси (выгадывающие), дочери может дати (наследство. — *Н. П.*), хто ю кормит». Древнерусский закон ставил, таким образом, имущественные отношения в семье в зависимость от индивидуально-психологических: характер распределения общесемейной собственности между наследниками мог отражать степень привязанности к ним матери¹⁷.

Живые свидетельства такой привязанности найти в ненормативных памятниках раннего Средневековья (летописях

и литературе, агиографии) довольно трудно. Разве что к ним можно отнести имена, которые давали матери детям: «Сладкая», «Изумрудик», «Славная», «Милая», — сохранившиеся в скупых на эмоции летописях. Любопытно, что в летописях сохранились только ласковые прозвища девочек, и это противоречит идее предпочтения, оказываемого — если судить по покаянной литературе — сыновьям. Отфильтровав факты реальной жизни, авторы летописей и литературных произведений XI—XIII веков оставляли лишь то, что нуждалось в прославлении и повторении, — положительные примеры для назидания. Поэтому можно утверждать, что описанные в летописях грустные расставания родителей с дочерьми, выходящими замуж и покидающими родительский дом, были характерны для семейных отношений («и плакася по ней отец и мати, занеже бе мила има и млада»¹⁸).

Сравнительно долго (почти до XIV века) держалась на Руси традиция давать некоторым детям не «отчества», а «матерства» (Олег Настасьич, Василько Маринич), так как родство по матери считалось не менее почетным, чем родство по отцу¹⁹. Так ощущались отголоски матриархальной ориентированности семейно-родового сознания, и вместе с тем это была форма проявления уважения к матери и женщине в обыденной жизни, аналоги которой трудно обнаружить в Западной Европе.

Выросшие сыновья, как правило, оставались жить в родительском доме. По свидетельству литературных и эпистолярных памятников они старались платить матерям той же любовью и заботой, которую получали в детстве. Уже один из самых ранних дидактических сборников — Изборник 1076 года — содержал требование беречь и опекать мать. Постепенно этот постулат православной этики стал нравственным императивом и народной педагогики. «Моральный облик» выросших детей стал определяться их заботой о матери — больной, немощной, «охудевшей разумом» в старости. В источниках можно найти немало примеров мудрого благословения матерью повзрослевших сыновей, что доказывает сохранявшуюся эмоциональную зависимость детей от матери, взаимосвязь их личных переживаний не только в детстве, но и на протяжении всей жизни²⁰.

Пренебрежение нравственными ориентирами материнского воспитания осуждалось и церковью, и светским уголовным правом. Согласно норме светского законодательства сына или пасынка, избившего мать, следовало наказывать «володельскою казнью» (вплоть до пострижения в монашество). Трудно сказать, сколь часто применялось такое наказание. Но в новгородской берестяной грамоте № 415 (редком памятнике уголовного права XIV века) сохранилось письмо некой Февронии судебному исполнителю Феликсу: «Поклоно от Февронее Феликсу с плацою. Убиле мя пасынке и выгони-ле мя изо двора. Велише ми ехать городо или сам поеди сею. Убита есею». Обращение Февронии в суд говорит о ее осведомленности в своих правах, отсутствии смущения в «обна-родовании» факта семейной жизни (довели!). Вся ситуация дает яркий пример семейной ссоры и подтверждает наличие вечного «конфликта поколений». Инициатором ссоры представляется молодой человек, что вкупе с глухими упоминаниями об убийстве мачех пасынками в летописях²¹ наводит на размышление о том, что в подобных случаях молодые мужчины чаще женщин преступали нормы социального поведения.

Для церковных деятелей, бдительно следивших за частной жизнью знати, важно было не просто отметить (и осудить) «отклонения» от морали, но и, чтобы искоренить само явление, найти ему объяснение. Так, митрополит Иона в своем послании детям княгини Софьи Витовтовны, «не повинующимся матери» (1455 год), предположил, что поступки вызваны «грехом, оплошением или дьяволиим наваждением, или молодостию...», и угрожал им наложением «духовной тягости» — «докеле в чювство приидут». Сочиняя назидание, митрополит невольно выразил пристрастность к теме материнского воспитания. Вероятно, его вдохновлял собственный пример: Иона вспоминал некую «вдовицу», которая его, в отрочестве осиротевшего, «матерьски поболеевши о нем, воспита» и относилась к нему «аки истовая родительница». Та же вдовица впоследствии отдала Иону «некоему диакону» для изучения грамоты и священных книг²², задав направление формированию его личности.

Все церковная литература домосковского времени (X—XV века) пронизана идеей святости материнского сло-

ва и мудрости материнского воспитания, сладко-благостными рассказами о материнской любви и уважении детей к матери. Мать (равно как и жена — например, княгиня Ефросинья Ярославна — прототип героини «Слова о полку Игореве») представлялась авторами древнерусских «повестей», «слов» и «плачей» готовой скорбеть о погибшем сыне (муже), но не способной унизиться до трусости или склонить свое «чадо» («света-государя») к неблагоприятному поведению, в частности самосохранению ценой позора. Средневековая русская аристократия не выработала собственного идеала женственности, отличного от народного, поэтому высокодуховные образы матерей равно встречаются и в фольклорных, и в более поздних литературных произведениях (как светских, так и церковных)²³.

Некоторые расхождения между народным и аристократическим идеалами материнства при одновременном сближении каждого из них с этической традицией православия стали появляться лишь в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XVI—XVII века). Этот период внес немало нового в отношения матери и детей в силу зарождения, а затем быстрой эволюции процесса обмирщения духовной культуры москвитов, что и позволяет соотнести историю материнства в Древней Руси — одну из важнейших сторон частной жизни женщин того времени — с аналогичными процессами в Западной Европе.

Автор одной из наиболее стройных концепций истории детства, американский историк Л. Де Моз, назвал первые два этапа в западноевропейской истории родительства и детства этапами господства «инфантицидного» и «бросающего» стилей в отношениях между родителями и детьми. «Бросающий» стиль стал, по его мнению, анахроничным в Европе уже к концу XIII века. С XIV столетия этот американский психоаналитик начинал отсчет нового «стиля» отношений между детьми и родителями, в том числе матерями, — так называемого «амбивалентного», господствовавшего в XIV—XVII веках. «Амбивалентный» стиль характеризовался «дозволением ребенку войти в эмоциональную жизнь его родителей», но «исключал, однако, его самостоятельное духовное существование», что сопровождалось, как думал

историк, «беспощадным выколачиванием своеволия» как злого начала в ребенке²⁴.

При всей схематичности построений Л. Де Моза, которые не раз критиковались в западной науке²⁵, они не лишены определенной наблюдательности. Во всяком случае, русская литература — светская и церковная, эпистолярные и документальные памятники XVI—XVII веков позволяют отметить постепенный переход в истории материнства и материнской педагогики к «амбивалентному» стилю отношений. Только начался этот процесс в России не ранее начала складывания единого государства, то есть в XVI веке.

Многие тенденции церковной дидактики и народной педагогики, наметившиеся в домосковское время — осуждение контрацепции и небрежения к детям, строгие наказания за детоубийство и попытки к нему, — сохранялись и в эпоху Московии. При этом продолжала развиваться традиция восхваления бесконфликтных отношений между матерью и детьми, причем отношений несколько асимметричных (уважительных со стороны именно детей к матери, об обратной же связи — уважительности матери к интересам ребенка не упоминалось).

Но появилось и новое. В зажиточных, сравнительно образованных сословиях отношение матерей к детям становилось все более содержательным. На этот процесс оказывали влияние разные факторы — и экономические, и культурные, и личностные. В то же время в немалой степени отношения матерей и детей в семье зависели от общего числа «чад»: на мальчиков-первенцев и единственных детей смотрели как на продолжателей дела предков, а потому относились к ним сравнительно бережно. Первенцев в семье ждали, на них возлагали надежды как на наследников родового имущества и родового имени.

Великий князь Василий III, разведясь с княгиней Соломонией Сабуровой, женился на молодой польке Елене Глинской. Когда она родила ему долгожданного сына — а это был будущий царь Иван Грозный, — Василий Иванович не только повелел заложить известную церковь Вознесения в Коломенском под Москвой (такой жест «вписывался» в рамки обычного поведения главы княжеского рода), но и безмер-

но пекся о здоровье сына. В письмах он требовал от супруги постоянно «отписывать» ему все подробности жизни малыша: «и о кушанье Иванове, что Иван сын коли покушает — чтоб мне то ведомо было»²⁶. Вне сомнения, мать хлопотала над первенцем с еще большим рвением.

Забота о здоровье «чад» оставалась главным содержанием частной жизни большинства москвиток раннего Нового времени. Способами излечения «чад» от хворей, рекомендациями по их гигиене и вскармливанию были наполнены появившиеся в XV—XVI веках «лечебники» и «травники», тема детских болезней проникла на страницы дидактических текстов²⁷, а в переписке появились свидетельства неподдельной тревоги родителей по этому поводу («Да писала еси ко мне... что против пятницы Иван сын покрячел... что у сына у Ивана явилось на шее под затылком место высоко да крепко, что гною нет, и то место у него поболает... И ты бы с боярыни поговорила, что таково у сына явилось и живет ли таково у детей малых?..»²⁸).

Новой в российской дидактической литературе XVI—XVII веков стала и тема материнского воспитания, а предметом особых размышлений — его методы. В период раннего русского Средневековья тема педагогических методов ставилась лишь применительно к отцовскому воспитанию сыновей, причем предполагалась известная строгость. В памятниках X — XV веков часто встречается слово «наказати», что означало «поучать, воспитывать». Современный смысл этого слова в значении «качать» появился в русском языке не ранее XVII века²⁹. Тема «сокрушения ребер» и «наложения ран» как способа выработки послушания и покорности нашла законченное выражение в появившемся в XVI столетии Домострое с его развернутой системой физических методов воздействия. Однако и Домострой имел в виду воспитание отцом сыновей. Матери поднимать руку на чад, тем более на дочерей, не полагалось; ей отводилась другая роль и другое место в сложной семейной иерархии³⁰. Это хорошо заметно в фольклоре. Впрочем, в записях пословиц XVII века встречается и такое присловье: «Учен жену бьет, а дрочен (неженка. — *Н. П.*) матушку» (ср. также в «Пословицах добрых и хитрых и мудрых»:

«Дети балуются от маткиного блинца, а разумнеют от бацькиного дубца»)³¹.

В назидательной литературе подчеркивалось, что в деле воспитания уже само слово в устах матери должно быть достаточно действенным. Вероятно, в семьях аристократии (на которые в первую очередь и были рассчитаны тексты поучений, в том числе Домостроя) так оно и было. Известно, сколь велика была роль образованных матерей и вообще воспитательниц в судьбах некоторых русских правителей. При отсутствии системы образования и повсеместном распространении домашнего обучения многие женщины привилегированного сословия, будучи «гораздо грамотными», «словесного любомудрия зело преисполненными»³², все образование детей брали на себя.

О том, насколько достигало цели стремление церковнослужителей с помощью одного только дидактического материнского слова вырабатывать у детей «автоматический моцион нравственного чувства»³³, то есть любовь и уважение их к родителям, — судить трудно. Литературные и эпистолярные источники XVI—XVII веков донесли до нас лишь «лакированные» картинки взаимоотношений матери и детей. Внести коррективы в эту благостность могли бы, очевидно, судебные документы, фиксировавшие конфликтные ситуации, но их сохранилось довольно мало.

Вместе с тем различные письменные памятники, а также иконография позволяют представить некоторые изменения даже в этой «незамутненной» картине материнства и материнского воспитания, проявившиеся в XVII веке. Они отразили те трансформации в частной жизни и во взаимоотношениях матерей и детей, которые привели к возрастанию роли матери в «социализации» детей.

Особая радость красок, их «веселие» в иконографии «Рождества Пресвятой Богородицы» (одного из самых распространенных сюжетов русской иконописи, ставшего особенно популярным в XVI—XVII веках) определялись появившимся к XVII веку в православии особым отношением к деторождению, прославлением его «светоносности», «непечалия», величия³⁴. В живописных сюжетах XVI—XVII веков на эту тему родительская любовь стала выступать как соуча-

стие (изображение присутствующего в комнате роженицы отца девочки, распахнутых дверей, проемов, окон — по поверью, это облегчало роды), как объединяющее семейное начало (подробно изображались «ласкательство» Иоакима и Анны с малюткой Марией, купание ее в резной купели)³⁵. Апофеозом же идеи воздаяния «светоносной» материнской любви, окрашенной православной благоговейной печалью, стал в предпетровское время иконописный сюжет «Успения Богородицы», в котором персонифицировалась тема спасения материнской души, изображаемой обычно в виде спеленатого младенца у Спасителя на руках³⁶.

По-иному в XVII столетии стали смотреть и на беременность. Хотя и «срамляясь» своих желаний, беременная женщина в кругу своих близких стремилась обратить внимание окружающих на «особость» своего состояния, требующего определенного ритма питания: «Егда не родих детей, не хотяше ми ясти, а егда начах дети родити — обессилех и не могу наястися». Будто в подтверждение народного присловья «Горьки родины, да забывчивы», Е. П. Урусова в письме к детям вспоминала: «Носила вас, светов своих, в утробе и радовалась, а как родила вас — [и вовсе] забыла болезнь свою матерню...»³⁷ Во многих семьях женщины по-прежнему рожали практически каждый год (даже в XIX веке считались обычными девять-десять, реже шесть-восемь рождений на каждую женщину). Повседневность московитских семей XVII века точно отразила поговорка: «Бабенка не без ребенка, не по-холостому живем, Бог велел»³⁸.

Частые смерти детей накладывали свой отпечаток на отношение к ним матерей: у одних боль от их утрат при-туплялась³⁹ («На рать сена не накопишься, на смерть робят не нарожаешься»⁴⁰), у других — вызывала каждый раз тяжелые душевные потрясения⁴¹. Во многих письмах русских боярынь и княгинь конца XVII века сообщения о смертях детей окрашены сожалением и болью, в них проскальзывает горечь потери и ласковое отношение к умершим («пожалуй, друг мой, не печался, у нас у самих Михаилушка не стало»; «в печалех своих обретаюся: доче [р] и твои Дари Федотьевны [в животе] не стало...»; «ведомо тебе буди, у Анны сестры Ивановны, Марфушеньки не стало в сырное заговейна...»)⁴².

Церковная проповедь любви матери к порожденным ею «чадам», требование «не озлобляти, наказуя», сопровождаемое обращениями к детям («мать в чести держи, болезнуй о ней») находили отклик в душах москвитов XVII века. В этих наставлениях не было противоречия народной традиции, которой у многих определялись внутрисемейные отношения. В письмах родителей к детям невозможно встретить грубого к ним обращения — сплошные «Алешенька», «Марфушенька», «Васенька», «Утенька», «Чернушечка», «Андрюшенькино здоровье». В переписке конца XVII века просьбы отцов к матерям «Содержи, свет мой, в милости мою дочку...»⁴³ были нормой (в приведенной цитате наводит на размышления только слово «моя» — не шла ли здесь речь о ребенке от первого брака?).

Новое время рождало новые нюансы отношений матери к ребенку. «Костенку жалуйте, не покинь[ь]те, а он еще ничего не домыслет — децкое дело!»⁴⁴ — говорится в одном из писем XVII века. В более ранние эпохи такое отношение матери к ребенку — как к малому, неразумному, беззащитному, к кому надо проявлять терпение и прощать слабости — найти невозможно.

Упоминания о том, что дитя «блюли с великою радостию», «никуда единаго не отпускали», говорят о возросшем внимании к «чадам». В материнских письмах XVII века заметно трудно сдерживаемое восхищение действиями и умениями детей. Например, жена стряпчего И. С. Ларионова — Дарья Ларионова пишет мужу в 1696 году о маленькой дочке: «У нас толко и радости, что Парашенька!» — и добавляет ниже: «...А Парашенька у меня девочка изрядная, дай Господи тебе, и как станем тебя кликать — и она также кличет, и нам [этот ее лепет] всего дороже...» В другом письме она сообщает супругу о том, что дочери приготовили специально для него подарки и послали с «людми»: «Катюшка — колечко золотое, а Парашинка — платочик: колечко изволь на ручке своей носит[ь], а Парашенкиным платочком изволь утираться на здоров[ь]е...»⁴⁵ Все это прекрасное доказательство того, какое место в повседневности женщины и вообще в ее душе занимало все, что было связано с заботой о детях.

Давно оспоренный многими западными историками тезис о том, что в доиндустриальное время «дети больше работа-

ли, чем играли»⁴⁶, не находит подтверждения и в истории русской семьи предпетровского времени. Хотя церковные дидактики требовали воспитания детей в строгости, безо всяких игр и развлечений, хотя автор Домостроя настаивал: «не смейся к нему, игры творя» (то есть не улыбаться, когда играешь с ребенком)⁴⁷ — жестокосердных матерей, способных строго запретить детские игры, и детей, лишенных «матерня ласкателства», было немного⁴⁸. Хотя напитанные православной дидактикой тексты велели детям быть «небуяными», «от смеха и вских игр отгребатися», улицы русских селений и городов были наполнены гамом играющих детей, а сорванцы проказничали от души. Даже служители церкви замечали, что и самых благочестивых (вроде Ульянии Осорьинной) «сверстницы многажды на игры и на песни нудили»⁴⁹.

Перечисление детских игр в исповедных вопросах и сборниках светского и церковного права, в сочинениях Симеона Полоцкого и Епифания Славинецкого (среди них — «салки», «взятие снежного городка», шумные игры с хлопаньем в ладоши, игры в ножички, «мечик» (мяч), лапта, «кубарики», «скакания яко коник или саранча травная, обе нозе совокупив и на единой ноге» и т. п.) заставляет думать, что игры ребятишек XVII века не слишком отличались от современных. Во многих письмах можно встретить упоминания о том, что матери просили сыновей не столько не играть, сколько не слишком «резвится».

Примеры такого рода можно обнаружить даже в письмах весьма строгого в делах воспитания протопопа Аввакума его жене Настасье Марковне: «Орину привезите, а у вас бы жила смирно, не плутала, а буде станет плутать — и вы ее смиряйте»⁵⁰. Вероятно, обращаясь с подобными просьбами, родители припоминали обычные проказы своих «чад», что подтверждается строчкой в одном из писем того же Аввакума. Призывая жену воспитывать дочек в смирении, не слишком о них «кручиниться», в одном из писем он обмолвился: «Увы, чадо дарাগое, уж не на ково поглядеть, как на лошади поедет, и по головки неково погладить...»⁵¹ Похоже, что в душах дидактиков (многие из них были натурами эмоциональными) шла внутренняя борьба — жизнь, случалось, противоречила их идеям.

Упомянутые в письме Аввакума «лошадки» — известная мальчишечья забава; девочки же в Московии XVII века предпочитали другую подвижную игру — «скакание на досках». Поговорка того времени отразила сетования матерей-воспитательниц на непоседливость дочерей: «Мать по дочке плачет, а дочь на доске скачет». Зимой и летом девочки и девушки качались на качелях и веревках, любили кататься в санях, телегах, колясках, водили хороводы, в которых нередко вместе с детьми и молодежью участвовали взрослые⁵².

Способы развлечения и отдыха главы семьи и вообще мужчин могли оказаться для детей неподходящими (посещение кабаков, азартные игры, кулачные бои — хотя дети присутствовали порой и там). В то же время женские традиционные игры и забавы не только не исключали участия ребятешек, но и способны были развить в них «борзость», «обучение телесе», ловкость — все это отразили лубки XVIII века⁵³.

У представителей образованных сословий совместный досуг матерей и детей приобретал особые формы. Обязательно уделялось время занятиям с детьми «каллиграфством», грамотой и чтением. Радость от общения с детьми во время обучения была важным элементом частной жизни женщин («...мати его велми радовашесе о разуме сына своего»⁵⁴). «И в доме у тебя, государь, все, дал Бог, здорово, — писала одна дворянка своему мужу, помещику В. Т. Выдомскому в конце XVII века. — Ведомо тебе, государь, буди, я сынишко твои[го] учу десятую кафизму...»⁵⁵ Об обучении беспокоился и Аввакум: «...а девок, свет, учи, Марью да Акилину...»⁵⁶), и его «духовная дочь» знаменитая раскольница Е. П. Урусова⁵⁷. А в одном из писем жены стряпчего И. С. Ларионова содержится просьба к мужу быть внимательнее к дочке и хотя бы немного отвлекаться от служебных забот: «Пиши, друг мой х Катюшке грамотки уставом (печатными буквами, а не скорописью. — *Н. П.*), хотя [бы] неболш[и]е...»⁵⁸

Занятия матерей с детьми грамотой приносили свои плоды: подраставшие дети могли вести переписку с отсутствовавшими дома отцами и другими родственниками. Письма же самих матерей, волею обстоятельств оказавшихся оторванными от своих «любезных чад», отличает исключительная эмоциональность, свидетельствующая о нежной привязанности.

«Ох, мой любезный Васенька, — обращалась к сыну Е. П. Урусова в одном из предсмертных писем, — не видишь ты моего лица плачевного, не слышишь моего рыдания смертного, не слышишь, как рыдает сердце мое... и душа моя сокрушается!» Какими только словами не называет мать своего «друга», предчувствуя скорое расставание навсегда: «ненаглядный», «нинасмотренный», «утроба моя возлюбленная», «утеха и радость моя», «любезный мой, мой радостной»⁵⁹.

До нас не дошли другие материнские «эпистолии» не только более раннего, но и того же времени, которые были бы столь же свободны от шаблона, как письма Е. П. Урусовой. Но примеры подобных эмоциональных обращений матерей к детям можно найти в литературных памятниках XVII века: «О чадо милое, только и утехи — ты, наша радость и веселие старости нашей, что ты един. Хочешь от нас прочь отъехать — ты нам убийца будешь обоим...» Буквально тем же настроением пропитано обращение реального исторического лица, героини одной из посадских повестей XVII века Авдотьи Дмитриевны сыну и невестке. Освобожденное от обязательных многословных благопожеланий, оно выглядит так: «Буди тебе, свет мой, Бог не изволит видетца — и ты меня поминай, а я не чаю видетца с вами, светы мои, потому что мы стали оба древны, и на вас, светы, наше благословление». Возвращаясь вновь к цитированному выше литературному памятнику, отметим строки, равно применимые к отношениям в семье Авдотьи Дмитриевны: «И тако отпустиша его с великим плачем и с рыданием, и жалостно бе отпуск его всему княжению их...»⁶⁰

Анализ переписки Е. П. Урусовой с детьми позволяет почувствовать, что к дочкам матери нередко были не столь привязаны, сколь к сыновьям. Раскольница называла дочек «любезными» и «собинными» (любимыми), «ластовицами златокрылыми» и «светами ненаглядными», но не делилась с ними своей болью, вызванной решением ее бывшего мужа жениться вновь. Ее письма говорят об индивидуальном, внутреннем предпочтении именно сына — труднообъяснимого, но эмоционально понятного. Предпочтение одним детям перед другими существовало «от веку»: достаточно вспомнить жену волынского князя Владимира Васильковича

Ольгу — четвертую дочь брянского князя Романа, которая, по словам летописца, была отцу «всех милее» — ее одну он называл «милая моя дочеръ» (XIII век)⁶¹.

Матери, особенно вдовы, чувствовали свои обязательства и ответственность перед всеми своими «чадами» до их совершеннолетия; предпочтения, вероятнее всего, скрывались — «полагалось» любить всех одинаково. «Едина капля слез матерних много прегрешений и клеветы загладит», — фиксировала подобные отношения назидательная «Пчела». Народная мудрость трансформировала этот афоризм в поговорку: «Материнская молитва со дна моря вынимет». Крохотная зарисовка, «картинка из детства» героя «Повести о Горе-Злочастии» (XVII век), пропитанная поразительной нежностью воспоминаний о материнской заботе, заставляет думать, что автор «Повести» «списывал» ее со своих личных чувств и переживаний. Такие чувства можно найти и в письмах Е. П. Урусовой, где описывается, как она «болезновала» за своего «Васеньку», когда он был маленьким: «Али забыл ты слезы мои и рыданье мое, любовь и ласку мою, как я рыдала по тебе, как видела тебя на смертном одре, не дала я покоя очима своима ден и ночь, и держала тебя, своего друга, на руках своих и амывала слезами»⁶².

Если судить по текстам челобитных на имя государя конца XVII века, матери в Московии нередко были главными защитницами интересов и здоровья своих «сынишек» и «дочеришек» до их совершеннолетия, особенно если они выполняли опекунские функции («Отдала я, сирота ваша, сынишку своего Антошку Микифору сыну Усенкову на шесть лет, и в ту шесть лет выучит... сынишка моего живописному мастерству. И он, Микифор, сынишка моего учал бить нестерпимыми побои, напрасну и з двора от себя сослал... Пожалуйте меня, сироту, велите тово Микифора допросит, чего он моего сынишка не учит...»; или: «Отдала я, раба ваша, сына своего Козму Моисеева в научение пению нотному мещанину Тимофею Степанову, а он, государь, не похотел сына моего учить пению нотному, учал бит[ь] и увечить...»⁶³). Отдав детей «в учебу», матери продолжали сопереживать их успехам и неудачам, стремились защитить их от невзгод. Подобные заботы вначале об учебе, а затем о слу-

жебных и финансовых делах уже выросших сыновей, о благополучии и бесконфликтности семейной жизни дочерей сопровождали зачастую весь жизненный путь матерей, относившихся к делам своих «чад» как к своим собственным.

Матери часто и весьма активно помогли детям в управлении хозяйственными делами их имений, пока те находились на «государевой службе». «Свет мой, — писала, например, мать князя В. В. Голицына княгиня Т. И. Голицына в 80-е годы XVII века, — здесь слух носится, что будет государев указ со всех вотчин имать по полуполтини з двора, а со вдов и недорослей и с монастырей вдвое, да кои на службах, и с тех имать по полуполтине...» Терзаемая сомнениями, она просила подтвердить или опровергнуть этот «слух»⁶⁴.

Переписка матерей со взрослыми сыновьями была в порядке вещей в течение уже нескольких столетий. Однако эмоциональное богатство она приобрела лишь во второй половине XVII века⁶⁵. Письма же родителей, в частности матерей, маленьким детям были в это время, судя по дошедшим до нас документам личного происхождения, явлением редким — это направление в эпистолярном жанре еще только зарождалось.

Взрослые дети считали своим нравственным долгом помнить о материнском доме, писать туда письма, интересоваться здоровьем «родительницы». «Пожалуй, матушка (форма обращения к свекрови. — *Н. П.*) прикажи ко мне черкнуть, жива-ль мама и здорова ль она доехала...»⁶⁶ Выразительно признание царя Алексея Михайловича в одном из писем к матери: «А твоего день рожества по чину [мы] честно пировали, точию о том оскоблилися (были огорчены. — *Н. П.*), что лицом к лицу не видалися, но духом с тобою [мы] всегда нераздельны...» Примерно в те же годы было написано письмо И. И. Чаадаева племяннице, княгине П. А. Хованской (к тому времени уже замужней и «матерой» — то есть имеющей своих детей), в котором он поучал ее: «Милость свою к матери покажи, не забудь...»⁶⁷ А Ф. Д. Маслов, называя дом своей матери истинно «праведным», просил ее почаще «писать про свое здоров[ь]я» и добавлял: «А мне бы слышать про твое здоров[ь]я, радоватца...» Ниже он сообщал, что «послал милости твоей икорки к сырной недели — извол[ь] кушат [ь] да радоват[ься]...»⁶⁸

Впрочем, как и во все времена, старики родители, и особенно часто матери, ласково пеняли своим выросшим чадам за редкость писем: «Досадно мне, свет мой, что ты к нам не пишешь ни о чем...»; «что ты ко мне не пишешь про свое здоровье, а про мое не спрашиваешь, али тебе, свет мой, не надобна?»⁶⁹ (типичный упрек матерей, адресованный сыновьям, но не дочерям и невесткам, отличавшимся, судя по всему, бóльшей заботливостью).

При чтении документов личной переписки XVII века невольно возникает вопрос о соответствии целей и результатов материнского воспитания в России того времени. Не удивительно, что у образованной, умной, наблюдательной, блестяще владевшей словом княгини Т. И. Голицыной вырос сын, сосредоточивший в своих руках руководство важнейшими государственными делами, причем сделал это, не принадлежа к царской фамилии. Другой пример «соответствия» дидактических устремлений и «плодов воспитания» — поступок «выборного головы» Мурома Дружины Осорбина. Мать воспитала его в строгом уважении к нормам христианского благочестия, милостивым и справедливым. Признательностью сына матери за ее «труды добродетельны и подвиги» стала в 30–40-е годы XVII века инициированная Дружиной запись биографии Ульянии в литературной форме, близкой к агиографической⁷⁰. Сын окружил мать — обычную женщину, мирянку — идеалом святости, выражая тем самым благоговейное почтение к ее замечательным душевным качествам.

Многочисленные источники свидетельствуют, что основные моральные, а также религиозные нормы усваивались детьми именно в общении с матерью. Примеры тому можно найти в агиографии и письменных памятниках⁷¹. Есть они и в поучениях детям, написанных старообрядцами, например Аввакумом («не обленись, жена, детей понужати к молитве») или его «дщерью духовной» Е. П. Урусовой («не резвися, имей чистоту душевную и телесную, ведай, мой свет, блудники в огне вечно мучатся и ты берегися от той погибели, буди кроток и смирен, буди со мной во единой вере истинной...»⁷²). Любая мать в любом древнерусском литературном или фольклорном произведении требовала от

«чада» «блюстися» плотских наслаждений и «зело огорчалась», если ее «моление» и «епистолия» не доходили до адресата. Ни в одном письме, ни в одном литературном сюжете XVII века (как и в ранних памятниках) не найти примеров того, что мать склонила сына к недостойному поступку⁷³. Нет таких примеров и в судебных актах.

В реальной жизни каждая мать ежедневно стояла перед выбором «средств воздействия» на свое «чадо» и, вероятно, далеко не всегда предпочитала слово физическому наказанию. Педагогическая литература XVII века такого выбора, однако, не давала, настаивая непременно на воспитании мудрым словом («Бий первее словом, а не жезлом»⁷⁴) и «собственным образом» («Уча учи нравом, а не словом»⁷⁵). Многие образованные женщины, читавшие подобные поучения, проверяли педагогические методы на собственных детях. Так, Е. П. Урусова учила сына умению прощать и не держать в душе «тяготы» в ответ на недостойное поведение отца. Она умоляла «Васеньку» простить решившего второй раз жениться отца и «возлюбить» мачеху, а о себе писала: «Меня не нарекай уш себе матерью, уш я не мать тебе, буде ты возлюбишь нынешнюю, новую»⁷⁶. В письмах этой женщины не было ни самоуничижения, ни радости страдания: она сумела сама быть великодушной и тому же учила сына. Нельзя, правда, не учитывать того, что Е. П. Урусова собственный выбор сделала, предпочтя отдать себя целиком служению божественной идее, а не своему ребенку.

В «Повести о семи мудрецах», созданной современником (или современницей?) Е. П. Урусовой, представлен не житийный идеал, но житейски умудренная женщина, которая также учила дочь умению прощать и не держать зла на мужа. Прощение недостатков и проступков друг другу должно было, по мысли автора «Повести», укреплять отношения супругов, создавая атмосферу искренности и доверия («искуси мужа своего виною, аще ли ты простит — и ты люби»). Эта тема развивается и в других источниках: она отражает стремление матерей научить дочек (часто уже взрослых, замужних) быть гибкими в ссорах, прощать супругам и родственникам, даже если они «кручинны и немилостивы», сохранять преданность и верность мужьям, «и во веки тако»⁷⁷.

В то же время судебные документы XVII века донесли до нас различные случаи внутрисемейных конфликтов, в которых тещи — матери взрослых дочерей — выступали не благолепными проповедницами смирения, терпения и прощения, а защитницами интересов своих дочек, готовыми и пригрозить, и добиться осуждения по закону, и даже «обавить» — напустить «кликотную и ломотную немочь» на зятьев, обижающих их «собинных» любимиц⁷⁸. Как свидетельствует текст одного судебного акта, зять был так напуган угрозами тещи, что не побоялся «внести сор из избы» и рассказать про «злую тещу» соседям. Та же тема защиты матерью благополучия дочери отражена в песне XVII века, грозящей «плохому» зятю проклятьем: «Коль ты ее покинешь — и сам же ты загинешь, с великия кручины...»⁷⁹

Материнская педагогика XVII века предполагала и такой метод воспитания, который словами источников можно назвать «смыслом благим», — матерей призывали учить детей действовать не только «от словес божиих почитаемых», но и согласно голосу совести и разума. Убеденность же в том, что черты «норова» человека формируются прежде всего под влиянием устоев семьи, выразил в одном из писем «милостивой матери» царский окольный И. И. Чадаев. Он писал домой, что не советует выдавать сестру за сына некоего Осипа, поскольку видит в отце «немного приятства, кроме вражды... не весело ж»; «...да и сына чают, — утверждал он ниже, — что все в него ж будет...»⁸⁰ (то есть «Яблочко от яблони недалеко падает»)

Матери учили своих чад умению ладить не только с родственниками, но и с другими домочадцами, слугами и, конечно, друг с другом — качеству, необходимому в их дальнейшей самостоятельной жизни⁸¹. О дружественных отношениях между взрослыми братьями и сестрами немало говорилось и в летописях XII—XV веков, но в них нет примеров редкостной душевности, характерной для XVII века. То же можно сказать и об эпистолярных памятниках⁸². Рано осиротевший царь Алексей Михайлович называл свою старшую сестру царевну Ирину Михайловну «мамушкой»⁸³. В беде — при «разорении» или потере близких — выросшие дети, братья и сестры, ожидали друг от друга помощи и уча-

ствия. В частной жизни московитов действовала сила родства, и нужда в ней особенно ощущалась в чрезвычайных обстоятельствах. «Хотя на час изволь отпустить ко мне сестру Агафью Ивановну, — просила у Ф. Д. Маслова его “своячина” А. Стремоухова. — И чужие в таких бедах посещают, а она [что ж], меня не посетит в таком горе?..»⁸⁴

Чувства родственной близости братьев и сестер друг к другу подчеркивались и формировались в семьях именно матерями, которые «цементировали» семейно-родственные связи. В источниках сохранилось немало примеров того, как матери воспитывали в детях стремление заботиться друг о друге⁸⁵. «Буди ласковъ к сестрам и утешай их, и слушай их во всем, и не печаль их, и не досаждай им, буди ласков к ним, только у них и радости, что ты един», — просила сына Е. П. Урусова. В другом письме она наказывала дочкам: «Любите друг друга и брата берегите, всему доброму учите, говорите ему ласково...»⁸⁶

Но всегда ли подобные нравственные постулаты — любви, «тихости», послушания, целомудрия, — внедряемые в детские души матерями, воплощались выросшими чадами в жизнь? Из судебных дел XVII века, которые почти никогда не упоминали о добродетелях, но зато подробно описывали пороки, известны примеры жестокого обращения сыновей с матерями («а свою мать бьют же, ругают и за косы таскают...»⁸⁷). Случаи несоблюдения нравственных норм, прививаемых материнским воспитанием, отмечены и в фольклоре, и в литературе, где приводятся примеры разных жизненных невзгод, ожидающих «непокоривых чад».

Особенно выразительна в этом смысле стихотворная «Повесть о Горе-Злочасти», главный герой которой как раз попытался жить, как ему «любо есть», «забыв», что «мати ему наказывала». Родители учили его «не ходить в пиры и братчины», «не прелшятся на добрых красных жен», бояться глупых, опасаться «поноса некчемного» (пустого доносительства), не «думать» украсть, ограбить, обмануть, лжесвидетельствовать и т. д. — и за это «молодцу» обещалось, что его «покроет Бог ото всякого зла». Но «молодец» не внял увещаниям и пустился, что называется, во все тяжкие. В итоге — к нему «привязалось» Горе-Злая-Участь (Горе-Злочастие), он разорился, был обокраден, «ясти-кушати стало нечево»,

вынужден был отказаться от невесты, затем бежать в «чужу страну, далну, незнаему», но Горе-Злочастие всюду неотступно за ним следовало. Избавиться от этой напасти «молодец» смог, лишь приняв схиму⁸⁸. Текст повести четко обрисовывал круг проступков, дав своеобразный «справочник» отклонений от нравственности и «жизненных» наказаний за них — разорение, голод, безбрачие, эмиграция.

Мать в «Повести о Горе-Злочастии» представлена предугадывающей несчастную судьбу сына. Подобные отношения — иррациональную связь между матерью и ребенком — можно отнести к проявлениям биологического в материнстве, счесть их выражением тесной связи между женщиной-матерью и ее «чадом», бóльшей — по сравнению с отцом — эмоциональной отзывчивости и чувствительности. Но если объяснение любви и заботы матери о родном ребенке лежит в биологии, то изъявление аналогичных чувств к приемывшим — абсолютно социально⁸⁹. Челобитные XVI—XVII веков о подкинутых младенцах отражают сочувствие к ним, призыв «смиловатися»⁹⁰. Наличие у матерей и бабушек любимчиков среди «примачек» говорит о равнодушии, об эмоциональной связи поколений, зиждившейся отнюдь не только на «зове крови»⁹¹. Стоит подчеркнуть, что эта тенденция не была рождена веком обмирщения, когда «старина с новизной перемешались»: еще в XIII веке волынский князь Владимир Василькович беспокоился о судьбе «приимачки» Изяславы, «иже взял бо есмь от матери в пеленах и вскормил», а затем «миловах аки свою дочь родимую»⁹².

О том же говорят свидетельства особых отношений, складывавшихся между «чадами» и их воспитательницами («мамками») в семьях знати. «Мамки» не были биологическими родительницами, они лишь «пестовали» малышей. Но живая связь, возникавшая между ними и их подопечными, подтверждала записанную в XVII веке поговорку «Не та мать, что родила, а та, что вырастила». Привязанность к «мамкам» (кормилицам и воспитательницам) у некоторых детей сохранялась иногда на всю жизнь, замещая собой привязанность к родной матери (как то было у маленького Ивана Грозного с его мамкой Аграфеной Челядниной, заменившей ему и рано умершего отца, и увлеченную государственными заботами мать)⁹³.

В памятниках XVII века кормилицы часто изображались поверенными в делах своих воспитанников и воспитанниц — покровительствующими их любви, устраивающими свидания⁹⁴. «Пожалуй, матушка, прикажи ко мне черкнуть, жива ли няня, верной наш тайный посол? — писала А. Г. Кровкова своей родственнице. — Всем от меня челобитье. Нянюшка (в другом письме выясняется, что ее зовут Ларивоновна, а “мамушку” — Долматовна. — *Н. П.*), забыла ты меня, не пиешь про свое здоровье!» В конце письма — приписка, где очень по-детски (а ведь автор его — замужняя женщина) выражена просьба: «Пришли ко мне гостинцу, коврижичек...»⁹⁵

Особую роль в «смягчении нравов», создании обстановки душевного тепла, сопереживания, проникновенности играли в русских семьях бабушки, от всего сердца «болезновавшие» о малых «чадах» (ср. в пословицах: «Дочернины дети милее своих», «С моей бабусей никого не боюсь: бабуся-шиток, кулачок-молоток»)⁹⁶. Зачастую внуков в великокняжеских семьях — особенно в случае военной угрозы — отправляли на воспитание к дедушке и бабушке на долгие годы⁹⁷. Пребывание у бабушек иногда исключало призыв этих выросших «деток» на государеву службу («я и отпросился: поход-де дальней, мне надеятца не на ково, бабушка меня не изволила и отпустить...»⁹⁸).

Длительное существование неразделенных семей — отличительная черта развития семейных структур в России по сравнению с Западной Европой⁹⁹ — способствовало сохранению значительной роли в них пожилых женщин. Немало содействовал этому и культ предков: согласно народным верованиям, духи умерших родственников покровительствовали внукам¹⁰⁰, оберегали их, а внуки, в свою очередь, должны были «ревновать» (восхищаться, воспевать) тех, кто был до них. Письменные и фольклорные источники свидетельствуют, что бабушки относились к малым детям даже с большим вниманием и заботой, нежели утомленным повседневным нелегким трудом матери¹⁰¹. Бабушки — в отличие от матерей — в силу возраста были лишены значительной части личных интересов, а потому жили в нравственном отношении «благочестиво». Отсутствие упоминаний об отношениях бабушек и внуков в более ранние эпохи может быть связано

с тем, что в домосковское время многие бабушки до появления внуков просто не доживали, так как продолжительность жизни была очень короткой¹⁰².

В переписке же XVII века упоминания о бабушках весьма часты. Нередко они упоминаются в связи с посылкой гостинцев и подарков внукам, свидетельствующих о том, что старые женщины хорошо знали вкусы «малых ребят» («послала Андрюшеньке да Наташеньке восемь игрушечек сахарных, чтобы им тешиться на здоровье. Не покручинься, надежда моя, что немного»¹⁰³).

Выросшие женатые внуки предпочитали по ряду обстоятельств (оброчные льготы!) проживать с матерями и бабушками по матери¹⁰⁴. Еще в «Житии Михаила Клопского» (конец XV — первая треть XVI века) обрисована ситуация, в которой возмужавший герой, посадник Немир, в своих политико-административных делах полностью доверявший лишь «пра-теше Евфросинье» (то есть бабушке его жены), ездил к ней советоваться в монастырь, пренебрегая при этом иронией окружающих, подсмеивавшихся над тем, что он «думает ж жонками». В письмах женщин конца XVII века упоминания о совместном житье внуков с бабушками¹⁰⁵ попадают еще чаще, встречаются они и в документах¹⁰⁶.

Подводя итоги описанию роли материнства и материнского воспитания в Древней Руси X—XV веков и Московии XVI—XVII веков, следует отметить, что поддержание теплых, эмоциональных отношений в русских семьях допетровского времени было значимой и важной составляющей повседневного быта и, следовательно, частной жизни женщин. Отношение самих женщин к выполнению ими их, как полагала церковь, «предназначения» — быть матерью — в разных семьях (неразделенных и малых, городских и сельских, зажиточных и бедных) в разные периоды истории было двойственным: и само вынашивание детей, и тем более рождение и воспитание их считались и благом, и тяжелой обязанностью.

Многочадие в допетровской Руси было «общественной необходимостью». Только многодетность могла обеспечить сохранение и приумножение фамильной собственно-

сти, только она гарантировала воспроизводство в то время, когда многочисленные болезни и ранние смерти уносили десятки тысяч жизней. Поэтому и православная церковь, и народный обычай на протяжении веков упорно формировали идеал женщины — многодетной матери. Это сказывалось и на формировании определенного отношения к женщине — в повседневной, частной, семейной жизни, да и вообще в обществе. Материнством и воспитанием детей ограничивалась возможная самореализация для подавляющего большинства женщин.

Буквально вся жизнь женщины была сосредоточена на детях. Но лишь аристократки, родив детей, могли отдать их в дальнейшем на руки кормилицам; на матерях же из среды «простецов» с первого дня рождения ребенка лежали обязанности по вскармливанию, выхаживанию, ограждению от заболеваний и, наконец, воспитанию. Представления о материнском воспитании, о его содержании и эмоциональной окраске менялись от столетия к столетию медленно, но неуклонно. При этом X—XV века характеризовались сочетанием, с одной стороны, некоторого «небрежения» к ребенку с предоставлением матери «свободы» в воспитательных делах, а с другой — многочисленных строгостей и ограничений. Церковь активно вмешивалась в частную жизнь женщин и материнское воспитание, настаивая на воспитании детей в рамках православной этики. В то же время и светская, и церковная традиции в равной степени возвеличивали и, можно сказать, поэтизировали воспитательные функции женщины-матери и способствовали выработке «нормы» в межличностных детско-родительских связях.

Нравственный и культурный облик женщин и вообще людей Средневековья и раннего Нового времени, как мы его представляем сейчас, складывался в сфере частной жизни. Человек мог не занимать ни постов, ни должностей, не участвовать ни в каких политических баталиях, но иметь семью, круг соседей, размышлять о приземленном или «вечном» — и все это в пределах сферы его личного обособления, быть может не всегда осознаваемой. Частная жизнь отдельного индивида, конкретной женщины могла быть и сугубо интимной, и связанной с социальными процессами и явле-

ниями. Но в любом случае, однако, роль отношений с матерью — и в детстве, и во взрослом возрасте — была очень велика. Следует учитывать также фактор социальной среды — в семьях «простецов» воспитание детей происходило стихийно, во время труда и досуга, а в семьях аристократии этот процесс благодаря дидактической литературе направлялся православными идеологами. Имела значение и форма органической группы — семья, род, клан, к которым принадлежали мать и ее ребенок.

Позитивная динамика развития частной сферы жизни древних русов и московитов, если судить по истории материнства, была связана с особенностями русской семейной организации, характеризовавшейся устойчивостью межпоколенных связей, значительной ролью старших женщин в доме, уважительным и внимательным к ним отношением со стороны детей и внуков, что особенно хорошо прослеживается на поздних, относящихся к XVII веку материалах. В педагогике матерей и бабушек сочетались постулаты православия и народные традиции, и таким образом — опять-таки в частной сфере — церковный идеал превращался в народно-религиозный. Постепенно, но не ранее конца XVII века на передний план в материнском воспитании, в отношениях матери и ребенка и, следовательно, в частной жизни всех женщин выдвинулись факторы личностно-эмоциональные, которые как «ростки» существовали и ранее, когда материнская любовь была, можно сказать, делом индивидуального усмотрения и социально вероятным, хотя, возможно, и не слишком распространенным явлением (X—XV века).

И в Древней Руси, и в Московии XVI—XVII веков определенную индивидуально-личную остроту отношения матерей и детей приобретали в конфликтных ситуациях, которые могли быть вызваны нарушением общепринятых норм (прежде всего детьми) или неординарностью обстоятельств (например, в случае редкого, но все же случавшегося в XVII веке развода родителей). «Нормой» же — по крайней мере в Московии XVII века — считались внимательные, доверительные и уважительные отношения между родителями и их «чадами».

Глава IV «Добрую жену неудобь обрести...»

Супружеская роль

Роль женщины в древнерусской семье и семье раннего Нового времени (XVI–XVII века) не исчерпывалась только ролью домохозяйки и матери. Немалое значение в ее частной жизни имело само супружество и, следовательно, выполнение женщиной функций жены, стремление ее быть «женой доброй». Противопоставление «злой» и «доброй» жены прошло буквально «красной нитью» через все Средневековье и сохранилось в Новое время в неисчислимом количестве всевозможных «слов», «бесед», «поучений» и проповедей. Казалось бы, подобный сюжет — это не более чем общехристианский мотив, к тому же хорошо изученный! Однако и в дидактических текстах православных компиляторов можно разглядеть детали жизни реальных женщин.

Разумеется, православные проповедники были прежде всего обличителями пороков и не стремились анализировать действительную ситуацию и уж тем более реальные человеческие (женские) эмоции. Но пристальный анализ церковных текстов, касающихся описаний «добрых» и «злых» жен, позволяет заметить постепенные изменения, обусловленные динамикой формирования и, можно сказать, «усложнения идеалов». Рассмотрение литературной эволюции образов «доброй» и «злой» жен проливает свет на изменения в умонастроениях людей, живших несколько веков назад, а значит, и на перемены в частной жизни женщин Древней Руси и Московии.

Известно, что православная концепция характеризовала «добрую жену» прежде всего как женщину работающую, «страдолюбивую», что означало — как хорошую хозяйку. Идеал супруги был ориентирован на женщину профессионально не занятую, которая усердно работает «по дому», «чада и челядь питает», «чинит медоточное житие» и дает «много користи дому». Даже в чистой стилизации литературных эпизодов, повествующих о работающих «добрых женах» чувствовалось значение и ценность в семейной жизни того времени женщины житейски умудренной, умеющей «вести дом». В то же время, ориентируя на поиски «доброй жены», учительная литература XII–XVII веков на первое место ставила, конечно, не материальный фактор (семейное благополучие, достигнутое благодаря трудолюбию женщины), а факторы нравственно-идеологические. В первом ряду здесь была религиозность («добрая жена» должна была быть богобоязненной), далее следовал факторы социальный (от «доброй жены» требовалось добровольное отречение от любых дел вне семьи) и моральный: под «доброй женой» разумелась жена покорная («покоривая», «смирренная», «тихая»), безоговорочно согласная на признание своей второстепенности по сравнению с мужем, а потому верная, преданная ему при любых обстоятельствах. «Добрая жена» рисовалась авторам церковных поучений «светом ума и тихости»¹.

Образы «добрых жен» в письменных светских памятниках домонгольского и монгольского времени (X–XV века) не столь часты, как можно было бы думать. При этом все они статичны и прямолинейны. Частная жизнь выдающихся женщин Древ-

ней Руси, которые в силу свершенных ими «деяний» вполне могли бы считаться «добрыми женами» — от княгини Ольги до жены Дмитрия Донского Евдокии Дмитриевны, — почти не поддается реконструкции. В источниках все они предстают как бы анфас (как в ранней русской иконописи, где изображение лишено объема и перспективы) — в наиболее значительных поступках, символических и лаконичных высказываниях. Как это ни удивительно для женских образов — казалось бы, долженствующих быть более эмоциональными, — они предстают лишенными душевных терзаний (хотя и могущими испытывать муки телесные), вне какой-либо «психологии возраста», в каком-то идеальном, вневременном состоянии. Многие замечательные женщины выписаны яркими красками (великая княгиня Ольга, галицкая княгиня Всеволодая, черниговская княгиня Мария), но без полутонов, создающихся противоречиями внутреннего мира человека. Даже внешние черты большинства летописных княгинь и княжон (в отличие от их мужей, отцов, сыновей) совершенно стерты.

Как ни трудно было воссоздавать психологические характеристики древнерусских правителей — это оказалось возможным². Проникнуть же в мир индивидуальных интересов их жен нельзя: в летописях они почти «невидимы», однохарактерны³. У всех достойных подражания русских князей, если судить по летописям, в семье был полный лад, «любов велика»⁴, и ни одна «злая жена» своими поступками и поведением не подпортила им «характеристики». Читатель должен был полагать, что каждому «хорошему» князю, наделенному врожденным капиталом добродетелей, автоматически удавалось обрести и «добрую жену», которую церковные поучения именовали «венцом мужу», его «веселием» и «частью блага»⁵. Летописцам удавалось поразительным образом не «проговариваться», не сообщать подробностей личной жизни этих «добрых жен». Нет сомнения, что для идеала любви было мало места в трезвых материальных и политических расчетах русского Средневековья, причем в среде аристократии (о которой и шла речь в летописях) — особенно. Но тем не менее летописцы, создавая образы и образцы ирреально-благостной, одухотворенной любви, заставляли сопереживать своих читательниц именно этому идеалу.

Отфильтровав факты реальной жизни, авторы летописей и литературных произведений XI—XIII веков оставляли для потомков лишь то, что нуждалось в прославлении и повторении. Поэтому частная жизнь «добрых жен» во всех древнерусских летописных текстах — это не фиксация деталей индивидуальных судеб, а образно-символическая конструкция определенных идей — нежной заботливости («великую любовь имеяше с князем своим, ревнующи отцю своему») или, например, проникновенного понимания государственных тревог находившихся рядом мужчин («сдумав со княгиню своею и не поведав сего мужем своим лепшим думы»)⁶.

Матери, жены, сестры запечатлены помогающими сыновьям, мужьям, братьям, скорбящими о них («и плакася о нем мати его и вси люди пожалиша си по нем повелику»), принимающими постриг вслед за ними («видивше княгиня его приимши мниший чин, и пострижесе сама»), оплакивающими их после смерти. При этом они воспринимают гибель в бою с врагами как должное и сами предпочитают смерть плену и бесчестью — как Евпраксия Рязанская, которая, узнав о смерти мужа, «ринуся из превысокого храма своего с сыном на средю земли и заразися до смерти». Князья изображались проявляющими великодушное уважение к помыслам и решениям их «милых лад» (например, волынский князь Владимир Василькович в завещании разрешает княгине своей «милой Олго» поступать «как ей любо»). Но в большинстве случаев воспитующе-воспевающий стиль летописного «реализма» скрыл от нас мотивы тех или иных (часто героических) женских поступков и отношение к ним окружающих. Индивидуальное воспринималось как чужое. Чужое же — сознание, убеждения, мотивы поступков — отрицалось составителями литературных и летописных памятников того времени, поэтому и детали частной жизни, тем более жизни женской, оставались «за кадром».

Памятников частной переписки от эпохи Средневековья дошло до нас так мало, сохранность их столь удручающая, что возможность реконструировать женские характеры практически отсутствует. Из памятников личного происхождения сохранилось лишь несколько берестяных писем, позволяющих приблизиться к интимному миру женщин русского

Средневековья. Их авторы не пытались анализировать охватившие их чувства, они любили и страдали: вероятно, иначе, чем современные люди, но не менее остро. Два наиболее выразительных признания горожанок домосковской Руси, написанных на обрывках бересты, дают простор фантазии исследователя.

«Что за зло ты против меня имеешь, что ко мне не приходил? Если бы тебе было любо, ты вы вырвался и пришел. Никогда тебя не оставлю. Отпиши же мне...» — написала безымянная новгородка XI века. «Како ся разгоре сердце мое, и тело мое, и душа моя до тебе и до тела до твоего и до виду до твоего, тако ся разгори сердце твое, и тело твое, и душа твоя до мене, и до тела до моего и до виду до моего» — второй образец любовной записки, но написанной уже женщиной XIV века. Эти послания, выплеснувшиеся из искренних и нежных женских душ, были написаны не представительницами высокообразованной элиты, а простыми горожанками. Особенно потрясает по-женски беззащитная и в то же время литературно безукоризненная последняя фраза письма XI века: «Буде я тебя по своему неразумию задела, и ты почнешь насмеяться — судия тебе Бог и моя худость»⁷. Воистину, как бы ни наполняло «каждое время все ключевые понятия человеческой жизни, в том числе брак, любовь, счастье, своим неповторимым содержанием»⁸, здесь «сквозь локальное мы пробиваемся к Личному, которое вечно»⁹.

Приведенные письма с их обезоруживающей откровенностью позволяют еще раз усомниться в том, что летописные панегирики «добрым женам» «отождествляли должное и сущее», хотя это утверждение и характерно для идеализирующих жанров литературы¹⁰. «Сущее», как следует из текста посланий, было куда более эмоционально насыщенным, чем представляется после чтения летописей и других нарративных памятников. Но как почувствовать, «нащупать» его? Черты реальности, штрихи частной жизни женщин средневековой Руси, их отношений с близкими и далекими, нашли отражение в церковных учительных памятниках. Но не в лубочно-упрощенных образах «добрых жен», а в образах «жен злых», отразивших детали реального поведения, раскрывающих сложность женского «нрава», помыс-

лов и поступков многочисленных «дщерей» и «женок». Изображая отступления от «должного», всего того, что не попало на столбцы летописей, церковные дидактики стремились понять побудительные мотивы и причины женских поступков, и в этих описаниях проявилась подлинная глубина.

В прямом противопоставлении «злой жены» ее антиподу, «жене доброй», отразилось разветвление средневекового сознания. Технический арсенал ходячих представлений о «злой жене» позволял компиляторам назидательных текстов изображать ее весьма жизненной. В отличие от «добрых жен», «жены злые» рисовались «пороздными» (то есть праздными), «потаковщицами» собственной «лености», о которой проповедники говорили, что она «горей (хуже. — *Н. П.*) болезни», и к тому же всегда безалаберными, не умеющими «беречь» и «вести» дом. Оба эти порока в концепции православных дидактиков оказались тесно связаны с избранным «злыми женами» образом жизни — свободным и независимым. В изложении авторов «поучений и слов» они свободны от моральных ограничений в сфере интимных отношений, как в браке, так и вне его («злые жены» — «прелюбодейны и упьянчивы»); заботятся о собственной внешности («злая жена» — всегда красавица, знающая себе цену, да к тому же еще и «мажущая», «красящаяся»); добиваются независимого статуса в семье («злые жены» всегда «непокоривы», «владеют мужем») и самостоятельны в суждениях («меют дерзновение глаголяить», «все корят, осуждают», они «хулящи» и «закона не знающи»); их религиозность сомнительна («ни священника чтят, ни Бога ся боят», «в церкви смеются», «глухи на спасение»); кроме того, они потенциально склонны к проявлениям социального протеста («великой пакости и великим исправлениям»¹¹).

Ясно, что образ «злой жены» и вообще тема женщины как олицетворения пороков потребовали от компиляторов средневековых текстов краткости, меткости, афористичности, наблюдательности¹². Чего стоит поучение «не стретай (встречайся) жены сничавы (красивой), отврати очи: любодеянья бо жены во высоте очью (любодеяние женщины — в глубине ее глаз), невод — сердце ея, сети — уды ея, и ловление — беседы ея, осылы устенными (силками уст своих) заведет во блуд...»¹³

Главное, что пытались доказать церковные дидактики средневековому читателю, — это наличие взаимосвязи между «пороками» женщин и тем главным, что могло нарушить устанавливаемые ими нормы поведения, то есть страстями. Любые эмоции, вне зависимости от «знака» их психологической окраски (страх, гнев или любовь), были объектом неустанной борьбы и церковных дидактиков, и работавших в русле их идей летописцев.

Те, кто отличался неумением «чуять ся», «внимать се [бе]», «победить ся» — а женщин среди них было, если судить по филиппикам в адрес «злых жен», чуть ли не большинство, — автоматически попадали под град осуждений. Женщины с их повышенной эмоциональностью восприятия представляли под пером православных дидактиков самыми «неустойчивыми», самыми частыми жертвами страстей. Уже Даниил Заточник в XII веке заметил у «злых жен» гордость, зависть к чужому благополучию и красоте, честолюбие, склонность к изменам, злословие, лживость¹⁴.

«Страстное состояние» женщины рисовалась церковно-служителям следствием ее одержимости «тварным бытием», полной в нем укорененности («защитница греха, людская смута, заводила всякой злобе, торговка плутоватая»). В этом усматривался отказ «злых жен» от Спасения. Мы не знаем большинства имен тех, с кого «списывались» женские пороки для создания образа «злой жены»¹⁵. Но то, что для современного человека предстает как свидетельство свободы и независимости («ни ученья слушает, ни церковника чит, ни Бога ся боит, ни людей стыдит, но все укоряет и всех осуждает»), то для проповедников XI–XIV веков выглядело как рабство, как «плен страстей» (пороков), как «несвобода» женщины, чьи действия и поступки предсказуемы и просчитываемы¹⁶. Этимология слов «страстница» (XI век — страдальца, несчастная), «страстотерпица», (слово «страсть» в его втором значении — ужас, кошмар¹⁷) — содержит напоминание о той негативной оценке, которая давалась женской (и вообще человеческой) эмоциональности.

К концу XIV–XV веку в русской общественной и религиозной мысли появились тенденции к более углубленной разработке идеи «страсти», эмоционального «непокойствия».

В качестве орудия борьбы со «страстями» служители церкви использовали по-прежнему слово — как обличительное, так и увещательное. Создававшие свои поучения церковные авторы стремились писать «невидимо на разумных скрыжалях, сердечных», а не на «чувственных хартиях» — но «женская тема» была слишком раздражающим и слишком значительным одновременно сюжетом. Вполне вероятно, что причиной тому было учащение случаев прямого вмешательства женщин в сферу мужского господства — политику. И хотя описание женской индивидуальности по-прежнему было ограничено отнесением ее в одну из двух категорий («доброй» или «злой» жены), тем не менее авторы XIV–XV веков, впервые «заглянувшие» во внутренний мир своих героинь, сделали первую попытку понять, а где возможно — объяснить их переживания (хотя бы даже «женской слабостью»)¹⁸.

Рожденные этим стремлением психологические построения выдающегося церковно-политического деятеля конца XV века Нила Сорского о иерархически подчиненных «периодах» развития страсти («прилог» — простое влечение, которое является началом «помыслу», «сочетание», «сложение», «пленение» и собственно «страстное вжеление») лишь подводили итог раздумьям на эту тему современников. И переводы греческих текстов («Девгениева деянья» с его ярким, запоминающимся образом Стратиговны), и оригинальные русские тексты того времени («Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича» с плачем Евдокии, «Житие Сергия Радонежского», запечатлевшее образ Марии, матери будущего святого) отразили желание «изречь неизречаемое»¹⁹, вызвать у читателей если не симпатию, то по крайней мере сопереживание. Таким образом, приоткрывается завеса над духовным и душевным миром некоторых представительниц образованной части русского общества — хотя бы в той мере, в какой это позволяют их современники — авторы житий, «повестей» и «слов».

Одной из главных черт душевного мира русской женщины «на пороге Нового времени» была повышенная эмоциональность. То, с чем вели борьбу церковные дидактики, оказалось неискоренимым. Но экспрессивность действий героинь в XVI–XVII веках в литературе уже не затушевывалась,

а даже подчеркивалась длинными речами (плач Евдокии занимает несколько страниц). Правда, считать эти «речи» проявлениями их женской индивидуальности было бы большой натяжкой.

Склонностью к аффектации отличаются не только сами княгини, попавшие на страницы литературных произведений, — плачущие, многословно восклицающие, живописующие «буйными словесы» свои патриотические или родственные чувства, — но и те, кто эти эмоции записал и донес до нас (а это, кстати сказать, были в основном мужчины). Отчасти учительные тексты и созданная в их «ключе» светская литература были призваны разряжать высокий накал страстей, побуждая читателей сопереживать душевным мукам жен, которые отправляют супругов на войну с «супостатами» и оплакивают мужей в случае их смерти. Подобные сюжеты содержали «штрихи», «вкрапления» деталей частной жизни женщин и были «соединительной тканью» между идеалом и реальностью.

Исключительная выразительность и точность слова, сила родственного чувства и любви к отчей земле, приписанные автором «Сказания о Мамаевом побоище» московской княгине, «проводы деяющей» («победи супротивных супостатов», «не сотвори так же, как раньше, когда великая битва русских князей на Калках»²⁰), сравнение погибшего мужа с затравленным и раненым зверем («Подобне и о тебе ныне збысться, великий княже: бысть яко медведь ловит тя напярже лук свой и постави тя яко знамение на стреляние»), неутешные рыдания и одновременно высокая оценка социальной значимости «деяний» супруга («многы страны примирил еси и многы победы показал») в силу их повторяемости в разных литературных памятниках наводят на мысль о мотиве, но при этом в текстах «плачей» много личного. При существовании определенных норм обращения к мужьям («мой свет», «мой господине») в текстах попадаются и иные, полные удивительной нежности: «съкровище живота моего», «животе мой драгий (жизнь моя бесценная. — *Н. П.*)», «месяц мой светлый», «свете мой светлый». В экспрессивных восклицаниях вдов («горким гласом, огньныа слезы от очию испущающи, утробою распалаяющи, в перси своими рука-

ми бьющи») нам не найти упоминаний об их чувственном «прилоге» к погибшим. Отношение русских княгинь к супругам исчерпывается исключительно платонической любовью, зато какой! Телесное совокупление, если верить агиографам того времени, было для них просто излишним: «Любовнику душа — в теле любимого, обеима едина душа бе две теле носяще...»²¹

Тесно примыкающее к платонической любви чувство умиления близким человеком — еще одна краска в палитре эмоциональных состояний женщин предмосковского времени. Здесь несомненно влияние эмоционально-нравственной атмосферы православного мирочувствования, в которой ведущую роль играла преданность Богу (с характерными для нее эмоциями «трепета», «страха», «удивления», даже «ужаса»). «Проработанность» деталей отношений героинь с их супругами (женихами, сыновьями) — как они представлены в литературных (светских и церковных) произведениях — позволяет приблизиться к пониманию сложного переплетения «душевного» и «духовного», как их различал и представлял Иоанн Дамаскин, позволявший «благый прилог», но отрицавший «любовь без смирения и страха» и требовавший «помыслы на полезныя переводити»²². «Любовность» в смысле направленности на другую личность благодаря «страху Божию» в идеале должна была быть переплавлена в «радушное участие», в наслаждение самоотвержением, которое считалось ступенью «богоподобия».

Оценки реальных жизненных поступков выдающихся женщин и их характеров могли при этом весьма различаться в разных исторических памятниках. Так, приоритеты частной жизни великой княгини Московской Евдокии Дмитриевны (? — 1407) совершенно по-разному представлены «Словом о житии Дмитрия Донского», где она изображена готовой на немедленное самоубийство из-за смерти мужа («вкупе жих с тобою, вкупе и умру»), и летописью, подчеркнувшей, что княгиня далеко не сразу приняла даже постриг, так как по-житейски чувствовала ответственность за судьбу детей²³. Любопытна и неожиданная проговорка в тексте «Сказания» о супруге Дмитрия Донского: для нее, сравнительно рано овдовевшей, сохранение верности памяти умер-

шего мужа рассматривается как «изнурение плоти воздержанием»²⁴.

В разных по происхождению источниках по-разному рисуются и детали личной жизни, например, Ксении Юрьевны Тверской (конец XIII века). Она описывается и как «богомудрая» и благочестивая мать-воспитательница князя Михаила, научившая его «святым книгам» (мальчик родился уже после смерти отца, и мать была для него всем), женщина, целиком «ориентированная» на семью и не имевшая личных амбиций, — и в «Повести о тверском Отроче монастыре» (созданной, правда, в XVII веке) как хитроватая дальновидная невеста, выбравшая богатого жениха и отвергнутая от брака с неродовитым «отроком»²⁵.

Однако уже в XV—XVI веках даже в тексте одного и того же памятника в женских образах стали проявляться сложные психологические моменты. При столкновении искренних, живых эмоций (влюбленности, например) с каноном чувствования, возможным лишь по отношению к божественному, женская душа представала в удивительном, противоречивом сплаве душевных переживаний. Пример тому — событие, приключившееся с героиней «Девгениего деяния»: «И слышавши того гласа, дева бысть ужасна и трепетна (обычно — это эмоции «исполненности» «страхом Божиим». — *Н. П.*), к оконцу приниче — и узре Девгения и вселися в ню любовь»; позже она пожалуется: «Ум ми исхити...»²⁶

Страсти в жизни людей (и женщин особенно), как были вынуждены признать церковные и светские авторы, ко времени «полной победы» православного мировоззрения не исчезли, а, напротив, приобрели необычайную экспрессивность²⁷ и еще большую «полярность». На одной стороне продолжали концентрироваться благочестие, нишелюбие, вера, смирение и преданность, на другой — гнев, зависть, гордость, уныние и все «сласти житейскаа»²⁸. Как и в домонгольское время, «хорошему» правителю «полагалась» смиренная и верная жена, которая должна была «подзукрадовати страсти», а «хорошей» стране — «зело разумна и мужествена властодержлица», предпочитающая не выходить замуж («не посягну присовокупитися мужеви»), чтобы «попечение велие» иметь не о себе, а о «народе» (какой сплав «приватного» и «пуб-

личного»!). Напротив, неумение «разуметь ся», как и ранее, осуждалось. Для человека, наделенного административной властью, было предосудительным любое «скорбие» — как то представлено в переводной греческой повести «Александрия», где «скорбие» жены правителя — а причины ему были веские: бесплодие — «смушаще царскую славу и богатство»²⁹.

Утверждение стиля «психологической умиротворенности» XV века, неоспоримо связанного с распространением на Руси исихазма (учения о возможности слияния человека с Богом), способствовало воплощению в литературе и живописи соответствующих женских образов. К тому же было что воплощать: XV — первая половина XVI века составили эпоху, породившую целую плеяду блистательных правительниц и образованных политических деятельниц (Софья Витовтовна, Мария Ярославна, Софья Палеолог, Анна Васильевна Рязанская, Марфа Борецкая, Елена Ивановна и, наконец, Елена Глинская). Подробности их частной жизни — такая же тайна для нас, как и переживания и чувства их предшественниц X—XIV веков. Ни писем, ни автобиографий они не оставили. Однако светские и некоторые церковные памятники позволяют представить духовную атмосферу, в которой они жили.

Примечательно, что в дидактические памятники XVI века зафиксировали — в описаниях, правда, «злых жен» как более характерных героинь — новую черту в поведении женщин, в мотивации их поступков. Это стремление к обладанию положительным обликом в глазах окружающих, небезразличие к оценке своих действий: «Хочет убо жена, дабы вси хвалили, любили и почитали. Аще ли иную похваляют — то она возненавидит и вменяет в недружбу. И всегда хочет ведати и поучати и умети. Аще же не умеет и не знает, глаголет: умею и знаю!» В этой короткой зарисовке отобразились и другие новые интенции, характерные для «женской личности» эпохи становления российского «самодержавства»: желание не только «быть», но и «слыть», ревностное соперничество, стремление к преобладанию, главенству — все эти черты характеризуют личностное начало, так называемую «бытийную динамику». Тема достоинства человека, его права на выбор собственного пути, прозвучавшая

в творениях некоторых восточнославянских писателей конца XV—XVI века³⁰, может быть отнесена и к женщинам, — впрочем, редко какой автор ставил вопрос о праве женщины на самостоятельное чувство.

Тем не менее идея «духовного разума» — живой частицы божественной истины в каждом человеке — прямо коснулась оценки духовного раскрепощения женщины. В православной дидактике произошло некоторое отступление от идеи «второсортности» женщины, казавшееся поначалу почти еретическим. Особую роль в этом сыграли произведения православного публициста XVI века Ермолая-Еразма — автора «Повести о Петре и Февронии» и еще нескольких сочинений, в которых он «неизменно выступал против бесчестования и умаления женщины»³¹. «И женск бо пол чловецы наричутся, — писал он. — Яко же миру без муж невозможну быти, тако и без жен»³². Ермолай-Еразм и другие современные ему авторы XV — начала XVI века отразили новые нюансы представлений об идеальных отношениях женщины с их близкими, и прежде всего с мужем.

Смена акцентов: с безоговорочного осуждения или пренебрежения, «не замечания» женщин — к усилению пропаганды их роли как жен и матерей, с фиксирования биографий одних только выдающихся «жен» земли Русской — к пробуждению интереса к простым, ничем не примечательным «женским личностям», интересным лишь своей характерностью для эпохи, — была вызвана не гуманизацией культуры (хотя такие предположения высказывались) или, по крайней мере, не только этим. В эпоху Грозного и Годунова странно было бы ожидать утверждения гуманистических идей. Чувственные проявления любви у представителей иных культур равным образом осуждались москвитями в XV веке³³ и отвергались ими много позже (даже в XVIII веке). Переориентация православных проповедей с идей аскетизма на идеи целомудренного брака³⁴, с запрета женщинам «тешиться до своей любви» и кар за любое «ласкателство» — на воспитание умения отличать богопротивные желания (например, «удовольства»³⁵) от разрешенных, допускаемых во имя чадородия и многочадия, — была связана с молчаливым признанием «неисправности» женщин и человека вообще и в то же время желани-

ем вовлечь даже «злых жен» в лоно православного вероучения. Именно благодаря этому родился идеал «простой жизни» — с ее радостями умеренности, здоровья, труда и супружеской любви, не обремененной волнениями и «хотениями».

Отсутствие эпистолярных или автобиографических источников, исходящих от женщин XV—XVI веков (за исключением царской переписки)³⁶, — серьезное препятствие в реконструкции их частной жизни. И все же литературные памятники позволяют почувствовать, насколько «объемнее» и сложнее стали образы «добрых жен». В идеальных супругах мужа стали, если верить летописцам и сочинителям авторизированных переводов греческих текстов, ценить не только «лепоту лица», «тихость», верность, но и «разум». Таков, например, герой «Александрии», который, «безмерную красоту лица ее (Роксаны. — *Н. П.*) видех», оказался «прельщен» не ею одною, но и «женскою мыслию устрелен бысть»³⁷. Феврония в ранних вариантах известной повести представлена «в простоте и всея лепоты» лишенной. В поздних списках это недоразумение было снято переписчиками, и Февронию изображали уже «цветящей душевною добротою», «со многим разумом», загадывающей загадки с фольклорным озорством Василисы Премудрой («Сего ли не разумеши?»). Успех в предпринимательских делах некоторых житийных героев-мужчин стал увязываться с тем, что они «думали ж жонками»³⁸.

В текстах переводных повестей, в силу вставок переводчиков ставших самостоятельными текстами, распространялась (прямо противоречащая сентенциям Заточника и «слов») идея «соблюдения» государства с помощью «изрядной и мудрой жены» и решительно оспаривалось утверждение, будто бы «женам несть лепо в мужеские вещи входить» и что «высокоумие» женщины является ее «погрешением». Если в летописях домосковского времени жены князей чаще всего отличались «невмешательством» в государственные дела, то в исторических повестях XVI века развился и углубился мотив «положительного», благотворного влияния женщины на мужа-политика (например, княгини Анастасии Романовой на мужа, Ивана IV, которого она «на всякиа добродетели наставляя и приводя»). Симптоматично, что в XVII веке русский переводчик западноевропейских новелл о «хытро-

стях женьских» оставил в стороне все сюжеты, в которых говорится о женской глупости³⁹.

Разум как путь к «мысленному согласию», а последнее — как предпосылка любви, в том числе любви супружеской («от вражды бо любовь произойти не может, любовь бо от мысленного согласия начало водит»; «не дружися, чадо, с глупыми, немудрыми»⁴⁰), — эта новая логика заставляла внести коррективы в прежние представления об отношениях мужа и жены, семейной иерархии, содержании самого понятия «любы» (любовь). Значение «разума» и «премудрости, еже давая Бог» в частной жизни не только благоразумных «добрых жен», но и «блудниц», «сожителниц мужей непотребных» стало подчеркиваться составителями популярных в городской среде «повестей» и переводных новелл о «покупках» разума⁴¹.

В древнерусском языке под «любовью» разумелись обычно привязанность, благосклонность, мир, согласие. Никакого чувственного смысла в это слово не вкладывалось, как и в слово «ласка», подразумевавшее лесть, милость, благодеяние, но не акт любовных действий⁴². Не было в русском языке и слова «нежность» в современном нам значении: первые употребления зафиксированы лишь во второй половине XVII века, равно как и проявление чувственного оттенка в словах «ласкота», «ласкати», «лашу»⁴³. Для выражения чувственных отношений между мужчиной и женщиной в древнерусском языке существовали иные понятия, которые никогда не употреблялись летописцами в характеристиках отношений между супругами: «любосластвовать», «любоплотовати» (с XI века) — получать чувственное наслаждение, «дрочити»⁴⁴ — нежить или принимать ласку от кого-либо («дроченами» называли неженка без различия пола)⁴⁵. Существенная разница имела и между понятиями «поцелуй» (поцелуи чаще всего были ритуально-этикетными) и «лобзанье» (от «лобзь» — губа) — о последнем дидактические тексты если и вспоминали, то с осуждением⁴⁶. Таким образом, все свидетельства «любви» между супругами, относящиеся к периоду до конца XVI века, — ничего о «любви» между ними в современном понимании слова не говорят, хотя, безусловно, свидетельствуют о согласии в их семьях.

В памятниках церковного происхождения, относящихся к домосковской Руси, нет описаний любовных отношений (даже в осуждающем тоне), хотя «злые жены» и представлялись поглощенными «похотью богомерзкой», «любодеицами» и «блудницами», для которых «любы телесныя» рисовались более существенными, нежели духовная основа брачного союза. Но трудно даже предположить, что интимные удовольствия не имели значения в частной жизни женщин того времени. При общей бедности духовных запросов, непродолжительности досуга, неубедительности нравственных ориентиров, предлагаемых церковнослужителями в качестве жизненного «стержня», физические удовольствия были для многих женщин едва ли не первой ценностью. «Любы телесныя» в этом смысле мало отличались от желания досыта наесться⁴⁷.

На исходе XVI века в церковных и светских памятниках описания⁴⁸ чувственных отношений⁴⁹ наконец появились. Едва ли не первым произведением в русской светской литературе, щедро обрисовавшим любовную историю и отразившим сложные чувственные переживания, стала «Повесть о Савве Грудцыне». В ней юный герой, именем которого названа повесть, представлен соблазненным опытной женщиной — «третьим браком приведенной» купчихой, женой некоего Бажена, приятеля отца Саввы.

Ранее (и буквально «от веку») лишь у церковных дидактиков не было сомнения в том, что женщины более сексуальны, нежели мужчины⁵⁰, и что как в браке, так и вне его именно «жены мужей оболщают, яко болванов». Литература XVII века продемонстрировала «усвоенность» подобных идей паствой: автор повести не скупился на эпитеты при описании «скверного блуда» жены Бажена. Между тем в это же время компиляторы церковных учительных сборников несколько смягчили критическую остроту своих проповедей — прежде всего во имя идеи целомудренного супружества.

Это «смягчение» выразилось в постепенном «размывании» границ образов «доброй» и «злой» жен, хотя женофобские церковные сочинения по-прежнему живописали портреты «обавниц-еретиц» — хитрых, блудливых и «крадливых». Понятно, что «злые жены» не были только плодом больно-

го воображения церковных дидактиков — судебные акты о посягательстве на чужое имущество, челобитные с сообщениями о «приблуженных» детях, жалобы на «чародеинные наузы» (колдовство), дошедшие от XVI, а особенно от XVII века, подтверждают это. Но какой бы «злой» женщина ни была, она вряд ли обладала всем сонмом пороков, приписываемых «злой жене». Вполне «добрая» жена при экстремальных обстоятельствах — ущемлении ее достоинства (обиде, клевете, измене ей самой или ее близким, например дочери) могла, как это было ни удивительно для современников, обнаружить себя не терпеливым «агнцем», а «женой злой».

Шагом к изменению представлений о женщине в XVI — начале XVII века стало признание допустимости ситуации, при которой безнравственный поступок совершался не «девкой-кошунницей», не коварной обольстительницей, а мужчиной. Это обнаруживается в «Сказании о молодце и девице» (XVII век), основанном на сюжете соращения невинности прожженным сердцеedom. Вероятно, несмотря на разработанность законов, карающих за растление, а также массовость подобных примеров, случаев реальных наказаний за такие проступки в Московии было не слишком много. Кстати, автор «Сказания», равно как и сочинитель «Повести о Фроле Скобееве», меньше всего сочувствует женщине («невзирая ни на какой ее страх») и с трудом скрывает восторг решимостью мужчины. Мужская половая активность в доиндустриальных обществах была предметом столь же пристального внимания, что и их воинские доблести⁵¹. До женских ли тут чувств!

С другой стороны, именно в литературе раннего Нового времени начало постепенно формироваться представление о существовании в среде «обышных» людей — мирян, а не иноков — женщин высокодуховных и высоконравственных. Весьма показателен в этом смысле хрестоматийный эпизод «Повести о Петре и Февронии» с зачерпыванием воды по разные стороны лодки («едино естество женское есть»). Впервые в русской литературе назидание, касающееся интимно-нравственных вопросов, оказалось вложенным в уста женщины. Сам же брак Петра и Февронии, окруженный в «Повести» массой мелких бытовых подробностей, создававших ощущение

ние его «жизненности», достоверности, вырисовывался как образцовый (по церковным меркам) супружеский союз⁵² — причем союз, основанный не на плотском влечении, а на рассудочном спокойствии, поддержке, верности и взаимопомощи. На примере рационального поведения женщины — существа «по жизни» очень эмоционального — автор «Повести» добивался двойного эффекта: доказывал, что лишь «тот достоин есть дивленья, иже мога согрешити — и не согрешит», то есть «живет в браке плоти не угождая, соблюдая тело непричастным греху», и одновременно показывал, несмотря на наличие плотских «препятств»⁵³, принципиальную достижимость подобного идеала, и кем — женщиной!

Морализаторский момент в повести ничуть не мешал «воспитанию чувств», в том числе любовных, ведь аскетизм Февронии касался не жизни «всех и каждого» (это понимали, должно быть, и современники), а лишь редкостного «подвига». Образ Февронии дополнял ряд ярких и острохарактерных героинь русской литературы XVII века, но в то же время противостоял им. Будучи принципиально не массовым, он, однако, был смягчен отходом от прежних крайностей.

Древнерусская светская и церковная литература в образах «доброй» и «злой» жен, «предельных» в своей «положительности» и «отрицательности», отразила с известной условностью пути изменения нормы и, как следствие этого, превращения отвергаемого поведения сначала в условно принимаемое, а затем в признаваемое. Переход от статичных, «вневозрастных», однохарактерных в своей благостности или, напротив, порочности женских образов к сложным, эмоциональным, неоднозначным, а порой и страстным натурам литературы XVI и особенно XVII века происходил под влиянием тех изменений и процессов, которые происходили в «женской истории» (и отечественной истории вообще!). Умонастроения русских людей, их воззрения на частную жизнь своих «подружий», «лад», «супружниц» прошли в X–XVII веках эволюцию от осуждения богатого мира женских чувств к его постепенному признанию. И литературный материал — как светский, так и церковный — отразил эти трансформации.

Глава V «Свет моя, Игнатъевна...»

Интимные переживания.
Любовь в браке и вне его

Шестивековая история древнерусской литературы (X—XVI века) в значительной степени подготовила новое восприятие супружеской и, шире, социальной роли женщины, как равным образом и многие другие изменения в умонастроениях россиян в предпетровское время.

Было бы наивным, однако, судить по литературным произведениям (в частности, «Повести о Петре и Февронии») о «смягчении нравов» народа в целом. Бытовые подробности интимной жизни женщин эпохи Ивана Грозного и Бориса Годунова, которые можно воспроизвести — хотя и с известной приближенностью — с помощью сборников исповедных вопросов, епитимийников и требников, представляют картину, диаметрально противоположную

романтически-возвышенному полотну, созданному Ермолаем-Еразмом. Речь идет даже не о «грубости» нравов, но о примитивности потребностей людей, что особенно легко отметить в области интимных отношений. Вся эротическая культура (если она вообще была в России XVI—XVII веков!) оставалась сферой их эгоизма.

Сексуальная жизнь женщины в браке — а она должна была подчиняться церковным нормам — интенсивной быть не могла. На протяжении четырех многодневных («великих») постов, а также по средам, пятницам, субботам, воскресеньям и праздникам «плотногодие творити» было запрещено. Между тем в литературных памятниках предпетровского времени можно обнаружить довольно подробные описания нарушений этого предписания: «В оном деле скверно пребывающе, ниже день воскресенья, ниже праздника Господня знаша, но забыв страх Божий всегда в блуде пребываше, яко свинья в кале валяшеся...»¹ Частые и детальны констатации прегрешений подобного свойства (названные в епитимийных сборниках «вечным грехом») создают впечатление о далеко не христианском отношении прихожанок к данному запрету. Невыполнимой мечтой проповедников оказались в XVII веке недельные воздержания и путешественнику-иностранцу².

«Отцы духовные» требовали от прихожанок подробной и точной информации о прегрешениях, но одновременно, противореча себе, полагали, что «легко поведовати» может только морально неустойчивая «злая жена». На одной из ярославских фресок XVII века изображена «казнь жены, грех свой не исповедавшей» — судя по казни (змеи-аспиды кусают «сосцы»), «грех» этой «кошунницы» имел прямую связь с интимной сферой³. Между тем к началу Нового времени отношение к «соромязливости» (стыдливости) женщины ужесточилось⁴. Проповедники настаивали на предосудительности какого бы то ни было обнажения и разговоров на сексуальную тему⁵, запрещали изображение обнаженных частей тела⁶. Намек на извечную женскую греховность присутствовал в популярных произведениях светской литературы, пропагандировавшей идею постыдности любой «голизны»: «...аще жена стыда перескочит границы — никогда же к тому имети не будет его в своем лице»⁷.

В литературных произведениях XVII века можно найти первые упоминания о том, что девушке и женщине «соромно» раздеваться при слугах-мужчинах, особенно если это слуги «не свои» («как же ей, девичье дело, како ей раздецца при тебе? — Так ты ей скажи: чего тебе стыдиться, сей слуга всегда при нас будет...»). Подобного взгляда на постыдность обнажения, особенно в отношениях с законной супругой, в среде «простецов» невозможно даже предположить: пословицы о стыде говорят о разумной естественности в таких делах («Стыд не дым, глаз не выест», «Стыд под каблук, совесть под подошву»)⁸.

Тогда же, в XVI — начале XVII века, в назидательных сборниках появилось требование раздельного спанья мужа и жены в период воздержанья (в разных постелях, а не в одной, «яко по свиньски, во хлеву»)⁹, непременного завешивания иконы в комнате, где совершается грешное дело, снятия нательного креста¹⁰. Эпизод «Повести о Еруслане Лазаревиче», рассказывающий о том, что герой «забыл образу Божию молиться», когда «сердце его разгорелось» и он «с нею лег спать на постелю», позволяет предположить, что и для мужей, и для «женок» нормой являлась непременно молитва перед совершением «плотногодия». Достаточно строгим оставалось запрещение вступать с женой в интимный контакт в дни ее «нечистоты» (менструаций и шести недель после родов)¹¹. Применение контрацепции («зелий») наказывалось строже абортов, который, по мнению православных идеологов, был единичным «душегубством», а контрацепция — убийством многих душ¹².

Наказания и штрафы за контрацепцию и аборты возрастали, когда речь шла о внебрачных интимных связях московиток. Подобные «приключения» нередко разнообразили их частную жизнь, хотя «прелюбы» (адюльтер) карались строже «блуда» (сексуальных отношений вне брака)¹³. Тем самым подтверждалась патриархально-иерархическая основа семейных отношений: жена-изменница выставляла мужа на посмешище, нарушая традицию подчинения (в тексте одной из повестей XVII века это выражено в восклицании одной из «согрешивших»: «Владыко, [яз] не сотворих любодеяства, ниже помыслех на державу (власть. — *Н. П.*)

твою...»¹⁴). О том, что авторы нравоучений о злых женах-прелюбодейницах и блудницах списывали их портреты с натуры («такое сотвори, еже не любиши еи мужа своего, но возлюбиши еси того» юношу, «мужа же своего не хотя и имени слышати») — говорит немало число летописных и иных рассказов¹⁵, а также колоритные изображения греховных связей на поздних фресках¹⁶.

Сопоставление текстов сборников исповедных вопросов, фольклорных записей и литературных памятников конца XVI—XVII века приводит к выводу не столько о «сужении сферы запретного» в предпетровской России¹⁷, сколько о расширении диапазона чувственных — а в их числе сексуальных — переживаний женщин того времени. Переживаний, которые все так же, если не более, считались в «высокой» культуре «постыдными», греховными (в России XVII века сформировался и канон речевой пристойности)¹⁸, а в культуре «низкой» (народной) — обыденными и в этой обыденности необходимыми¹⁹.

О расширении собственно женских требований к интимной сфере в XVI—XVII веках говорят прямо описанные эпизоды «осилья» такого рода в отношении мужчин («он же не хотяще возлещи с нею, но нуждею привлекся и по обычаю сотвори, по закону брака»), описание «хытрости» обеспечения у мужчины «ниспадаемого желания», а также нетипичная для более ранних текстов исповедной литературы и епитимийников детализация форм получения женщинами сексуального удовольствия — позиций, ласк, приемов, приспособлений, достаточно откровенно описанных²⁰ в церковных требниках, составлявших, как и прежде, по необходимости²¹. Обращает на себя внимание и признание одной из литературных героинь матери: «Никакие утехи от него! Егда спяшу ему со мною, на ложи лежит, аки клада неподвижная! Хошу иного любити, дабы дал ми утеху телу моему...»²²

Не стоит, однако, думать, что все эти проявления чувственности русских женщин были действительными новациями или тем более заимствованиями из других культур. Новой была лишь их фиксация в текстах, предназначенных для домашнего чтения. Ранее ничего подобного, даже

в осуждающем тоне, в литературе найти было нельзя, так как дидактики рассуждали по принципу: «Съюзиме плоти (когда утесняется плоть. — *Н. П.*) — смиряется сердце, ботеюшу сердцу (когда сердцу дается воля. — *Н. П.*) — свирипеют помышления»²³. Чтобы не допустить этого «свирипенья» женских помыслов, в текстах не допускались не только какие-либо «похотные» описания, но и намеки на них.

Впрочем, если задуматься, эротический смысл некоторых эпизодов повестей конца XVII века был довольно традиционен. Так, скажем, в «Повести о Василии Златовласом» имеется одна подробно выписанная сцена с участием женщины, которую трудно охарактеризовать иначе, как садо-эротическую: «Полату замкнув на крюк, сняв с нее королевское платье и срачицу и обнажив ю донага, взял плетку-нагайку и нача бити ее по белу телу... и потом отдал ей вину и приветствова словами и целовав ю доволно, потом поведе ю на кровать...» Приведенная сцена находит прямое соответствие с текстом Домостроя и «Поучения» Сильвестра сыну Анфиму (XVI век), хотя и более целомудренно выписанному («наказуй наедине, да наказав — примолви (успокой. — *Н. П.*), и жалуй (пожалей. — *Н. П.*), и люби ея...»²⁴).

Без сомнения, все попытки разнообразить интимные отношения причислялись к тому, что «чрес еСТЬСТВО сотворено быша». И тем не менее в посадской литературе есть упоминания о том, что супруги на брачном ложе «играли», «веселились», а «по игранию же» («веселью») «восхоте спать» — маленькая, но важная деталь интимной жизни людей, никогда ранее не фиксировавшаяся²⁵.

В том же XVII веке появились и «послабления», касавшиеся интимной сферы. Реже стали встречаться запрещения супругам «имети приближенье» по субботам (до середины XVII века сексуальные отношения в ночь с субботы на воскресенье порицались церковнослужителями в силу их связи с языческими ритуалами), исчезло требование воздержания во время беременности женщины, а также по средам и пятницам²⁶, а за сексуальные контакты женщин вне дома стала накладываться меньшая епитимья²⁷. Изменение отношения к физиологии нашло отражение и в знаменитой книге «Сатир» (1684 год), настаивавшей на «равенстве» всех частей

тела, каждая из которых — «равне главе и тужде восприемлет честь», и в некоторых детализированных описаниях женского тела в посадских повестях²⁸: «Ему велми было любо лице бело и прекрасно; уста румяны,.. и не мог удержаться, растегал платие ее против грудей, хотя дале видеть белое тело ее... И показалася красота не человеческая, но ангельская»²⁹. Трудно даже вообразить себе, что вид обнаженной женской груди мог быть назван «ангельскою красотой» столетием раньше!

Городская литература XVII века, будучи основанной на фольклорных мотивах, едва ли не первой поставила вопрос о «праве» женщины на индивидуальную женскую привязанность, на обоснованность ее права не просто быть замужем, но и выбирать, за каким мужем ей быть. Это яркое свидетельство продолжавшегося освобождения жителей Московии от морализаторства и ханжества³⁰, от «коллективного невроза греховности»³¹. Правда, женщин эти процессы — что характерно и для Европы раннего Нового времени³² — коснулись в меньшей степени, чем мужчин.

Тем не менее в произведениях XVII века женщины уже не произносили лаконично-символических фраз (как в летописях), а общались живым человеческим языком: «Поди, скажи мамке...», «Полноте, девицы, веселицца!», «Ну, мамушка, изволь...»³³ Здесь уже не найти прежнего осуждения чувственных, страстных женщин³⁴; напротив, эмоциональные натуры стали изображаться и высокодуховными (Бланда, Магилена, Дружневна), а их чувства к избранникам — прекрасными и величественными в своем накале: «“Иного супружника не хошу имети!..” — И рекши то, заплакала горко, и от великой жалости упала на свою постелю, и от памяти отошла — аки мертва — и по малом времени не очьхнулась...»³⁵

В то же время во многих памятниках, в том числе в «Сказании о молодце и девице», соединившем чувственность, язвительный цинизм и элегантную символику, в «Повести о Карпе Сутулове» и «Притче о некоем крале», женщины по-прежнему представляли только как «фон» в молодецких утехх, как объекты³⁶ плотских страстей, как жертвы обмана или уловок соблазнительей, чьи поверхностные чувства ста-

новились для наивных и доверчивых «полубовниц» причинной серьезных личных драм³⁷. Ни в посадских повестях, ни в благочестивых книгах XVII века не появилось сколько-нибудь заметных следов подлинного участия к женщине, к ее слабости и к тем горестям и опасностям, которые сулила ей любовь.

Примечательно также, что именно к женщинам в исповедных книгах XVII века, да и более ранних обращены вопросы, касавшиеся использования приворотных «зелий» — мужчины, вероятно, рассчитывали в любовных делах не на «чародеинные» средства, а на собственную удаль³⁸. С другой стороны, вполне может быть, что в эмоциональной жизни мужчин страстное духовное «вжеление» играло значительно меньшую роль (по сравнению с физиологией), нежели в частной жизни москвиток. Именно ради своего «влечения» женщины, если верить епитимийникам, собирали «баенную воду», «чаровали» над мужьями по совету «обавниц» «корением и травами», шептали над водой, зашивали «в порты» и «в кровать», носили на шее «ароматницы» и «втыкали» их «над челом». Иногда, впрочем, они обходились средствами более приземленными и понятными — хмельным питьем: «и начат его поити, дабы его из ума вывести»³⁹.

Образ «злой жены» как «обавницы и еретицы» подробно описала «Беседа отца с сыном о женской злобе» (XVII век), где говорится, что умение «обавлять» (колдовать) перенималось многими женщинами еще в детстве: «Из детская начнет у проклятых баб обавничества навывать и вопрошати будет, как бы ей замуж вытти и как бы ей мужа обавить на первом ложе и в первой бане... И над ествою будет шепты ухищряти и под нозе подсыпати, и корением и травами примещати... и разум отымет, и сердце его высосет...» В то время подобных «баб богомерзких» было, вероятно, немало, если только в одном следственном деле такого рода — деле «обавницы» Дарьи Ломакиной (1641 год), чаровавшей с помощью пепла, мыла и «наговоренной» соли, упомянуто более двух десятков имен ее сообщниц. В расспросных речах Дарьи сказано, что она «пыталас[ь] мужа приворотить» и «для мужа, чтобы ее любил» она «сожгла ворот рубашки (вероятно,

мужа. — *Н. П.*), а пепел сыпала на след». Кроме того, знакомая наузница Настка ей «мыло наговорила» и «велела умываца с мужем», «а соль велела давати ему ж в пите и в естве». «Так-де у мужа моево сердце и ревность отоидет и до меня будет добр», — призналась Дарья. Ворожею Настку также допросили, «давно ль она тем промыслом промышляет», и Настка созналась, что «она мужей приворачивает, она толко и наговорных слов говорит: как люди смотрятца в зеркало — так бы и муж смотрел на жену, да не насмотрился, а мыло сколь борзо смоеца — столь бы де скоро муж полюбил, а рубашка какова на теле бела — стол[ь] бы де муж был светел...»⁴⁰

Своих «сердечных друзей» москвитки потчевали, как отметил в середине XVII века А. Олеарий, кушаньями, «которые дают силу, возбуждающую естество»⁴¹. К тому же времени относятся первые записи народных заговоров («Как оборонять естество», «Против бессилия», «Стать почитать, статью сказывать»), тексты которых позволяют представить «женок» того времени если не гиперсексуальными, то, во всяком случае, весьма требовательными к партнерам в интимных делах⁴². На вторую половину XVII века приходится также изменения в иконографии (первые изображения обнаженного женского тела во фресковой росписи ярославских церквей, отразившие характерные для того времени представления о сексуальных элементах женского облика: вьющихся волосах, большой груди)⁴³.

Однако ни в иконографии, ни в русских литературных источниках так и не появилось ни сексуально-притягательных образов мужчин, ни подробно выписанных картин женской страсти. Изображение проявлений чувственной женской любви по-прежнему сводились к целомудренным словам о поцелуях, объятиях, незатейливых ласках («оного объя и поцелова...», «добрая жена по очем целует и по устам любовнаго своего мужа», «главу мужу чешет гребнем и милует его, по шии рукама обнимаа»⁴⁴). Чуть больший простор фантазии исследователя могут дать первые записи песен конца XVII века, однако и в них, при всех ласковых словах («дороже золота красного мое милое, мое ненаглядное»), не найти чувственного оттенка⁴⁵.

Самым ярким произведением русской литературы раннего Нового времени, первым отразившим перемены в области собственно женских чувств, была переводная, но дополненная русским компилятором некоторыми русскими фольклорно-сказочными деталями «Повесть о семи мудрецах». Ни в одном современном ей произведении (а «Повесть» бытовала, начиная с 10-х годов XVII века) не содержались столь подробные картины «ненасытной любви» женщины, столь яркие описания соблазнения ею своего избранника: «Посади[ла] его на постель к себе и положи[ла] очи свои на него. “О, сладкий мой, ты — очию моею возгорение, ляг со мною и буди, наслаждаяся моеи красоты... Молю тебя, свете милый, обвесели мое желание!” И восхоте[ла его] целовати и рече: “О любезный, твори, что хощеша и кого [ты] стыдишеша?! Едина бо есть постеля и комора!” И откры[ла] груди свои и нача[ла] казати их, глаголя: “Гляди, зри и люби белое тело мое!..”» Вероятно, лишь в «Беседе отца с сыном о женской злобе» — в описании поведения, разумеется, «злой жены» — можно найти что-то аналогичное: «Составы мои расступаются, и все уди тела моего трепещутся и руце мои ослабевают, огонь в сердце моем горит, брак ты мой любезный...»⁴⁶

Отношение исповедников к каждой подобной «перемене» в области выражения женских чувств и интимных притязаний было, разумеется, негативным. Единственной их надеждой воздействовать на поведение «женок» была апелляция к их совести. Это вносило особый оттенок в характеристику «методов работы» православных священников с паствой. В нескольких переводных текстах русские переводчики в тех местах, где речь шла о суровых наказаниях, назначенных священниками женщинам за проступки, «поправляли» западных коллег и дополняли текст обширными вставками на тему совестливости («нача ю поносити: како, рече, от злого обычая не престанеша...» или, например, «О, колико доброго племени и толиким отечеством почтенная, в толикое же уничижение и безславиe прииде! Не презри совету»⁴⁷ и т. д.). Вероятно, они полагали, что многократное повторение тезиса о постыдности греховных стремлений к плотским удовольствиям раньше или позже даст результат. Однако сами женщины рассуждали иначе, переживая только лишь отто-

го, что «плотногодие» может привести к очередной беременности: «Каб вы, деточки, часто сеялись, да редко всходили».

И все-таки, судя по текстам церковных требников и епитимийников и светской литературе, признания значимости интимной сферы для москвиток, особенно представительниц привилегированных сословий (их поведение в большей степени сковывали этикетные условности), в XVII веке так и не произошло. Незаметно это и по сохранившейся переписке — может быть, потому, что многие письма писались не «собственноручно». Письма дворянок второй половины XVII века — по крайней мере, дошедшие до нас — лишены нервного накала и даже с языковой точки зрения выглядят по большей части традиционными и стандартными. Их главной целью — вплоть до самого конца XVII века — был не анализ собственных чувств, не стремление поделиться ими с адресатом, а повседневные семейные и хозяйственные дела⁴⁸.

В то же время если в литературе рубежа XVI — начала XVII века разум женщины воспринимался как основа истинной супружеской любви, то в памятниках середины и второй половины XVII века можно усмотреть впервые поставленный вопрос о возможности конфликта в душевном мире женщины между страстью и разумом (от которого была далека, например, слезливо-идеальная в своей бесстрастности Феврония или же, не менее близкая житийным трафаретам, восхваляемая своей вознесенностью над бытом Ульяния Осорьина). Подобные примеры можно найти и в отношении Дружневны к Бове-королевичу⁴⁹, и в некоторых фольклорных и литературных сюжетах. В материалах дошедшей до нас переписки свидетельства такой душевной борьбы меньше, чем на литературном материале, но они тоже есть.

Достаточно проследить по нескольким письмам Ф. П. Морозовой тему, непонятным образом ускользнувшую от внимания исследователей, — историю взаимоотношений раскольницы с юродивым Федором («нынешние печали вконец меня сокрушили, смутил один человек, его же имя сами ведаете»⁵⁰). В одном из писем к боярыне Аввакум проговорился, что в молодости этот Федор отличался «многими борьбами блудными», как, впрочем, и многие другие раскаявшиеся с возрастом сторонники и сторонницы старообрядчества⁵¹.

В конце же 1668 года приют юродивому был дан в московском доме Ф. П. Морозовой. Что там произошло между Федором и Федосьей Прокопьевной — можно только догадываться, но дело закончилось тем, что Федор был изгнан. Аввакуму вся история с его «духовной дщерью» оказалась известной, он был рассержен и тем, что Морозова вообще «осквернилась», и тем, что — видимо, потерпев поражение в отношениях с женщиной (Ф. П. Морозова, правда, представляет дело как собственную победу: «как я отказала ему, он всем стал мутить меня, всем оглашал, и так поносил, что словом изрещи невозможно») — она решила опорочить Федора в глазах их общего духовного учителя. Этому оказались посвящены несколько ее писем⁵². «Я веть знаю, что меж вами с Федором зделалось, — отвечал на них Аввакум. — Делала по своему хотению — и привел бо дьявол на совершенное падение. Да Пресвятая Богородица заступила от дьявольскаго осквернения, союз тот злый расторгла и разлучила вас окаянных... поганую вашу любовь разорвала, да в совершенное осквернение не впадете. Глупая, безумная, безобразная, выколи глазища те свои челноком, что и Матридия... Да не носи себе треухов тех, зделай шапку, чтоб и рожу ту всю закрыла...» В конце письма Аввакум просил Морозову не «кручиниться на Марковну» (свою жену, от которой у Аввакума не было секретов), сказав, что «она ничего сего не знает; простая баба, право...», и убеждал боярыню, в духе христианского смирения, помириться с обидчиком Федором («добро ти будет»)⁵³.

В литературных источниках тема борьбы между страстью и разумом в женской душе предстает не менее острой — как «уязвление», как «разжигание плоти», с которым не может справиться «велми засумневавшийся» разум. Главный выход из подобной ситуации назидатели-проповедники видели в сознательной готовности женщин «не покладаться», жить «по разлучении плотнем», а люди «обышняя» не то чтобы оправдывали «зов плоти», но и не осуждали. Даже тот же Аввакум, узнав об одной попадье, изменившей супругу, написал: «И Маремьяне попадье я грамотку с Иваном Архиповым послал — велю жить с попом. Что она плутает?» — то есть не стал ханжески поучать и назидать⁵⁴.

К какому типу жен — «злой» или «доброй» — следовало бы отнести Ф. П. Морозову и попадью Маремьяну? По старой «классификации» — непременно к типу «жен злых». С точки же зрения новых представлений, утвердившихся в XVII веке, оценка поведения этих двух «женок» не могла быть столь однозначной. К этому времени литературные образы женщин, прямо названных в текстах «добрыми женами», стали объемнее и глубже, эпизоды частной жизни всех женщин — именитых и безвестных, «злых» и «добрых» — стали получать мотивационное обоснование, представлять в подробностях, немислимых ранее, и, без сомнения, оценка обычными людьми «уступок плоти» лишилась прежней категоричности.

Скажем, к одному из переводов польской новеллы переписчик добавил от себя «послесловие», касающееся сомнительности тезиса об идеальности «добрых жен»: «Не во всем подобает и добрым верити, ни крепкую в них надежду полагати», сокрушаясь ниже, что и добрые жены могут довести до того, «еже с мискою ходити по торговищу». Ту же мысль пытался донести словами родительского назидания лирический герой «Повести о Горе-Злочасти»: «Не прельщайся, чадо, на добрых красных жен»⁵⁵. Русский переводчик одного из сборников польских новелл решил смягчить картину, обосновав мотивацию семейных скандалов. В польском оригинале говорилось о битье мужем жены без повода, «вины от нее»; в русском же переводчик изобразил мужа, «помнемногу казнившего» свою супругу, и «казни» его представлены как необходимая самооборона от «злоречия и псова лаяния» этой женщины. Судя по ее характеристике, она как нельзя лучше оправдала бы прозвище «Досадка» — такое прозвище одной крестьянки было отмечено в переписной книге одной из новгородских пятин конца XVI века. Переводчик польских новелл («жартов») добавил в конце текста «от себя» житейский вывод: «Ни дароношением, ни лагодным глашением угодити ей не смогл. Печали полное житие!» Подобных колоритных «прибавок» на тему женских качеств и характеров в текстах переводных повестей XVII века немало (например: «Дивен в скором домышлении род женский!»⁵⁶ или: «Не ищи тамо злата, где не минешь блата!», «Жена, огонь, море ходят в одной своре!»⁵⁷).

«Добрые жены» в русской литературе, став не столь одноплановыми и однохарактерными, несколько потеснили «жен злых», но образы последних не только сохранились в светских и церковных памятниках, но и тоже модифицировались, стали более «объемными», жизненными. Их, например, реже стали рисовать «злообразными»: напротив, в «беседах о женской злобе» XVII века они прежде всего молодые красотки, кокетки, «прехитро» себя украшающие. Тем более это характерно для популярных переводных повестей, в которых бывшие «злые жены» стали рисоваться смысленными, практичными и умеющими добиться желаемого. Таким женщинам нередко принадлежали симпатии авторов, переводчиков и читателей⁵⁸.

Одновременно «добрые жены» стали часто рисоваться «изрядными» красавицами, способными возбудить «вожделение», «огнь естественный, не ветром разгнешаемый», «скорбь сердца» в разлуке, «неутешное тужение». Между тем в течение нескольких столетий церковь усиленно навязывала иное представление (житейски, впрочем, не лишённое оснований и потому попавшее в поговорку «Жена красовита — безумному радость»). Отличия во внешнем облике «добрых» и «злых» жен стали группироваться вокруг красоты естественной (по определению присущей «доброй жене») и красоты искусственной (присущей «жене злой», добившейся своей неотразимости традиционными женскими способами: «чернотию в очесах», «ошипанием вежд», косметической «румянотию», «учинением духами», яркими, возбуждающе-«червленными» одеяниями⁵⁹). Однако в литературе XVII века не сложилось сколько-нибудь определенного эталона женской красоты: все авторы ограничивались простой констатацией типа «ничто же в поднебесней точно красоте твоей»⁶⁰. В источниках же, помимо литературных (например, в переписных и оброчных книгах), было принято, как и ранее, фиксировать не привлекательные детали женской внешности, а изъяны и даже уродства.

Единственное качество «злых жен», которое московиты XVII века продолжали глубоко осуждать, — это их вероломство, склонность к обманам и изменам, причем именно изменам супружеским. Настойчивое приписывание прежде все-

го женщинам склонности к непостоянству и легкомыслию заставляет видеть в текстах о «злых женах» XIV–XVII веков мужское себялюбие. Пожалуй, благодаря ему «женка некая» (жена Бажена), обманывавшая мужа со своим «полубовником» Саввой в «Повести о Савве Грудцыне», жена купца Григория, «впадшая во блуд с неким жидовином», а также «бесноватая» Соломония из одноименной повести оказались наделены авторами-мужчинами безусловными отрицательными характеристиками. Но появилось и отличие от ранних текстов: «уловление» женой «юноши к скверному смешению блуда», измена «женки» Григория, сожителство Соломонии со «зверем мохнатым» изображались уже не как собственные побуждения беспутных от природы женщин, а как вмешательство в их судьбы «диавола-супостата»⁶¹.

И одновременно в качестве образцов для подражания стали появляться в посадской литературе описания таких женских качеств, как находчивость, смекалка, «ухищрения» (ранее характеризовавшие лишь «хитрости» «злых жен»), проявленные в умении устоять под напором поклонников и сохранить верность истинно «доброй жены»⁶². Лучший пример тому — «купцовая женка» Татьяна Сутулова («Повесть о Карпе Сутулове»). Практичная, смелая, деятельная, активно охраняющая свой семейный очаг и ничуть не похожая на своих предшественниц, «добрых жен» из Прологов и псевдозлатоустовых «слов», эта героиня русской жизни XVII столетия предстала перед современниками полной противоположностью уныло-назидательной в своей добродетельности Февронии. Весь сюжет повести закручен вокруг добивающихся расположения Татьяны поклонников, каждый из которых мечтал с нею «леши» («Ляг ты со мною на ночь...»). Автор впервые в русской литературе изображал женщину в такой ситуации не возмущающейся настойчивостью похотливых мужчин, не одержимой праведным гневом, а посмеивающейся над ними и даже извлекающей выгоду из происходящего. «Подивившись» хитрости супруги, муж «велми похвалил» ее не только за «соромяжливость», но и за умение сделать свой «целомудренный разум» источником весьма значительного денежного «примысла»⁶³.

С сочувствием проделкам наглого Фрола и Аннушки обрисовал автор «Повести о Фроле Скобееве» обман ими родителей. Причина в том, что речь в повести шла не об обмане законного мужа, а «всего лишь» о притворстве перед лицом прежних властителей судьбы девушки⁶⁴. Так, неожиданно возникшее в посадской литературе XVII века сочувствие женщине, нарушившей житейскую мораль — презревшей теремное заточение или власть отца над своей судьбой, — парадоксальным образом содействовало укреплению идеала супружеской верности. Этот идеал, понимаемый прежде всего как верность жены мужу и издавна пропагандируемый церковной литературой, да и народной мудростью, приобрел в XVII веке новые краски.

Верность супруги стала пониматься как нравственный постулат, как предпосылка «согласного жительствова в владении и в дому», неверность — как «погибель и тщета» любого, самого крепкого и богатого домохозяйства. Причем отношения в семье прямо проецировались на державу: «несогласие» и «несогласное жительство» в государстве уподоблялись неладам в семье, где жена неверна мужу, и обещали стране гибель⁶⁵.

Нравственный идеал верности супругов «до гроба», пропагандировавшийся официальной моралью, — идеал верности, основанной не на бесстрастности и холодной рассудочности (как у Петра и Февронии), а на искреннем, живом, отнюдь не религиозном чувстве, — постепенно перерастал в народный, находя отражение не только в переводной литературе, но и в посадских повестях, в которых стала акцентироваться незаменимость избранника для любящего сердца женщины: «Твори, господине, еже хочети! Аз тебе передаю и дом весь... Аз бо с тобою вечно хошу жити!»⁶⁶, «Образ (портрет. — *Н. П.*) твой сотворила, чтобы мне зрети на него и твою любовь во всяк час поминати».

Размышляя над возможностью «воспитания» жены, даже «жены злой», современники царевны Софьи и царицы Натальи Кирилловны, княгини Татьяны Ивановны Голицыной и других активных и деятельных женщин конца XVII века все чаще приходили к выводу, что «сварливую и гневливую»

жену можно «преходить разумом», а не «учащая раны» и не «бия ее жезлом», как в то делали столетием раньше⁶⁷.

О том, что в семьях допетровского времени мужья часто били и мучили своих жен и это было нормой семейных отношений, современные историки судят на основе судебных актов, источников церковного происхождения (текстов о «злых женах»)⁶⁸, по некоторым сообщениям путешественников-иностранцев и, конечно, Домострою. Без сомнения, в Средние века, когда жизнь людей была наполнена насильем, вряд ли семейная жизнь отличалась душевностью. Это утверждение, по-видимому, верно как для взаимоотношений супругов, так и родителей и детей. Материалы судебных дел начиная с XI—XII веков (в том числе берестяные грамоты) подтверждают многочисленность случаев, когда муж избивал жену: «И он, Иван, в таких молодых летех пьет, и напився пьян свою жену бьет и мучит, а дому государь своего не знает, у Ивана жена да сын всегда в слезах пребывает...»⁶⁹; «тот Артемий Михайлов, забыв страх Божий, пьет, а свою жену, а мою племянницу, безпрестанна мучит, и что было за нею приданова — то все пропил...» и т. д. От судебных памятников⁷⁰ не отстают и литературные. Но в отличие от первых, зафиксировавших ситуации беспричинных, казалось бы, семейных конфликтов, посадские повести XVII века, как правило, очень точны в описании мотивации мужской несдержанности в отношении жен: чаще всего это «чужеложество» и «скверное хотение» (к «блуду» вне брака) законной супруги⁷¹.

Некоторую информацию также дают исповедные вопросы женам об «ответных ударах» на обиды мужей («Не хватала ли мужа в бою за тайные уды? — один год епитимьи, сто поклонов в день») и светские законы, которые наказывали за мужеубийство (закапывание в землю по плечи) и «драку по-женьскы» (уксусы, «одеранье», матерное «лаянье» и «рыканье» и т. п.)⁷². Не случайно Адам Олеарий отметил, что «нрав русских лишь сначала оказывается терпеливым, а потом ожесточается и переходит к мятежу». Примеры именно такого ожесточения и сопротивления женщин беспросветности своей судьбы, образу жизни, который они часто не вольны были выбирать, сохранили судебные документы⁷³.

Однако можно ли сказать, что отношения мужей и жен допетровского времени исчерпывались лишь чувствами злости и соперничества, мести и желанием властвовать, гнева и досады? Разумеется, нет. Но несомненно, что от женщин — если судить по литературе и другим письменным памятникам — в большей мере ожидалось высоконравственное, благочестивое поведение, причем его им следовало являть как природную данность. В то же время мужчинам было позволительно прийти к признанию традиционных норм морали ценой тяжелых ошибок и жизненных заблуждений («Повесть о Горе-Злочастии», «Повесть о Савве Грудцыне»). Поэто-му женщины в русской литературе XVII века практически никогда не изображались путешествующими, обретающими жизненный опыт вне дома, «выпрямляющими» свою душу в борениях и соблазнах многокрасочного и разноязыкого мира. Даже в XVII веке героини литературных произведений неизменно пребывали дома и в состоянии ожидания вырабатывали в себе необходимые нравственные качества (или, напротив, использовали «соломенное вдовство» в своих интересах). Мужчинам же было позволительно *странствовать* и таким образом набираться ума и опыта, в том числе морального.

В какой мере доходило до адресаток назидание церковнослужителей оставаться, как и прежде, тихими, спокойными, «отгребающимися» от мирских соблазнов — судить сложно. Фольклор с беспощадной наблюдательностью отразил роль «сердешных друзей» в частной жизни «мужатиц» XVII века («За неволею с мужем, коли гостя нет», «Не надейся, попадья, на попа, имей свово казака», «Чуж муж мил — да не век с ним жить, а свой постыл — волочиться с ним»). В посадской литературе примеры «неисправного жития» «в сетях блуда» с «чюжими женами» мужчин, «запинающихся», как Савва Грудцын с женой Бажена, — стали буквально общим местом. Кроме того, появились — в собственно русской литературе, а не только в переводных текстах исповедных вопросов — даже образы замужних распутниц, «зжившихся дьявольским возжелением» с двумя, а то и тремя мужьями («Сказание об убиении Даниила Суздальского») ⁷⁴.

Челобитные, да и письма того времени пестрели сообщениями о «выблядках», которых замужние крестьянки и горожанки могли «приблудить», или, как выражался протопоп Аввакум, «привалять», вне законной семьи («а чей сын, того не ведает, а принесла мать ево из немец (Немецкой слободы в Москве. — *Н. П.*) в брюхе...»). Это не говорит, разумеется, о том, что ценность супружеской верности и лада в семье снизилась⁷⁵.

Песни, литературные произведения⁷⁶, сборники писем продолжали рисовать более чем благостную картину внутрисемейных отношений, причем не только в семьях знати⁷⁷. Но следует знать, что дошедшие до нас письма дворянок и княгинь, наполненные обращениями типа «поклон с любовью», «душа моя», «друг мой сердешный», ничуть не исключали возможности существования для этих женщин и особенно для их мужей связей на стороне. Как следует из источников, возможностей для таких греховных отношений в предпетровское время стало значительно больше⁷⁸.

Продолжая поиск изменений в отношении москвитов XVII века к личной жизни их «подружий» и «супружниц», стоит вновь вернуться к изменениям в образах «добрый» и «злой» жен. Именно в это время некоторые детали эмоционального мира «злой жены» стали постепенно «передаваться» «жене доброй». В ранних церковных и светских памятниках такая черта, как общительность, характеризовала не лучшие свойства характера описываемой «женки». Теперь же современники наконец заметили, что «поклоны niskи, словеса гладки, вопросы тихи, ответы сладки» и «взгляды благочинны» часто принадлежат вовсе не ангелам во плоти, а двуличным, хитрым «аспидам» в женском обличье⁷⁹.

В результате женская открытость вкупе с дружелюбностью стала ощущаться как все́ бо́льшая ценность. Во всяком случае, в конце XVII века упоминание о том, что героиня была «людцка» (то есть общительна), превратилось в опознавательный знак «жены доброй». Равным образом бурные чувствования, которые в ранних памятниках, никогда не могли быть присущи «добрым женам», в XVII веке стали для них вполне обычными («и так долго кричала, что у ней

голова заболела», «лежала, аки мертва», «и едва не заплакала для того, что невдогад ей было...», «и от великой радости залилась слезами»⁸⁰ и др.).

Требование, относящееся к «доброй жене» и не раз упомянутое в назидательных сборниках, — «не кручиниться», сохранять ровное и «радосное» настроение (ибо уныние считалось грехом), — оказалось в определенной степени реализованным в переписке членов царской семьи. В сохранившихся письмах великих княгинь Анны Михайловны, Ирины Михайловны, Софьи Алексеевны, а позже Прасковьи Федоровны, Екатерины Алексеевны, Екатерины Ивановны не найти жалоб на неблагополучие, «нешастие». Причина этого, вероятно, в том, что частная жизнь этих женщин не ощущалась ими самими в полной мере как неприкосновенная область; кроме того, письма почти никогда не писались собственноручно и самолично не прочитывались адресатом. Правда, в одном из писем царя Алексея Михайловича есть фраза: «Не покручиньтесь, государыни мои светы, что не своею рукою писал, голова в тот день болела, а после есть лехче...» Но царь был редким исключением. Сами же великие княгини, как и представительницы московского боярства, писали очень редко — хотя переписка с родными и близкими могла быть очень интенсивной⁸¹.

Напротив, «простые» дворянки, как правило, писали сами — с ошибками, повторами, недописками, — и в их письма хватало сетований на обиды и неустроенность личной жизни⁸². В еще меньшей степени различные этикетные условности присутствовали в народной среде, где нормой были искренность, открытость, безыскусность выражения переживаний, что заметно по письмам горожанок XII—XIV веков; крестьянских писем этого времени не сохранилось⁸³.

Воссоздание адекватной картины частной жизни людей предпетровской России осложнено и некоторыми, вероятно вневременными, особенностями переписки как источника. Мужчины, обращаясь в письмах к своим матерям, женам, сестрам, как правило, не сообщали ни о чем, кроме своих служебных дел, и весьма редко описывали внеслужебные обстоятельства (как правило, погоду или дороги),

еще реже — характеризовали деловые или личные качества каких-либо людей. Сообщая о своем здоровье, они крайне редко интересовались делами и здоровьем близких (удивленный вопрос в письме к жене: «Чева не пишете? табе б обо всем писать ко мне про домашне[е] жит[ь]е...» — скорее исключение, нежели правило). Большинство же мужей в письмах женам лишь выражали надежду, что «все, дал Бог, здоровы», или вставляли в текст письма «этикетную» формулу с требованием «отписывать» о здоровье и «без вести» не «держатъ». Зато страницами излагали всевозможные поручения: кого куда «послать», с кем не «мешкать», что «велеть делать» и кому «побить челом»⁸⁴. Так что, если искать проявления частной жизни по переписке мужчин (а ее объем много превышает число дошедших от того времени писем женщин), фактов собственно личной жизни в них можно просто не найти.

Редкое письмо мужчины к женщине содержало неформальное обращение или тем более домашнее прозвание, прозвище. Поэтому даже слова «душа моя, Андреевна» вместо общепринятого «жене моеи поклон»⁸⁵ (ср. в «Сказании о молодце и девице»: «Душечка ты, прекрасная девица!») представляются редким свидетельством ласки и теплоты. На этом фоне трогательным выглядит обращение некоего Ф. Д. Толбузина к жене: «Другу моему сердечному Фекле Дмитриевне с любовью поклон!» Наконец, у Аввакума в его письмах единомышленницам можно встретить еще более мягкое и сердечное обхождение с адресатками: «Свет моя, голубка!», «Друг мой сердечной!», сравнение их с «ластовицами сладкоголосыми», «свещниками» (светильниками. — Н. П.) души⁸⁶.

Женщины же — натуры куда более эмоциональные, «ориентированные» на дом, семью, близких и не имевшие к тому же никаких собственных «служебных» интересов, писали в своих «эпистолиях» больше о личном, которое их волновало и казалось значимым и важным⁸⁷. Даже благопожелания в женских письмах разнообразнее: «Желаю тебе с детьми вашими здравия, долгоденствия и *радостных утех* и всех благ *временных и вечных...* (курсивом выделены нетипичные слова. — Н. П.)». Эмоциональность женских писем точно

подметил протопоп Аввакум, бывший сам человеком отнюдь не бесчувственным. О посланиях Ф. П. Морозовой он сказал, что хранит их и перечитывает не по одному разу: «...прочту да поплачу, да в шелку запехаю». Над письмами мужчин того времени вряд ли можно было «поплакать»⁸⁸.

В письмах женщин отражалась буквально вся их жизнь. Помимо хозяйственных дел, о которых уже говорилось выше, они писали о «знакомцах старых» и родственниках («и про меня, и про невестку, и про дети»), высказывали пожелания «поопаси свое здоровье», мягко упрекали («Никита да Илья Полозовы говорили мне, что ты, мой братец, был к ним немилостив, и хотя они за скудостью своею на срок не поспеют, ты, братец, прегрешения им того не поставь и милостию своею их вину покрой»). Во многих письмах явно ощущим мотив беспокойности здоровьем близких («слух до нас дошел, что мало домогаешь, и мы о том сокрушаемся»⁸⁹).

Наконец, как и сегодня, многие письма матерей, жен, сестер были написаны в связи с посылкой подарков и гостинцев — кому, как не женщинам, было знать вкусы своих близких. «Хошь бы малая отрада сердцу — гостинцы...»; «челом бью тебе невестушка гостинцом, коврижками сахарными, штобы тебе, свету моему, коврижки кушать на здоровье. Не покручинься, что немного...»; «а послали мы тебе осетрика свежего, и тебе б его во здравие есть, да в брашне груш, три ветви винограду, полоса арбуза в патоке, 50 яблоков...»⁹⁰ В одном из писем мать сообщила сыну о посылке ему в подарок «скатерти немецкой, а другой расхожей» и пяти «полотениц с круживами», да семи «аршин салфеток», прося одновременно: «И ты, свет мой, на ней кушай, не береги, а нас не забывай...» Это «не береги» весьма характерно: оно выдает хозяйское, бережливое отношение матери к добротным вещам.

Отношения корреспондентов, своеобразную внутрисемейную иерархию можно особенно ясно почувствовать, проанализировав обращения в письмах. Уменьшительными именами (Грунька, Улька, Маря — от Марьи и т. д.) называли себя лишь жены в письмах к мужьям, младшие женщины (невестки, племянницы) в письмах к старшим⁹¹, младшие

сестры и даже братья в письмах в старшим сестрам («сестрице Федосье Павловне сестришка твоя Грунка Михайлова дочь челом бьет»). Свою зависимость от братьев пытались подчеркнуть уничижительным сокращением собственного имени сестры («братцу питателю Гаврилу Антипевичю сестра твоя Прасковья челом бьет»). В то же время и братья, когда ставили своей целью добиться от богатых замужних сестер некоторой денежной поддержки, предпочитали в письмах обращения типа: «Милостивая моя государыня сестрица Маря Гавриловна, Митка Кафтырев челом тебе бьет...»⁹²

Матери в письмах к сыновьям (даже взрослым) именовали себя по имени-отчеству: «От Матрены Семеновны сыну моему Петру Фомичю...» Так же обращались к матерям и сыновья, добавляя иногда — для «уважительности»: «Здравствуй, государыня моя матушка Агафья Савельевна со всем своим праведным домом!» Обращаясь к своим супругам, они, однако, называли их только по имени («От Михаила Панфилевича жене моей Авдоте»⁹³), и разве что в царской переписке можно найти уважительное обращение к супругам и сестрам по имени-отчеству.

Равенство обращений отправителей писем и адресатов соблюдалось в том случае, если это были зять и теща («государю моему свету зятю Михаилу Панфилевичю теща твоя Марица Ондреяновская жена Никиферовича»⁹⁴). Редкую ситуацию, при которой зять называл себя уменьшительно-уничижительно «Род[ь]ка», а тещу — уважительно, по имени-отчеству «государыней-матушкой Аграфеной Савельевной» удалось встретить лишь в одном письме. Объяснение необычному «феномену» содержится в тексте самого послания — автор его, видать, малость «поиздержался»: «Пожалуйте, ссудите меня на службу великих государей деньгами, не оставьте моего прошения, а я на премногую вашу милость надежен во всем...»⁹⁵

Судя по письмам невесток к свекровям, младшие женщины обращались к старшим по имени-отчеству и с прозвищем «матушка», именуя себя полным именем без отчества («Аксинья», но не «Оксюшка») и с непременно упоминанием семейной принадлежности («Иванова женишка Ивановича Аксинья») (зависимость невесток от своих свекро-

вей во внутрисемейной иерархии любого социального слоя зафиксировали, кстати говоря, и пословицы⁹⁶).

Любопытно, что литературные произведения, современные приведенным письмам, не позволяют сделать подобных наблюдений: в повестях и «словах», жартах и переводных новеллах употребляются лишь полные имена, реже — имена-отчества (и только, как правило, мужчин).

В посадской литературе XVII века утвердился стереотип описания «хорошей семьи» как семьи, где главенство мужа непререкаемо, а жена считает супруга «богом дарованным пастырем», «любезным сожителем» и готова исполнять его «волю во всем»⁹⁷. Это позволяет видеть в письмах представительниц московской аристократии с их бесконечными вводными обращениями («свет мой, государь мой», «сердешный друг» и т. п.) литературно-этикетные корни. Кстати, мужья к ним обращались обычно просто по имени-отчеству.

Значительно слабее, нежели отношения «власти» и «подчинения», отразились в источниках личного происхождения женские эмоции, весьма подробно описанные в литературных памятниках того времени. Среди них в первую очередь стоит выделить мотивы «грусти в разлуке» с законным супругом, «скуки без любимого» и радости встречи после расставаний. Правда, при долгожданной встрече восторженные восклицания типа «Откуда мне солнце возсия?» произносили и слезы радости проливали (и в литературе, и в письмах) одни только женщины⁹⁸, мужчины были скупее по части чувств⁹⁹.

Письма россиянок конца XVII века позволяют почувствовать, как они тосковали без мужей в разлуке. Одна из них писала мужу: «Обрадуй [нас], дай нам очи [твой] видет[ь] вскоре, а мы по тебе, государе своем, в слезах своих скончались...»¹⁰⁰ «Прошу тебя, друк мой, пожалей меня и деток своих, — будто вторила ей другая. — А у меня толко и радости, что ты, друк мой, Бога ради, не печался. И ты, друк мой, пришли ко мне, отпоров от воротка, лоскучик камки, и я тое камочку стану носит, будто с тобою видятца...»¹⁰¹ Приведенные строки — из письма жены стряпчего И. С. Ларионова, которого, как можно понять из текстов писем, жена искренне и нежно любила. В другом письме она жаловалась,

что супруг «изволил писать» о своем «великом сомнении» в таких ее чувствах, и заверяла его, что ей было бы достаточно «хотя б в полтора года на один час видятца» — и то бы она была «рада»¹⁰². Можно предположить, что исключительная преданность интересам семьи и любовь к своим семейным «государям» была у рода Ларионовых традиционной. Известны письма родственницы Д. Ларионовой — Е. Ларионовой (жены брата И. С. Ларионова — Тимофея), которые проникнуты чувством страха перед одной только возможностью в силу долгой разлуки потерять душевную близость с мужем и его расположение: «Тебе, государю моему, слезы мои — вада! Я, государь, вины не знаю пре[д] тобою, за што гнев твой мне сказывал! Я и сама ведаю, что немилость твоя ко мне. Кабы милость твоя ко мне — все бы не так была. Я и писать к тебе не смею, потому что мои слова тебе, государю, не годны...»¹⁰³

Столь часто встречающийся в посадской литературе XVII века сюжет «тужения» («По все дни лице свое умывает слезами, ждучи своего мужа..»; «Нача сердцем болети и тужити», «и по нем тужа, сокрушается», «и от слез с печал и ослепла», «уже с печали одва ума не отбыла») находит подтверждение в письмах — и, конечно, не в письмах умевших скрывать свои эмоции государственных мужей, а их верных жен¹⁰⁴. По письмам князей и бояр трудно догадаться, насколько они «тужили» вдали от родного дома и от жены, слишком условно-формализованы их вопросы супругам и дочкам об их «многолетнем здоровьи»; зато чувства женщин проступают четко. «А Домне скажи от нас благословение, — просил мелкого дворянина Тимофея Савиновича неустановленный адресат в 1687 году. — И чтоб она, Домна, о Дмитрие в печали не давалась, а что она об нем велми тужит — и то она делает не гораздо, он, Дмитрей, на государственную службу поехал и он, Дмитрей, ездит [туда] не по один год...»¹⁰⁵

Между тем как было не тужить дворянкам! Одна из них, уже упоминавшаяся здесь, А. Г. Кровкова жаловалась: «Я в печалех своих едва жива по воли Божьи: Матфей Осипович идет на службу марта в день под Чигирин. С печали сокрушаюсь, как быть — и ума не приложу»¹⁰⁶. Женское сердце

не зря тревожилось: в архиве князей Хованских содержится письмо с сообщением о том, что М. О. Кровков, о котором беспокоилась его жена, привезен из-под Чигирина «замертво»: «...едва жив лежит на смертной постеле, што обротим с боку на бок — то и есть, а сам ничем не владеет, ни руками, ни ногами»¹⁰⁷. Ситуация может быть описана словами одной из героинь «Повести о семи мудрецах», современной приведенному выше письму: «Уподоблюся убо яз пустынолюбней птице горлице и стану всегда жити на гробе мужа своего...»¹⁰⁸

Именно женщины — дворянки, купеческие дочери и «купцовы женки», — на чьих плечах оказывалось все «домовнее управление», писали нередко очень искренние, лишенные этикетных условностей письма. Народная молва относилась к «добродетельности» представительниц купеческого сословия довольно скептически, тем не менее сам житейский опыт подсказывал часто отсутствовавшим мужьям, что единственный способ добиться верности супруги — это верить ей, подчеркивая свою преданность («дах ей волю по своей воле жити, и како может, сама себе да хранит»). Тонкий психологизм отнюдь не чужд был посадским жителям XVII века: «Еже, вспоминая жены своя, смехотворно глаголати (насмехаться. — *Н. П.*) или, ведая их безпорочное житие, за них не поручитися — то бо есть сожителницы своей самое презренье и немилосердие»¹⁰⁹. Таким способом, очень умно и ненавязчиво автор городской повести вел воспитание «добрым примером», как бы беря его в то же время из жизни¹¹⁰.

Еще одна краска в палитре чувств женщин предпетровской России — жалость к более слабым и призыв «сожалитися», обращенный в письмах к мужьям или отцам. Как и городские повести, сплошь и рядом упоминаящие о ситуациях, когда женщины не могли не «зжалитися», когда кто-то «горко и зелне плакуся» или «во хлипании своем не возможе ни единого слова проглаголити» — что вообще-то относится к средневековому литературному мотиву, — письма дворянок XVII века тоже часто содержат просьбу «быть милостивым» и тем самым «не погубить» слабого¹¹¹.

Умение сочувствовать, казалось бы незнакомое мужчинам-аристократам, жаловавшимся, что у них и «своего охання много»¹¹², прекрасно характеризует родственные свя-

зи и дружеские отношения женщин того времени. Именно женщины в своих письмах советовали мужьям быть несколько душевнее, сочувственнее, хотя бы внешне: «Отдай грамотку детям ево, — просила Т. И. Голицына своего сына, В. В. Голицына, — и розговори их от печали, что волею праведного Бога сестры их не стало, что в девицах была, и племянницы их не стало — у Домны, у Парфеньевны меньшей дочери...»¹¹³ Видимо, женщинам приходилось не единожды напоминать окружающим их мужчинам о необходимости проявлять подобные чувства, поскольку сами их «супружники» эмоциональной проникновенностью не отличались, за исключением, пожалуй, ситуаций, связанных со смертью матерей: «Ведомо тебе буди, Прасковюшка (редкое по нежности обращение. — *Н. П.*), [что] matka наша Ульяна Ивановна переселилася во оные кровы и ты, пожалуй[ста], поминай [ее со] своими родителями...»¹¹⁴

Женщины для выражения своих «скорбей» находили слова более выразительные: «В своих печалех *насилу жива*. Насилу и свет вижу от слез...»¹¹⁵ В другом письме — ответе одной из представительниц царской семьи на сообщение мужа о болезни — жена выражала тревогу такими словами: «Ты писал еси, что, по греху нашему, изнемогаешь лихорадкою. И мы, и мать наша... зело с плачем [со]болезуем и скорбим»¹¹⁶. Впрочем, не стоит переоценивать способность к состраданию тех, кто писал процитированные письма. Скажем, побег крестьянина приводили их в состояние того же эмоционального накала («крестьяне искали ево целой ден, не нашли, убежал, и я от кручины той чут[ь] жива...»¹¹⁷).

В этом смысле показательное изменение, произошедшее в эмоциональном мире русской женщины за несколько столетий. В XVII веке героини литературных произведений и многие авторы писем слабыхарактерности не проявляли. В то же время, соблюдая форму, они выдавали себя за слабых, называясь «нищими и беспомошными»¹¹⁸, «бедными, безродными»¹¹⁹, а зачастую, стремясь к себе вызвать жалость, впрямую хитрили: «...я теперь сира и безприятна, не ведаю, как и выдраться, как чем и пропитаться с людишками до зимы» — при том, что разорением и не пахло¹²⁰.

Когда «интересы дела» требовали некоторого преувеличения, женщины ничуть не смущались ложью. Например, в спорном деле москвичек середины XVII века — «Анютки» и Марфы Протопоповых (первая из которых вдова И. Д. Протопопова, а вторая — его мать), не поделивших наследство, обе женщины в расспросных «скасах» именуют себя «бедными», в то время как речь идет о «рухледи» на тысячи «рублев». В их случае примечательно, что «молодая» семья «Анютки» и ее мужа жила вместе со старшим поколением «не в разделе», что и позволило старшей женщине — «свекре» — захватить все наследство, включая приданое невестки, ее наряды и драгоценности¹²¹.

Разумеется, когда речь шла о действительно страшных и трагических событиях в жизни семьи или в конкретной женской судьбе (гибель дома, детей, близких) — женщины глубоко и остро переживали, страдали, «громко вопяше»¹²²: поводов к тому оставалось по-прежнему хоть отбавляй. Но лишь в близких по стилю к житийным и некоторых переводных произведениях, типа «Повести об Ульянии Осорьиной» и «Повести о Петре Золотых ключей», сохранялся старый мотив религиозного по окраске «страха и ужаса». Ульяния изображена страшашейся одиночества и темноты, пугающей «бесев», а героиня «Повести о Петре» — впавшей «в великий страх и трепет», с «ужасающимся сердцем» от мысли, что «попорочит» род свой непослушанием родительскому слову¹²³. Между тем даже в письмах таких современниц Ульянии, как деятельницы старообрядчества, мотив страха от собственной беспомощности, зависимости, как ни странно, затушеван. И он практически вовсе отсутствовал в «эпистолиях» «обышных» женщин, опровергая давний стереотип об исключительной религиозности москвиток¹²⁴, хотя в письмах непременно содержался мотив о бессилии человека перед лицом Господа.

В посадских повестях упоминания о том, что кто-то из женщин «нача мыслити в себе», «размышляти, како бы улучити желаемое», встречаются в XVII веке все чаще. В письмах же женщины никогда не писали о своих раздумьях — если не считать за таковые хозяйственные расчеты да выражения беспокойства о здоровье близких. Единственное исключение —

сообщения в женских письмах о снах, как правило, страшных, пугающих («помнишь ли, свет мой, сон, как буйволы пили из моря воду, и свиньи их поели...»), о которых после свершения какого-либо неприятного события вспоминали как о предзнаменовании¹²⁵. Несколько бóльшую сосредоточенность на собственном внутреннем мире можно найти в письмах деятельниц старообрядчества — Ф. П. Морозовой, М. В. Даниловой, Е. П. Урусовой.

В ряду эмоциональных переживаний, претерпевших значительную эволюцию за семивековой допетровский период, едва ли не на первом месте стоят переживания, связанные с сексуальными отношениями. Постепенно дело шло к признанию самоценности этой сферы частной жизни, хотя в патриархальном обществе, коим была Московия XVI—XVII веков, женщины чувствовали эти изменения несколько в меньшей степени, чем мужчины. Образ «злой жены» — «обавницы», «кошунницы», «блудницы» — как источника греховных вожелений, отражающий подавленные желания и тайное признание важности физиологической стороны брачных отношений, сдавал свои позиции медленно.

Тем не менее осознание в XVII столетии сексуальности как части самовыражения личности, расширение и усложнение диапазона переживаний женщины в интимной сфере, новое восприятие плотской любви как «веселья» и «игранья», проявившиеся в некоторых памятниках предпетровских десятилетий, — все это было предпосылками появления «чувственного индивидуализма» в семейных отношениях, их физиологического и психологического обогащения, оказавшего переломное влияние на частную жизнь русских женщин.

Мир чувств русской женщины XVII века — ориентированный на семью и мужа или же связанный с «полубовниками» вне рамок брака — был миром ожидания любви. Желание быть любимой, добиться любви — как признания своей единственности — любыми средствами, в том числе «чародейными», переполняло этот мир. Несмотря на все попытки церковных идеологов укрепить духовно-платоническую основу семейного единства, жизнь брала свое: «плотское» приоб-

ретало все большую значимость в жизни женщин. Отражением борьбы «разума» и «плоти» стало появление в русской литературе XVII века чувственных образов, а в памятниках переписки и актовом материале, современных литературным произведениям, — свидетельств «роковых страстей». В дидактической литературе борьба разумного и чувственного в душе женщины изображалась с целью доказать достижимость победы разумного; напротив, в фольклоре и в посадских повестях XVII века конфликт женских чувств и самоограничения сводился в конечном счете к уступкам «плоти».

Усложнение понятия нормы в «классификации» женских характеров — по причине медленной «диффузии» характеров «злой» и «доброй» жен — не повлияло, однако, на резко негативное отношение церковной дидактики к женской неверности. И нельзя не признать, что проповедь супружеского «лада и береженья», продолжавшаяся не одно столетие, дала в эпоху, когда «старина с новизной перемешались», свои плоды. Семейная переписка второй половины XVII века сохранила живые и взволнованные голоса женщин, искренне и нежно любивших своих законных мужей. Их письма являются неоспоримым доказательством глубокого укоренения в сознании по крайней мере этой, образованной части общества идеалов православной этики.

Любовь в понимании образованных женщин в России конца XVII века ассоциировалась с преданностью интересам семьи и детей, «тужением» в разлуке с мужьями и радостью встреч с ними, сопереживанием заботам и делам близких, умением доверять и сохранять верность, горестным участием в бедах и утратах.

Эти характеристики и человеческие качества побуждали некоторых образованных женщин к размышлениям и оценкам собственной «самости».

Появление такого интереса — интереса самих женщин к своему внутреннему миру — открыло путь к переменам в самосознании русских женщин в первые десятилетия XVIII века.

Предисловие

- ¹ Ariés Ph. (Dir.) L'Histoire de la vie privée. V. 1–2. Paris, 1985. Об истории повседневности как «истории снизу» см.: Ullrich V. Entdeckungsreise in den historischen Alltag // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. 1985. Hf. 6. S. 403; Peukert D. Neuere Alltagsgeschichte und historische Anthropologie // Historische Anthropologie. Göttingen, 1984 S. 60–61.
- ² Duby G. Le patron d'un grand atelièr // Le Monde. 14. 12. 1979. P. 23.
- ³ Черная Л. А. Русская мысль XVII — начала XVIII вв. о природе человека // Человек и культура. Индивидуальность в истории культуры. М., 1990. С. 202

Глава I. «Не хочу за Владимира, но за Ярополка хочу...»

- ¹ Это особенно характерно для XVII столетия, когда стала типичной большая разница в возрасте жениха и молоденькой невесты, часто впервые вступающей в брак.
- ² Олеарий. С. 211; Котошихин. С. 149; ПСРЛ. Т. I. С. 32; ПСРЛ. Т. XXV. С. 281; Памятники древней российской виблиофики. Т. IX. С. 328; ПоПиФ. С. 215.
- ³ ПоТОМ. С. 113. Даже от сватовства «плохих» женихов отказываться было не принято, обещали лишь «подумать», веря что «плохой жених хорошему дорогу укажет» (См.: Ушаков А. Крестьянская свадьба конца XIX в. в Старицком уезде Тверской губернии. Старица, 1903. С. 11–12).

- ⁴ Сборник РИО. Т. XXXV. С. 412; Церетелли Е. Елена Ивановна, великая княгиня литовская, королева польская. СПб., 1898. С. 180; ЖДР. С. 222; И. И. Чаадаев — сестре, А. И. Кафтыревой. Конец XVII в. // Частная переписка. № 166. С. 449.
- ⁵ ПоБЖС. С. 153; Ф. П. Морозова — Аввакуму. 1669 г. // ПЛДР. XVII (1). С. 585.
- ⁶ МосДиБП. № 50. С. 67 (1649 г.); ср. та же просьба: МосДиБП. № 125. С. 113 (1685 г.).
- ⁷ Богаевский П. М. Заметки о юридическом быте крестьян Сарапульского уезда Вятской губернии // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. Вып. 1. М., 1889. С. 12; Желобовский А. И. Семья по воззрениям русского народа, выраженным в пословицах и других произведениях народно-поэтического творчества // Филологические записки. Воронеж, 1892. С. 13; Снегирев. С. 83.
- ⁸ Кобрин В. Б. Опыт изучения семейной генеалогии // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XIV. М., 1983. С. 50–60.; ПоСМиМД. С. 448.
- ⁹ Котошихин. С. 157; ПоСМ. С. 213.
- ¹⁰ РИБ. СПб., 1906. Т. VI. С. 204, 274, 281 (1410 г.); ЖДР. С. 76; РИБ. Т. VI. С. 204, 273, 281 (1410 г.), 515; АИ. Т. I. С. 161. Стоглав. 1551 г. Гл. 69 // РЗ. Т. 2. С. 344–349; АИ. Т. 1. № 267. С. 498; № 261. С. 491; НГБ (1958–1961). С. 103; ПоПЗк. С. 344.
- ¹¹ Маргарит. XV в // РО РНБ. Кир.-Бел. монастыря 112/237. Л. 5.
- ¹² Повесть о семи мудрецах. XVII в. // ПЛДР. XVII (1). С. 194; Пушкин-рев Л. Н. Сказка о Еруслане Лазаревиче. М., 1980. С. 43–55.
- ¹³ Демкова Н. С. Письма Е. П. Урусовой // ПЛДР. XVII (1). С. 763.
- ¹⁴ Эдипов сюжет в русской интерпретации отразился в «Повести об Андрее Критском» (ПЛДР. XVII (1), 1988. С. 270–274), обещавшей всякому посягнувшему на инцест тяжелейшие физические и нравственные муки. Право разрешать или не разрешать брак или замужество своих «холопей» с «холопами» других владельцев, было зафиксировано еще в домосковских законах. Но лишь в XVI–XVII вв. разрешения стали оформляться с помощью специальной «отпускной памяти» (см.: Отпускная память в замужество, данная стряпчим 1684 г. // МосДиБП. № 13 (отд. 4). С. 156).
- ¹⁵ Запрет неравных браков — общее ограничение частного выбора женщин в европейском Средневековье. См.: Бессмертный Ю. Л. Жизнь и смерть в Средние века. Очерки демографической истории Франции. М., 1991. С. 196–197; Тушина Е. А. Брачно-семейные представления французского рыцарства // Историческая демо-

- графия докапиталистических обществ Западной Европы: проблемы и исследования. М., 1988. С. 139; Иванов К. А. Средневековая деревня и ее обитатели. Пг., 1915. С. 63–64.
- ¹⁶ Тема «прельщения» богатством невесты как путь обретения «злой жены» прошла через всю русскую литературу рассматриваемого периода. Ср.: «О оболстившей приданым». Из сборника жартов конца XVII в. // РО РНБ. Собр. Толстого. II-47. Q. XVII. 2. Л. 41об.
- ¹⁷ ПоБК. С. 300; «Любовь истинная — ко всем равно» (РО РНБ. Собр. Новг.-Соф. б-ки. № 1296. Л. 178об.); «Все человецы Богом создание единого естества» (там же. Л. 189); ПоПиФ. С. 218. Ср.: «Никогда де того не будет, еже смердову сыну королевскую дочь пояти!» (ПоВЗ. С. 390).
- ¹⁸ ПоПЗК. С. 347; Беседа. С. 489.
- ¹⁹ СоМиД. С. 82–83; ПоТОм. С. 113; ПоСМиМД. С. 448.
- ²⁰ Ф. П. Морозова — Аввакуму. 1669 г. // ПЛДР. XVII (1). С. 585.
- ²¹ АСЭИ. Т. III. № 100, 439, 242; ПРП. Вып. IV. Судебник 1589. Ст. 37.
- ²² ПСРЛ. Т. XXV, С. 236; Т. XXIII. С. 256; ПСРЛ. Т. II. С. 198.
- ²³ ПСРЛ. Т. I. Под 980 г. С. 34; Вопросы Кирика, Саввы и Ильи с ответами на них Нифонта, епископа новгородского (XII в.) // РИБ. Т. VI. С. 69–70; Указ князя Всеволода о церковных судах // РЗ. Т. I. С. 250–254.
- ²⁴ ПСРЛ. Т. II. Под 1173 г. С. 106.
- ²⁵ МосДиБП. № 61. С. 74 (1666 г.).
- ²⁶ См. подробнее: Росовецкий С. К. Повесть о женитьбе Ивана Грозного на Марии Темрюковне // Памятники культуры. Новые открытия. 1975. М., 1976. С. 27–37.
- ²⁷ ПСРЛ. Т. II. Под 1173 г. С. 106; Под 1187 г. С. 135–136.
- ²⁸ РГАДА. Ф. 1433. Оп. 1. № 45. Л. 1–18); ср.: ПДП-XVII-ВлК. С. 205. № 186; Послание митрополита Фотия XV в. // РИБ. Т. VI. С. 918–919; ПоУО. С. 99.
- ²⁹ ПДП-XVII-ВлК. С. 205. № 186 (18 лет); ПСРЛ. Т. II. С. 136; Генрих фон Штаден. О Москве Ивана Грозного. Записки немца опричника. М., 1925. С. 164. Славянский К. Ф. К учению о физиологических проявлениях половой жизни женщины-крестьянки. // Здоровье. СПб., 1874/1875. № 10. С. 214; Моисеева Г. Н. Казанская царица Сююн-бике и Сумбека из «Казанской истории» // ТОДРЛ. Т. XII. М.; Л., 1956. С. 177; Снегирев. С. 69; ПоЕЛ. С. 308; Принц. С. 16; ПСЗ. Т. XIX. № 14229; Рабинович М. Г. Русская городская семья в начале XVIII в. // Советская этнография. 1978. № 5. С. 96–109.
- ³⁰ ПоСМиМД. С. 448.
- ³¹ ПоСМ. С. 207; ПоСМиМД. С. 448.

- ³² Беседа. С. 491; Титова Л. В. Беседа отца с сыном о женской злобе. Новосибирск, 1987. С. 142–156.
- ³³ Повесть об Аполлонии Трирском // ПЛДР. XVII (1). С. 419–420.
- ³⁴ МосДиБП. № 61. С. 74 (1666 г.); Ястребов В. Н. Новые данные о союзах неженатой молодежи на юге России. Киев, 1896.
- ³⁵ РИБ. Т. VI. (2) С. 46; Неизвестный англичанин. С. 186; Котошихин. С. 12; Миненко. С. 203–225; Смирнов А. Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа. М., 1877. С. 97; Эпизод в «Повести о Тверском Отроче монастыре» с подданными князя, готовыми обустроить свадебный пир без венчания, говорит о возможности такого хода событий (ПоТОм. С. 115.).
- ³⁶ Правосудие митрополичье // ПРП. Вып. 3. М., 1955. Ст. 34; СоУДС. С. 125; В сочинении немецкого дипломата С. Герберштейна (XVII в.) насчет побочных семей сказано, что в России это «допускают, но не считают законным». См. также: Повесть о Дракуле. М.–Л., 1964.; Маргарит XV в. // РО РНБ. Ф. п. 1. № 193. Л. 280–280об.; НПЛ. С. 488; ЖДР. С. 113.
- ³⁷ КК. Грань 11. Л. 33; чтобы скрыть факт прелюбодеяния, «женки» прибегали к различным уловкам, самой распространенной из которых было представление «прелюб» неожиданным «осильем» со стороны «неведомого человека» («ходила-де в лес для грибов и неведомой деи человек изнасиловал ее блудным падением и с того времени она де очреватела...» — ПДП-XVII-ВлК. С. 195. № 174. (1679 г.); С. 202 № 183 (1681 г.) и др.); «Обычаи жен». Конец XVII в. // РО РНБ. Собр. Толстого. II-47. Q. XVII. 2. Л. 34; Фацеции. С. 136.
- ³⁸ Семенова Л. Н. ОдиД. Т. IV. № 203; Центр. гос. исторический архив (Пб.). Ф. 796 (Канцелярия Синода). Оп. 79. № 599; В подобных действиях летописцем «были замечены» Роман Волынский и его тесть Рюрик Ростиславич, Ярослав Всеволодич и его тесть Мстислав Новгородский (который, от греха подальше, забрал от зятя свою дочь и обратно к мужу «не пустиша»). См. ПСРЛ. Т. I. Под 1292 г. С. 174; Т. VII. Под 1118 г.
- ³⁹ Распространенность случаев бегства «женок» от мужей говорит о том, что по крайней мере в среде «простецов» это был более простой и удобный способ расторжения брака. Закон предписывал «сыскивать» беглянок и ничего не говорил об исчезнувших тем же способом мужьях (См.: ПДП-XVII-ВлК. С. 200. № 181–1680 г.).
- ⁴⁰ ЖДР. С. 82.
- ⁴¹ ПоСМ. С. 205.
- ⁴² В отличие от некоторых европейских законодательных традиций, например итальянской (Marongiu A. Matrimonio e famiglia

nell'Italia meridionale (sec. VIII–XIII). Bari, 1976; см. также: Абрамсон М. Л. Семья в реальной жизни и в системе ценностных ориентаций в южноитальянском обществе X–XIII вв. // *Женщина, брак, семья...* М., 1993. С. 40), в Древней и средневековой Руси, да и позже в брачном договоре не фиксировалось обязательств мужа содержать семью и жену. Однако в бракоразводных нормах существовало положение о материальной причине «разлучения», в том числе был упомянут случай пропивания мужем имущества семьи. См.: РИБ. Т. VI. С. 41–42.

⁴³ РИБ. Т. XXXI. С. 162–163; Герберштейн. С. 38.

⁴⁴ АИ. Т. I. № 130. С. 192; Герберштейн. С. 87.

⁴⁵ Выпись о втором браке Василия III // Белокуров С. О библиотеке московских государей. М., 1898. Прилож. С. IX; Семевский В. И. А. Ф. Лопухина // *Русский вестник*. 1859. Т. 21.

⁴⁶ Герберштейн. С. 87; Снегирев. С. 63.

⁴⁷ Котошихин. С. 129; среди судебных документов много жалоб на жестокости мужей (См., напр.: «Петр, пришел пьяной, жену свою бил и мучил и она, высунувшись из избы кричала розным криком и по многия времена», «он в дом к себе, приходя пьяной, дерется з женою», «срубил, было, меня топором и тот топор у него отняла жена» и др. — ГАВО. Ф. 575. оп. 1. № 15, 19, 111) — но за ними не следуют просьбы о разводе; подробнее см.: ЖДР. С. 80–85.

⁴⁸ Праздник кабацких ярыжек. XVII в. // Адрианова-Перетц В. П. *Очерки истории русской сатирической литературы XVII в.* М.; Л, 1937. Тексты. С. 88; Снегирев. С. 62. С этой поговоркой находит аналогию строка «Беседы отца с сыном о женской злобе» (XVII в.): «Двух нужд — темницы и виселицы — убежах, а от третие нужды — от злыя жены — не мог убежати...» (Беседа. С. 497).

⁴⁹ См. Даль². Т. IV. С. 363. Любопытно употребление Аввакумом в одном из писем Ф. П. Морозовой и ее сестре Е. П. Урусовой обращения к ним как «двум супругам неразпряженным» — вероятно, это словосочетание употреблялось не только по отношению к мужу и жене, но и к единомышленникам (единомышленницам), тесно связанным общей идеей. См.: ПЛДР. XVII (1). С. 553.

⁵⁰ Способин А. Д. О разводе в России. М., 1881. С. 29; Загоровский А. О разводе по русскому праву. Харьков, 1884. С. 163–164. Главным основанием для прекращения замужней жизни женщины в допетровское время был все же не развод, а смерть супруга. Имелись и основания к признанию брака недействительным (кровное родство мужа и жены, двоебрачие одного из них, нарушения брачного возраста), однако обосновать это было нелегко: возраст и родствен-

ные отношения жениха и невесты определял «на глазок» священник (лишь в 1667 г. церковный собор распорядился о заведении в каждой церкви метрических книг). Новгородский архиепископ Феодосий сокрушался в 1545 г., что заключение браков «в родстве, свойстве, духовном родстве» — обычное дело, но обличения его остались гласом вопиющего в пустыне (ДАИ. Т. V. № 102; АИ. Т. I. № 298. С. 541).

- ⁵¹ Миронов Б. Н. Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX — начале XX вв. // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР. М., 1977. С. 83–105; См.: Асмолов. С. 182; средняя продолжительность жизни по В. Н. Никитину (1975) в XVI в. составляла 27,5 года; в XVII в. — 29 лет. Цит. по: Асмолов. С. 244.

Глава II. «А про дом свой изволишь вспомянуть...»

- ¹ Пословицы XVII в. сохранили указания на тяжесть и незаметность для членов семьи повседневного женского труда. См.: РО БАН. Собрание Петровской галереи. Сб. № 58, 285, 726; РИБ. Т. VI. С. 41, 58–59.
- ² См. в дидактической литературе Древней Руси (Собр. канонов XIV в. // РГАДА. Ф. 381. № 78. Л. 32; Минея XV в. // РО БАН. 16. 14. Л. 64). В назидательных памятниках XVII в. примером нравочения «дщерям» может служить письмо протопопа Аввакума некоей Каптелине Мелентьевне, Гликерьиной дочери из Ветлужья: «Каптелина, а Каптелина! Люби бесчестие, люби укорение, досаду, понос и уничижение, люби худость ризную, пищу тонкую, неумовение, труды и молитву беспрестанную...» (Аввакум. Послания, челобитные, письма // ПЛДР. XVII (1). С. 575.)
- ³ О раннем привлечении детей к труду см.: Даль¹. С. 382–383 («В год сосун, через год стригун, а там пора и в хомут» и др.). Ср.: «В первом семилетии учить детей произносить хорошие и чистые слова, правдивое, а не ложное; во втором семилетии пусть учат делу, пониманию и умению» (см.: Вечеря. С. 366).
- ⁴ Первые поучения не к детям «вообще» и не к одним сыновьям, а именно к «дщерям» относятся к XVII в. См. «А се поучение дщерям: в послушании у мужа своего буди, чада, тиха и смиренна и кротка и весела...» (Требник. XVI–XVII вв. // РГАДА. Библ. арх. МИД. № 439/900 Л. 165).
- ⁵ ПоУО. С. 98.
- ⁶ См.: Антология. С. 122. В Западной Европе признание необходимости образования и воспитания ребенка относится к позднему

Средневековью (Ронин В. К. Воспитание молодого аристократа в каролингское время // Западноевропейская средневековая школа и педагогическая мысль. Исследования и материалы. М., 1990. С. 3–21); ПоУО. 98; Колесов В. В. Домострой // ПЛДР. Сер. XVI века. М., 1985. Гл. 15. С. 85; Прещение вкратце о лености и нерадении. XVI в. // Буш. С. 117.

- ⁷ Сильвестра из-за его рачительности упрекали не раз в «идеологии накопительства», «цинизме скопидомства», «бесповоротном эгоизме», «животном самолюбии» (См.: Святловский В. В. История экономических идей в России. Пг., 1923. Т. I. С. 29). ПоПиФ. С. 217.
- ⁸ Попытка Феодосия Печерского выполнить женскую работу — испечь просфоры — встретила осуждение его матери, прогнавшей будущего святого от печи. См.: Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911. С. 16–17.
- ⁹ Русская Правда. Подг. текста А. А. Зимина // ПРП. Вып. 1. С. 42; Пушкирев Л. Н. Труд как основа общественно-социальных идеалов в традиционной волшебной сказке // Русское народно-поэтическое творчество. М., 1953. С. 127–150; Миненко. С. 102; Громыко М. М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII — первая половина XIX в. Новосибирск, 1975. С. 71; Рейтенфельс. С. 139.
- ¹⁰ Взаимодействие литературы и изобразительного искусства в Древней Руси. М.—Л., 1966. С. 40; Сообщения Загорского историко-художественного музея. Загорск, 1960. Вып. 3. С. 12–15.
- ¹¹ Барская Н. Образы жен-мироносиц у гроба // Барская Н. А. Сюжеты и образы древнерусской живописи. М., 1993. С. 114–115.
- ¹² Полоцкий С. Труд // Полоцкий С. Избр. соч. Подг. текста И. П. Еремина. М.; Л., 1953. С. 15; Его же. Обед душевный. М., 1681. Л. 306об. — 307.
- ¹³ Демин А. С. Активность литературных героев и деловая жизнь России второй половины XVII в. // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976. С. 190–195; Успенский А. И. Русский жанр XVII века. Заметки к истории русской миниатюры // Золотое руно. 1906. № 7–9; Его же. К истории русского бытового жанра // Старые годы. 1907. Июнь; Михайловский Б. В., Пуришев Б. И. Очерки истории древнерусской монументальной живописи со второй половины XIV до начала XVIII века. М.; Л., 1941. С. 90.
- ¹⁴ Памятники старинной русской литературы, изд. Г. Кушелевым-Безбородко. Вып. I. СПб., 1860. С. 447–448.
- ¹⁵ Словарь. С. 152; Кузьмина В. Д. Рыцарский роман на Руси: Бова, Петр Златых Ключей. М., 1964. С. 311, 312, 318.

- ¹⁶ Михайловский Б. В., Пуришев Б. И. Указ. соч. С. 125; Домострой. С. 41; Ср.: Епифаний. С. 36. Вопр. 27.
- ¹⁷ Пушкарева Н. Л., Левина Е. (США). Женщина в средневековом Новгороде XI—XV вв. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. М., 1983. № 3. С. 78—89; Пушкарева Н. Л. Имущественные права женщин в Русском государстве X—XV вв. // ИЗ. М., 1986. Вып. 114.
- ¹⁸ В то же время сохранились документы пожалований и иных распоряжений недвижимостью, исходившие от цариц. (ПРГ. Т. I. М., 1848. № 183, 186, 190, 195, 220, 228, 289 и др.).
- ¹⁹ Подробнее см.: Pushkariova N. The Russian Woman and Her Property and Legal Status. XVI с. // Atti instituto internazionale di Storia economica «Fr. Datini». Prato-Florenz, 1990. V. 21. S. 241.
- ²⁰ Горсей. С. 260; ПоК. С. 80; Переписка княгини П. А. Хованской с ее ключницей, которая сама себя называла «сиротой твоей Анницей», составляет значительную часть личного архива семьи Хованских конца XVII в. См.: Частная переписка. № 122—125. С. 401—403; № 150. С. 423; М. В. Голохвастову от дочери Федоры. Конец XVII в. // РО РГИМ. Ф. 401. № 43. Л. 31.
- ²¹ Степану Корнильевичу от жены Ульяны. Конец XVII в. // РО РГИМ. Ф. 502 (Салтыковы). № 42. Л. 56об; М. П. Салтыкову вдова Устинья. XVII в. // Там же. Л. 21об.; Алексею Яковлевичу от жены Феклы. XVII в. // РГАДА. Ф. 1281 (Талызины). № 251. Л. 1—1об. Ср. просьбу матери князя В. В. Голицына — княгини Татьяны Ивановны «отписать» ей, как ей «сенными покосами промышлять», «против... грамотки не помешкав» (ВИМОИДР. М., 1852. Кн. 12. С. 34).
- ²² Котков С. И. Материалы частной переписки как лингвистический источник // Котков С. И., Панкратова Н. П. Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII — начала XVIII в. М., 1964. С. 11; Ф. Неронов — Марье Федоровне. XVII в. // РО РГБ. Ф. 29 (А. В. Беляева). № 1641. Л. 43; Д. Пестров сестре Катерине Калистратовне. XVII в. // РО РГБ. Ф. 218. Кн. 975. № 35. Л. 1; М. П. Салтыков — жене Авдотье. XVII в. // РО ГИМ. Ф. 502 (Салтыковы). № 42. Л. 24—24об.
- ²³ См., например: П. Ф. Малыгину от матери его Матрены Семеновны. Конец XVII в. // РО РГИМ. Ф. 502. № 42. Л. 56—56об; Грамотки. № 107. С. 63; Неустановленное лицо — неустановленному лицу. Конец XVII в. // ИпИРН-РЯ. № 58. С. 180; И. И. Чадаев — сестре А. И. Кафтыревой. Конец XVII в. // Частная переписка. № 164. С. 447; В. Г. Толбузин — Ф. Д. Толбузиной. Конец XVII в. // ИпИРН-РЯ. № 149. С. 142.

- ²⁴ Там же. № 171. С. 455; Грамотки. № 105–107. С. 63–64; № 116. С. 67; Т. Г. Голицына — В. В. Голицыну // ВИМОИДР. М., 1852. Кн. 12. С. 44.; А. И. Кафтырева — Богдану Ивановичу Камынину (?). Между 1659 и 1663 гг. // Частная переписка. № 171. С. 455.
- ²⁵ А. С. Маслова — Д. И. Маслову. Конец 1690-х гг. // ИпИРН-РЯ. № 36. С. 100; Там же. № 72. С. 112.
- ²⁶ См., напр.: Д. И. Маслов — А. С. Масловой. Конец 1690-х гг. // ИпИРН-РЯ. № 72. С. 112–113.
- ²⁷ ИпИРН-РЯ. № 140. С. 417; там же. № 145. С. 420–421.
- ²⁸ ИпИРН-РЯ. № 147. С. 421–422.
- ²⁹ П. И. Одоевская — В. В. Голицыну // ВИМОИДР. М., 1850. Кн. VI. С. 46–47.
- ³⁰ ВИМОИДР. М., 1851. Кн. 10. С. 31–33, 35, 40–41, 46, 47, 48 (цитированное), 53–55; П. А. Хованская — П. И. Хованскому. Конец XVII в. // Частная переписка. № 10. С. 301.
- ³¹ У. С. Пазухина — С. И. Пазухину. Конец XVII в. // ИпИРН-РЯ. № 33–34. С. 168–170.
- ³² Т. Г. Голицына — В. В. Голицыну // ВИМОИДР. М., 1850. Кн. VI. С. 45, 56.. См.: ВИМОИДР. М., 1952. Кн. 12. С. 33.
- ³³ Елена Барова — П. А. Хованской. Конец XVII в. // Частная переписка. № 127. С. 405.
- ³⁴ ВИМОИДР. Кн. 10. С. 55. Аналогичные просьбы в письме сестры (И. В. Трубецкой) и золовки (Ю. Голицыной) В. В. Голицына. См.: ВИМОИДР. М., 1852. Кн. 12. С. 49.
- ³⁵ ВИМОИДР. Кн. 10. С. 54.
- ³⁶ ВИМОИДР. Кн. 12. М., 1852. С. 34.
- ³⁷ ВИМОИДР. С. 41.
- ³⁸ Буслаев Ф. И. Русская народная поэзия. СПб., 1861. С. 476; Поучение Владимира Мономаха. XII в. // ПВЛ. Т. I. С. 94; Олеарий. С. 207–208. Костомаров. С. 123–124.
- ³⁹ ПВЛ. Т. I. С. 96; Домострой. С. 19; ПоЕЛ. С. 309.
- ⁴⁰ ПоУО. С. 100; Дубенский сборник правил и поучений XVI в. // Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I. б/г. Стб. 903; Домострой. С. 47; Даль, 802–820; Пушкирев Л. Н. Духовный мир русского крестьянина по пословицам XVII–XVIII вв. М., 1994. С. 122.
- ⁴¹ Лечебник. С. 522
- ⁴² Костомаров. С. 124; Забелин И. Е. Домашний быт русских царич... Новосибирск, 1992. С. 139; Епифаний. С. 33–38. Вопр. 43; Травник. С. 500–501.
- ⁴³ См., напр.: Пчела. XV в. // РО РНБ. Ф. п. 1. № 44. Л. 134.

- ⁴⁴ Домострой. С. 28; Беляев И. Д. Крестьяне на Руси. СПб., 1860. С. 311.
- ⁴⁵ Казанская история. Подг. текста В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1954. С. 100; ПВЛ. Т. I. Под 1113 г.; Измарагд. XV в. // ПДРЦУЛ. Вып. 3. СПб., 1897. С. 70;.
- ⁴⁶ ПСРЛ. Т. III. С. 136; Т. IV. С. 421; Грамотки. № 44, 247, 249, 252, 255, 258, 268, 269–271, 277, 278, 280, 281, 284; Фацеции. С. 54; Stone L. The Family, Sex and Marriage in England 1500–1800. London, 1977.
- ⁴⁷ «Дому своему буди стройна, человеколюбива и всех поволи всем. Держи привет...» (Требник XVII в. // РГАДА. Собр. А. И. Хлудова. № 120. Л. 425–425об.); «Буде тиха ко всем, сиротам печалница. Больна посети, нища и жадна накорми, ко всем ласкова буди...» (там же. Л. 426); «Без вины не удари, повинна ранами не учащай — словом накажи. Хрестьян и сирот жалуй, о всех пекияся и всем приветлива буди, а всех домашних по силе во всем доволи...» (Требник. XVII в. // РО РНБ. Погод. № 308. Л. 238об.).
- ⁴⁸ Домострой. С. 28; ПоПЗК. С. 365.
- ⁴⁹ Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970. С. 157–158; Адрианова-Перетц В. П. Человек в учительной литературе Древней Руси // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. XXVII. С. 47.
- ⁵⁰ ПоУО. С. 99–104.
- ⁵¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. В 12-ти т. СПб., 1816–1818. Т. 7. С. 133; Забелин И. Е. Домашний быт, 138–139; Kollman N. S. The Seclusion of Elite Moscovite Women // Russian History. Columbus (Ohio), 1983. V. 10. P. 2. P. 170–171; Kučera Ct. U pramenu «domosrojevské» legendy // Bulletin Institutu ustavu Ruskeho Jazyku a literatury. 1963. V. VII. Prague, 1963. S. 113–120.
- ⁵² Герберштейн. С. 110; Маржерет. С. 269; Принц Д. С. 62; Мейерберг. С. 82; Рейтенфельс. С. 177; Дневник Маскевича (1594–1621) // Сказания современников о Дмитрие Самозванце. СПб., 1859. Ч. 2. С. 51–53; Горсей. С. 260.
- ⁵³ Былины. Т. I. М., 1958. С. 279; анализ причин возникновения затворничества см.: Kollmann N. S. Kinship and Politics. The Making of the Moscovite Political System. Stanford, 1987. P. 150; Забелин И. Е. Указ. соч. С. 96–97; Горсей. С. 261, 268.
- ⁵⁴ Снегирев. С. 66.
- ⁵⁵ ПоСМ. С. 227.
- ⁵⁶ Колмаков Н. М. Дом и фамилия графов Строгановых // Русская старина. 1887. № 3–4; Баронова В. Т. Дом боярина XVII века. М., 1930. С. 5.
- ⁵⁷ ПДП–XVII–ВлК. С. 213–214. Шлейссингер. С. 109; Давид. С. 141; М. Н. Тихомиров. Записи XIV–XVI вв. на рукописях Чудова мона-

- стыря // Археографический ежегодник за 1958 год. М., 1960; РГАДА. Ф. 381. № 174. Л. 31об.; Маскевич. Указ. соч. С. 53.
- ⁵⁸ Скрынников Р. Г. Иван Грозный. М., 1975. С. 24–29.
- ⁵⁹ Снегирев. С. 117.
- ⁶⁰ «Billet doux» подьячего приказной избы // Начала. Пг., 1921. С. 204; Любовные письма подьячего Арефы Малевинского // ТОДРЛ. Т. XVIII. М., 1962. С. 365–369.
- ⁶¹ Дело Устюжского Архиепископского разряда между тотемцем Арефой Малевинским и тотемским дьяконом Михаилом Федотовым. 1686 г. // РО РНБ. Собрание Зинченко. № 981. Л. 1–39.
- ⁶² В начале XVII в. годовой денежный оклад дворянина не превышал 14 рублей. См.: Бакланова Н. А. К вопросу о датировке «Повести о Фроле Скобееве» // ТОДРЛ. Т. XIII. М., 1957. С. 515; Демократическая поэзия XVII в. М.; Л., 1962. С. 101; Покровская В. Л. История о российском дворянине Фроле Скобееве // ТОДРЛ. Т. I. Л., 1934. С. 422–423; Памятник литературы XVII в. // Хрестоматия по древней русской литературе XI–XVII вв. М., 1952. С. 431, 448, 485.
- ⁶³ Один герой, годящийся в «товарыши» Арефе и Фролу, — некий безымянный донжуан, сумевший «прикорми[ть] себе мастера хитра», дал ему «злата много» и решил «повеле[ть] ему сотворити под терем вход тайный из двора своего». Когда подкоп был «сътворен», герой — в лучших традициях современных боевиков — «мастера того кинул в море» и «прииде в терем с великим желанием». ПоСМ. С. 227.
- ⁶⁴ ПоФС // ПЛДР. XVII (1). С. 55–64.
- ⁶⁵ Мейерберг. Указ. соч. С. 84.
- ⁶⁶ Хлебникова Н. А. Малоизвестные произведения мастерской Софьи Палеолог // Памятники культуры. Новые открытия. 1976 г. М., 1977. С. 197.
- ⁶⁷ ПоСМ. С. 227.
- ⁶⁸ Олеарий. С. 189.
- ⁶⁹ Семенова Л. Н. С. 18, 162.
- ⁷⁰ См., напр.: МосДиБП. № 16. С. 53 (1634 г.); № 36. С. 62 (1641 г.); № 37. С. 62 (1641 г.); № 38. С. 62 (1642 г.).
- ⁷¹ МосДиБП. № 43. С. 64 (1642 г.).
- ⁷² Бунташный век. Сб. документов. М., 1983. С. 540–541 («а иных девиц и вдов царица и царевны выдают замуж за стольников, за стряпчих...»).
- ⁷³ ПРН-РЯ. № 173. С. 95 (19 сентября 1680 г.).
- ⁷⁴ ПДРВ. Т. IX. С. 129; Моисеева Г. Н. Казанская царевна Сююн-бике // ТОДРЛ. Т. XII. М.; Л., 1956. С. 185; Сочинения князя Курбского // РИБ. Т. XXXI. СПб., 1914. С. 117.

- ⁷⁵ Моление Даниила Заточника // ПЛДР. XII в. М., 1980. С. 398; Слово о купце и сыне его и жене сыновне. Первая пол. XVII в. // РО РГБ. Погод. 1571. Л. 62.
- ⁷⁶ Требник. XVII в. // РГАДА. Собр. А. И. Хлудова. № 120. Л. 426; Даль₂. С. 417; «И жену его, и сноху всякими непотребными словесы лаял и кукиш из-под колена казал...» (МосДиБП. № 11. Отд. 5. С. 232. 1629 г.); МосДиБП. № 83. С. 87 (1674 г.); Челобитье вдовы Феколки // МР. С. 348 (6 мая 1686 г.) Ср. также: Челобитье сапожника Ф. Трофимова // МР. С. 349 (1686 г.).
- ⁷⁷ МосДиБП. № 16 (отд. 5). С. 235 (1641 г.).
- ⁷⁸ Домострой. С. 41–43; ср.: Пролог XIV в. // РГАДА. Ф. 381. № 158. Л. 170об; Пчела. XV в. // РО РНБ. Ф. п. 1. № 44. Л. 135–135об.
- ⁷⁹ Домострой. С. 46–47; Рабинович₁. С. 199; Истомин Карион. Домострой (конец XVII в.) // Летопись занятий Археографической комиссии. 1862–1863. Вып. II. СПб., 1864. С. 127.
- ⁸⁰ А. С. Маслова — Д. И. Маслову. Март 1690 г. // ИпИРН-РЯ. № 35. С. 99.
- ⁸¹ Частная переписка. № 119. С. 400; см. также № 120 С. 401; № 126. С. 404; № 130. С. 407; № 131. С. 409; ИпИРН-РЯ. № 35. С. 99; Грамотки. № 106. С. 63 и др.
- ⁸² НГБ (1952). С. 44–45; 66; НГБ (1953–1954). С. 40, 59–60, 75; НГБ (1958–1961). С. 50–52, 58, 61, 84, 89; НГБ (1962–1976). С. 132–134.
- ⁸³ От И. И. Чадаева — сестре А. И. Кафтыревой. Конец XVII в. // Частная переписка. № 166. С. 449.
- ⁸⁴ Архив РГО. Собр. 7. № 25. Л. 44–52; Котошихин С. 118–199; Олеарий. С. 206.
- ⁸⁵ МосДиБП. № 18. С. 54 (1635 г.).
- ⁸⁶ Русская демократическая сатира XVII в. М.; Л., 1954. С. 114–115; Хрестоматия. С. 422, 448, 464 и др.
- ⁸⁷ МосДиБП. № 60. С. 73 (1663 г.).
- ⁸⁸ Флетчер. С. 122; Герберштейн. С. 216–218; Олеарий. С. 204
- ⁸⁹ Похилевич Д. Л. Бюджет крестьян Белоруссии в XVI в. // История СССР. 1972. № 1. С. 155.
- ⁹⁰ Житие Сергия Радонежского // ПЛДР. XIII в. М., 1981. С. 268.
- ⁹¹ ПСРЛ. Т. 1. С. 97.
- ⁹² Авдотья Михайловна — Ф. Д. Маслову. Отрывок письма конца 1690-х гг. // ИпИРН-РЯ. № 90. С. 121.
- ⁹³ Епифаний. С. 39. Вопр. 98, С. 40. Вопр. 118; Олеарий. С. 203; Герберштейн. С. 103.
- ⁹⁴ Сказание о царе Василии Константиновиче. XVII в. // ПЛДР. XVII (1). С. 442.

- ⁹⁵ Дело о комнатной бабке М. Тимофеевой, которая хотела украсть гриб с серебряного блюда. 13 августа 1671 г. // МосДиБП. № 20 (отд. 5). С. 286–287.
- ⁹⁶ Епифаний. С. 40. Вопр. 101; Пчела. XIV в. // РО РНБ. Ф. п. 1. № 44. Л. 404; Ср.: Даль, С. 802–813.
- ⁹⁷ Копиевский И. Ф. Введение краткое во всякую историю. 1699 г. // Антология. С. 353.
- ⁹⁸ См., напр.: Маржерет. С. 147; Олеарий. С. 190–192.
- ⁹⁹ Пушкарева Н. Л. Женщина в древнерусской семье X–XV вв. // Советская этнография. 1988. № 4. С. 24.
- ¹⁰⁰ ЖСР. С. 266.
- ¹⁰¹ Домострой. С. 251.
- ¹⁰² Дело по обвинению П. Высотского 1657 г. // РГАДА. Ф. 141. Оп. 3. 1657 г. Л. 1–36; МосДиБП. Отд. 5. № 18. С. 277–279.
- ¹⁰³ Олеарий. С. 190; Костомаров. С. 177.
- ¹⁰⁴ Даль, С. 794, 800–801.
- ¹⁰⁵ Сборн. рук. XVII в. // РО РНБ. № Q. 1. 235. Л. 27–27об.
- ¹⁰⁶ Афанасий Никитин. Хождение... С. 64; Новгород или Псков XVI в. // ЧОИДР. 1881. Ч. 2. Прил. XXIV. С. 76–77; Памятники истории Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1935. С. 69 (о рынке, где можно было купить «женку за кусок или два серебра»; «Ты везде в Москве увидишь... женщин, крашенных, как кукол, блядей, водку и чеснок, см. Олеарий. С. 153, 210. О профессиональных «блудницах» см.: Повесть о путешествии Иоанна новгородского на бесе // Изборник. М., 1969. С. 409). О сводницах: ПСЗ. Т. II. № 1266. С. 901–903.
- ¹⁰⁷ Новгород или Псков XVI в. // ЧОИДР. 1881. Ч. 2. Прилож. XXII. С. 72.
- ¹⁰⁸ МосДиБП. Отд. 5. № 16. С. 241 (1641 г.).
- ¹⁰⁹ Коллинз. С. 21.
- ¹¹⁰ Олеарий. С. 207–208. По тому, что Лжедмитрий не спал в полдень, полагал Олеарий, москвиты догадались, что он не русский.
- ¹¹¹ ПоЕЛ. С. 101.
- ¹¹² Там же. С. 108; ср. в пословицах: «Баня парит, баня правит, баня все поправит», «Когда б не баня — все б мы пропали», «Баня — мать вторая», в присловьях: «Игагонница поспела, ерохвоститься пора» (Даль, С. 583–584).
- ¹¹³ Колесов В. В. Лечебники и травники // ПЛДР. Конец XVI — начало XVII вв. М., 1987. С. 610.
- ¹¹⁴ Лечебники и травники... С. 522; РИБ. Т. VI. С. 41; Русские свадебные записи // Сборник РИО. Т. XXXV. С. 187. Кагаров Е. Г. Состав и происхождение свадебной обрядности. // Сборник Музея антропологии и этнографии. Л., 1929. Т. 8. С. 171–173.

- ¹¹⁵ ПоПЗК. С. 366.
- ¹¹⁶ Костомаров. С. 129; Рабинович, С. 126–131; Забелин. С. 366–381; Котошихин. С. 12; Фальковский Н. И. Москва в истории техники. М., 1950. С. 163–166; «Нагишом стоят пред баней, жрут без меры, в полдень спят» (Олеарий. С. 210).
- ¹¹⁷ Укреплению организма, в том числе женского, способствовал и особый тип устройства изголовья у кроватей допетровского времени: оно всегда делалось жестким. В письмах Дж. Горсея упомянуто, что московиты «под голову свое седло приносят», и удивлялся, «зачем так плохо спать, когда в избытке птицы и перо легко собрать». Для себя и читателей иноземец объяснил странный обычай тем, что русские «боятся удовольствия, которое получают их тела» (Горсей Дж. С. 254).
- ¹¹⁸ Олеарий. С. 209; Устав благочиния 1782 г. // ПСЗ. Т. XXI. № 15379. С. 465; ПВЛ. Т. I. С. 12.
- ¹¹⁹ Котошихин. С. 15 (даже царские роды принимались в бане); См. также: ПСЗ. Т. I. СПб., 1830. № 467. С. 833 (указ 17 апр. 1670 г. «о предосторожности огня» в избах и банях). Грицкевич В. П. С факелом Гиппократ. Из истории белорусской медицины. Минск, 1987. С. 51–52.
- ¹²⁰ ПРГ. СПб., 1848. Т. I. С. 5 (в письме Василия Ивановича к жене Елене Глинской содержится просьба посоветоваться с «бабами» о том, как можно вылечить гнойный желвак у их маленького сына Ивана).
- ¹²¹ ПоУО. С. 100.
- ¹²² Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944. С. 141.
- ¹²³ Апокрифические молитвы XV в. // Тихонравов Н. С. Памятники отреченной русской литературы. СПб., 1863. С. 355–366. Сборн. рук. Кир.-Белоз. б-ки. XV в. // РО РНБ. Q. п. 2. № 6/1083. Л. 112об.; ПДРЦУЛ. Вып. 2. С. 190–196; Русские святые женщины и подвижницы. СПб., 1909; Трофимов А. Святые жены Руси. М., 1993; Полоцкий Симеон. Избранные сочинения. М., 1953. С. 38–39.
- ¹²⁴ МосДиБП. Отд. 5. № 16. С. 243 (1641 г.).
- ¹²⁵ Пушкирев Л. Н. Древнерусский лечебник // Редкие источники по истории России. Вып. 1. М., 1977; Травник XVI в. // Флоринский В. М. Русские простонародные травники и лечебники XVI и XVII вв. Казань, 1879.
- ¹²⁶ ПРГ. Т. I. С. 5–63.
- ¹²⁷ Авдотья Михайловна — Ф. Д. Маслову. Конец 1690-х гг. // ИпИРН-РЯ. № 89. С. 121; среди наузных средств лечения горла

в одном из пыточных речений наузницы Ман[ь]ки упомянута «жаба во рту», которую особым образом «приговаривали». См.: МосДиБП. Отд. 5. № 16. С. 241 (1641 г.).

¹²⁸ ЖДР. С. 33–35; ПоПиФ. С. 222.

Глава III. «Милость свою матери покажи, не забудь...»

¹ О понятии исторической долговременности см.: Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории. М., 1977. С. 122; Le Roi Ladurie E. Histoire immobile. Leçon inaugurale au Collège de France // Le Roi Ladurie E. Le territoire de l'historien. Т. II. Paris, 1978; об отнесении истории материнства к понятиям *longue durée* см.: Badinter E. L'amour en plus. Histoire de l'amour maternel (XVIIe — XXe siècle). P., 1980.

² Антология. С. 256–269.

³ Аналогичная картина наблюдается специалистами по истории детства в Западной Европе. См.: Ariés Ph. L'Enfant et la vie familiale sous l'Ancien Régime. Paris, 1973; Herlihy D. Medieval Children // Essays on Medieval Civilisation. Austin (Texas), 1978. P. 114–120; De Mause L (Ed.). The History of Childhood. New York, 1974; Ozment S. E. When Fathers Ruled: Family Life in Reformation Europe. Cambridge, 1983; Martin J., Nitschke O. Zur Socialgeschichte der Kindheit. Freiburg; Munchen, 1986 etc.

⁴ Herlihy D. Op.cit. P. 114; ЖДР. С. 95–98.

⁵ РИБ. Т. VI. С. 42; ср.: Требник XIV в. // РГАДА. Чуд. № 5. Л. 71об.; Rich P. Éducation et culture dans l'Occident barbare. V^e — VIIIe siècles. Paris, 1962. P. 500–501.

⁶ ЖДР. С. 65; Бессмертный Ю. Л. Дети и общество в Средние века // Идеология феодального общества в Западной Европе. М., 1980. С. 283. Klapisch-Zuber C. Les Toscanes et leurs familles...

⁷ В русском фольклоре нет сказочных сюжетов, подобных немецкому о Гензеле и Гретель, оставленных родителями в лесу. Лишь в патерниках можно найти эпизоды, в которых коварная мать не шадит собственных детей (см.: Тимошенко И. Е. Литературные источники и прототипы трехсот русских пословиц и поговорок. Киев, 1897. С. 66; Титова Л. В. Беседа отца с сыном о женской злобе. Новосибирск, 1987. С. 117).

⁸ Даль. С. 298; Мартынова А. Н. Отражение действительности в крестьянской колыбельной песне // Русский фольклор. Т. XV. М., 1975. С. 145–146. «Богатый тужит, что хуй не служит, а бедный плачет, что хуй не спрячет» (СС. С. 44).

- ⁹ Пчела. С. 222; Даль². С. 384; Слово некоего христолюбца о покорении и послушании. XIII в. // Никольский Н. К. Материалы для истории древнерусской духовной письменности. Сборник ОРЯС. Т. 82. СПб., 1907. С. 113.
- ¹⁰ Дети не имели права жаловаться на родителей. Это неравенство было устранено только в 1716 г. См.: Семенова Л. Н. С. 118—119. См. также: Dunn P. «That Enemy was the Baby»: Childhood in Imperial Russia // The History of Childhood. Ed. by L. de Mause. New York; London; San Francisco, 1974. P. 388.
- ¹¹ Беседа. С. 492; Сборн. рукопись 1482 г. // РО РНБ. Кир.-Бел. монастыря № 6/1083. Л. 97; Об употреблении в русских крестьянских семьях каких-либо иных методов контрацепции, кроме аборт и зелий, нет данных (Минх Н. А. Народные обычаи, обряды, суеверия и предрассудки крестьян Саратовской губернии. СПб., 1890. С. 13). Никаких противозачаточных тампонов, кондомов из бычьих кишок в Московии, да и позже известно не было.
- ¹² Закон о казнях. XIII в. // Павлов А. С. Книги законныя, содержащие в себе в древнерусском переводе византийские законы. СПб., 1885. Ст. 56. С. 75. Levin E. Sex and Society in the World of the Orthodox Slavs. 900—1700. Bloomington, 1989. S. 175—178; Вопросы и ответы пастырской практики. XVI в. // РИБ. Т. VI. С. 862. Ст. 28;. В судебных делах конца XVII в. можно встретить жалобы жен на битье мужей (РГАДА. Ф. 159. Дела новой разборки. Д. 1351. Л. 58. (1697 г.).
- ¹³ МосДиБП. Отд. 5. № 16. С. 243; Пушкарев Л. Н. Лечебник. С. 70; ЖДР. С. 95; Требник XV в. // РО РНБ. Ф. п. 1. Собр. Софийской б-ки. № 1083. Л. 360об. — 361. «Едала ли еси детину пупорезину детеи хотячи». 1482 г. // Там же. Q. п. 2. № 6/1083. Л. 97; ПоПиФ. С. 222; отчаявшийся от нескольких неудачных родов сестры Борис Годунов выписал для нее «дохтура» из Англии, который, не рассчитывая на дозволение личного осмотра, попросил лишь изобразить Ирину, указав, в каких местах она испытывает боли. Разгневанный царь потребовал немедленно выслать за это «развратника и проходимца» (Скрынников Р. Г. Борис Годунов. М., 1986. С. 114).
- ¹⁴ Требник XIV в. // РГАДА. Чуд. № 5. Л. 71об. — 72. См. также: ЖДР. С. 85—88; Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси. М., 1947.
- ¹⁵ ПСРП. Т. I. С. 593; Словарь. М., 1986. Т. XI. С. 241; ЖСР. С. 268; Физ'юлог. XV в. // Карнеев А. Материалы и заметки по литературной истории Физиолога. СПб., 1890. С. 281; Отразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей. Старообрядческий трактат против самосожжения. Сообщ. Хр. Лопарева.

- СПб., 1895. С. 25 (1691 г.) А. Г. Кровкова — П. А. Хованской. Конец XVII в. // Частная переписка. № 132. С. 410; № 138. С. 414.
- ¹⁶ Даль². С. 378—379; «В ночи велею божиею женишка моя Евдокеица не розродилась и умре скорою смертию без покаяния и без причастия», — жаловался крестьянин в одном из писем, прося разрешения «беспенно погресть у церкви». См.: ПДП-XVII-ВлК. С. 212; РИБ. Т. VI. Ст. 60. С. 116; Чечулин Н. Д. Города Московского государства в XVI в. СПб., 1889; Рабинович². С. 180; А. Ф. Хованская — П. И. Хованскому. Конец XVII в. // Частная переписка. № 4. С. 297.
- ¹⁷ Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь. По русским рукописям 1095—1097 гг. Труд В. И. Ягича. Изд-во ОРЯС АН. СПб., 1886. С. 450; ЖДР. С. 112; Pushkareva N. Was the XVIth a Turning Point? // *La donna nell' economia*. XXI settimana di studi istituto internazionale di storia economia. Prato, 1989. P. 70—74; ПРП. Т. I. РП. Ст. 106. С. 119; Псковская судная грамота. XIV в. // ПРП. Т. II. Ст. 53. С. 293.
- ¹⁸ ПСРЛ. Т. I. Под 1178, 1187 и 1198 гг. Наиболее распространенные женские славянские имена: Предслава (1104, 1116), Болеслава (1166), Всеслава (1197), Звенислава (1142), Ярослава (1187), Сбыслава (1178), Верхуслава (1137, 1187); норманские — Ольга (1150), Рогнеда (1168), Малфрид (1167). См. подробнее: Погодин М. О частной жизни князей в древности // *Московитянин*. 1853. № 11 (июнь). Кн. 1. С. 66—67; ПСРЛ. Т. II. С. 443. Под 1187 г.
- ¹⁹ См., напр.: ПСРЛ. Т. II. С. 432. Под 1136 г. Родственниками по матери, выдвинувшимися на крупные государственные посты в X в., были Олег и Игорь Старый, Добрыня и Владимир Святославич. Значимость материнского родства, возможно, следствие скандинавских влияний. См.: Пчелов Е. В. Скандинавская женщина в сагах и русская княгиня в летописях // *Национальный эрос в культуре*. М., 1995. С. 48—52.
- ²⁰ ПоТОМ. С. 113; ПДРЦУЛ. СПб., 1897. Вып. III. С. 126, 127; Даль². Т. II. М., 1956. С. 308; ПСРЛ. Т. VI. С. 195, 224, 231, 235.
- ²¹ УЯ. С. 269; ПРП. Вып. I. Ст. 106. С. 119; НГБ (1962—1976). № 415. С. 231; ПСРЛ. Т. III. С. 54; Т. V. 182; Т. VII. С. 152.
- ²² ДАИ. Т. I. С. 10 (1455 г.); ПЛДР. Вторая пол. XV в. М., 1982. С. 354.
- ²³ См. подробнее: Лихачев Д. С. Изображение людей в летописи XII—XIII вв. // *ТОДРЛ*. Т. X. М., 1954. С. 40; Пропп В. Я. *Русский героический эпос*. Л., 1955. С. 120, 264 и др.
- ²⁴ De Mause L. *The Evolution of Childhood // History of Childhood Quarterly*. Spring, 1974. V. I. P. 505.
- ²⁵ Де Моз критиковался, главным образом, за «независимость» его построений от социально-экономических факторов, за не все-

гда четкое понимание различий между практикой воспитания и ее символизацией в культуре, европоцентризм. См.: Benton J. F., Shorter E. Comments to the Programm «The History of Childhood» // History of Childhood Quarterly. Spring, 1974. V. 1. P. 593.

²⁶ ПРГ. Т. I. № 5. С. 5 (1532–1533 гг.).

²⁷ Антология. С. 322–323.

²⁸ ПРГ. Т. I. № 3. С. 3 (1530–1532 гг.); № 4. С. 3 (1530–1532 гг.).

²⁹ См.: Колесов В. В. Домострой как памятник средневековой культуры // Домострой. М., 1994. С. 341.

³⁰ РО БАН. 16. 14. 14. Л. 21–21об; ПСРЛ. Т. II. С. 231–248 (под 1097 г.). 652–659 (под 1187 г.); РИБ. Т. VI. № 31. С. 242–243 (1404 г.); Домострой. 1994. С. 228; Дети. С. 136–137, 141.

³¹ Симони. С. 147; ПоГЗ. С. 29; Дети. С. 135.

³² См. подробнее: Соболевский А. И. Образованность Московской Руси XV–XVII вв. Изд. 2. СПб., 1894. С. 13–14, 21.

³³ Ключевский В. О. Два воспитания // Ключевский В. О. Очерки и речи. М., 1913. С. 243.

³⁴ ЖСР. С. 268; Барская Н. А. Сюжеты и образы древнерусской живописи. М., 1993. С. 52–53; Пушкарева Н. Л. Семья, женщина, сексуальная этика в православии и католицизме: перспективы сравнительного подхода // ЭО. 1995. № 3. С. 56–70.

³⁵ Кондаков Н. П. Иконография Богоматери. Пг., 1915. Т. 2. С. 35–37.

³⁶ Барская Н. А. Сюжеты и образы... С. 126–127; Алпатов М. В. Фрески церкви Успения на Волотовом поле. М., 1977.

³⁷ ПоУО. С. 100; Даль₁. С. 379; Письма Е. П. Урусовой // ПЛДР. XVII (1). С. 590.

³⁸ Соколов Н. К характеристике половой деятельности женщины-крестьянки северо-восточного угла Московского уезда // Прокотолы и труды IV Московского губернского съезда врачей. М., 1880. С. 15; Дети. С. 16; Кузнецов Я. Положение членов крестьянской семьи по народным пословицам и поговоркам. СПб., 1904.

³⁹ Четырнадцатилетняя жена Андрея Болотова, автора мемуаров XVIII в., когда умер их полугодовалый первенец, приняла эту смерть как неизбежность, надеясь, что новая беременность поможет «забыть сие несчастье, буде се несчастьем назвать можно». (Болотов. С. 644). Такое же отношение к детям до XVII в. подчеркивалось Ф. Лебреном, в частности, на конгрессе «Дети и общество» (Париж, 1971 г.) См.: Annales de demographie historique. 1964. Enfant et socèits. Paris, 1973. P. 342).

⁴⁰ Дети. С. 122.

⁴¹ ПоУО. С. 101.

- ⁴² А. Г. Кривкова — П. А. Хованской. Конец XVII в. // Частная переписка. № 132. С. 410; Д. Ларионова — И. С. Ларионову // ИПИРН-РЯ. № 6. С. 65 (1696 г.); А. С. Маслова — Ф. Д. Маслову. Конец 1690-х гг. // ИПИРН-РЯ. № 111. С. 129.
- ⁴³ Пчела XV в. // РО РНБ. Ф. п. 1. № 44. Л. 72 об.; Даль². С. 382–385; ПРГ. Т. II. М., 1861. С. 1.
- ⁴⁴ Е. Ушакова — А. С. Масловой. Конец 1690-х гг. // ИПИРН-РЯ. № 80. С. 116.
- ⁴⁵ Повесть о рождении и похождениях Соломона // ПЛДР. XVII (1). С. 455; Д. Ларионова — И. С. Ларионову. 9 июня 1696 г. // ИПИРН-РЯ. № 6. С. 65; ИПИРН-РЯ. № 7. С. 67 (1696 г.).
- ⁴⁶ Спорность тезиса Ф. Арьеса (Ariès Ph. *L'enfant et la vie familiale sous l'Ancien Regime*. Paris, 1973) доказали многие исследователи западноевропейской семьи. См., напр.: Nicolas D. *The Domestic Life of a Medieval City: Women, Children and the Family in 14th Century Ghent*. Lincoln; London, 1986. P. 147; Hanawalt B. A. *Childrearing Among the Lower Classes of Late Medieval England* // *Journal of Interdisciplinary History*. 1977. V. VIII. S. 1–22.
- ⁴⁷ Физическая, эмоциональная привязанность оценивалась и православными, и католическими моралистами скорее негативно, зато всячески приветствовался и подчеркивался воспитательный момент в любви к детям (см.: Ронин В. К. Восприятие детства в каролингское время // *Женщина, брак, семья до начала Нового времени*. М., 1993. С. 19; Riché P. *Éducation et culture dans l'Occident barbare. V^e — VIIIe siècles*. Paris, 1962. P. 500–501).
- ⁴⁸ Измарагд XVI в. // ПЛДР. Середина XVI в. С. 55. Архив Географического общества. Д. 61. № 25. Л. 8; Антология. С. 82; Янин В. Л. Я послал тебе бересту. М., 1975. С. 56. № 46 (XIII в.); Домострой. С. 87. Симеон Полоцкий. Наказание чадом // Буш. С. 110–111.
- ⁴⁹ ПоУО. С. 98; ПДП-XVII-ВлК. № 200. С. 218
- ⁵⁰ Аввакум. Послания, челобитые, письма // ПЛДР. XVII (1). С. 542. Полоцкий Симеон. Избранные сочинения. М.; Л., 1953. С. 71; Епифаний. С. 50. Вопр. 149–152 («О игрании»); и в то же время Е. П. Урусова в прощальном письме сыну, мечтая видеть его «в чистоте душевной», просила его «не резвися, берегися, буди кроток и смирен» (Письмо Е. П. Урусовой сыну // ПЛДР. XVII (1). С. 588).
- ⁵¹ Аввакум. Указ. соч. С. 544. Грамотки. С. 151.
- ⁵² Даль². С. 369; Адрианова-Перетц В. П. Древнерусская литература и фольклор. Л., 1974. С. 161; «И на святой неделе жонки и девки на качелях колышутся и на досках скачут» (Архив истор.-юр. и др. наук РГБ).

- сведений, изд. Н. В. Калачовым. СПб., 1854. Т. II. Ч. 2. Отдел VI. С. 29). Олеарий. С. 218–219; Герберштейн. С. 73.
- ⁵³ Антология. С. 82, 329; Епифаний. С. 38. Вопр. 149; Вечеря. С. 364. Хороводы в Москве чаще всего бывали на Девичьем поле и в Марьиной роше. См.: Комелова Г. Н. Сцены русской народной жизни конца XVIII — начала XIX в. по гравюрам из собрания Гос. Эрмитажа. Л., 1961. № 16, 36.
- ⁵⁴ ПоККМТ. С. 71.
- ⁵⁵ О княгинях-воспитательницах см.: ЖДР. С. 39–40, 47; Низами. Пять поэм. Перевод с фарси. М., 1968. С. 386; Прещение вкратце о лени. XVI в. // Буш. С. 117.
- ⁵⁶ Аввакум. Указ. соч. С. 544.
- ⁵⁷ Письма Е. П. Урусовой // ПЛДР. XVII (1)/ С. 591.
- ⁵⁸ Д. Ларионова — И. С. Ларионову // ИпИРН-РЯ. № 6. С. 66 (1696 г.).
- ⁵⁹ «Сыну Васеньке...» (письмо Е. П. Урусовой сыну) // ПЛДР. XVII (1). С. 587–589.
- ⁶⁰ РО ГИМ. Ф. 502. № 42. Л. 30–30об.; ПоПЗК. С. 325
- ⁶¹ ПСРЛ. Т. II. Под 1274. С. 577.
- ⁶² Пчела. С. 146; Даль₂. С. 387; ПоГЗ. С. 37; Письма Е. П. Урусовой // ПЛДР. XVII (1). С. 586.
- ⁶³ МосДиБП. № 130. С. 116 (1691 г.); № 21 (отд. 5). С. 287–289 (1688 г.).
- ⁶⁴ ВИМОИДР. Кн. 6. М., 1850. С. 45.
- ⁶⁵ См., напр., переписку инокини Марфы, матери царя Михаила Федоровича Романова, с сыном 1619–1620-х гг.: ПРГ. Т. I. С. 11–63 и др.
- ⁶⁶ ПСРЛ. Т. II. Под 1187 г. С. 443. Подробнее см.: ЖДР. 96–98. Грамотки. С. 63. № 105; ВИМОИДР. Т. VI. М., 1850. С. 56; Частная переписка. № 131. С. 409 и др.
- ⁶⁷ ПРГ. Вып. V. С. 28–29.; И. И. Чаадаев — П. А. Хованской. Конец XVII в. // Частная переписка. № 146. С. 421.
- ⁶⁸ Ф. Д. Маслов — А. С. Масловой. Конец 1690-х гг. // ИпИРН-РЯ. № 75. С. 114.
- ⁶⁹ А. Ф. Хованская — сыну, П. И. Хованскому. Конец XVII в. // Частная переписка. № 4. С. 297; № 6. С. 298.
- ⁷⁰ РО РГБ. Собр. ОЛДП. № Q. 688. Л. 144.
- ⁷¹ См., напр., о Ксении Тверской — воспитательнице князя Михаила и прототипе героини ПоТОм: ПСРЛ. СПб., 1851. Т. V. С. 207; изображения ее обучающей сына по религиозным книгам: Вздоров Г. И. Искусство книги в Древней Руси. М., 1980. Прилож. 18; ИРИ. М., 1955. Т. 3. С. 21.
- ⁷² РО ГИМ. Собр. Вострякова. № 1009. Л. 112об.; «Сыну Васеньке...». Письмо Е. П. Урусовой 1673 г. // ПЛДР. XVII (1). С. 588.

- ⁷³ Единственное исключение: ПЛДР. XVII (1). С. 427—441.
- ⁷⁴ ПЛДР. XVII (1). С. 366; Елеонская А. С. Русская публицистика второй половины XVII в. М., 1978. С. 170.
- ⁷⁵ Вечеря. С. 365.
- ⁷⁶ «Сыну Васеньке...». С. 588—589; Пчела. С. 148
- ⁷⁷ ПоСМ. С. 213, 214—217.
- ⁷⁸ Явочная челобитная шуянина Сережки Иванова 1626 г. // РО РГБ. Ф. 67 (Гарелины). Кар. 7. № 62. Л. 1—1об.; ср. аналог: ПДП-XVII-ВлК. С. 162.
- ⁷⁹ Демократическая поэзия XVII в. М.; Л., 1962. С. 99.
- ⁸⁰ ПоУО. С. 99; И. И. Чаадаев — А. И. Кафтыревой. Конец XVII в. // Частная переписка. № 166. С. 449.
- ⁸¹ Русское народное поэтическое творчество. Под ред. П. Г. Богатырева. М., 1956. С. 232; Снегирев. С. 27. Сложнее вопрос о возможности существования дружественных отношений между представителями разных полов в Московии того времени. Само слово «дружба» — древнее (XII в. — см. Словарь. Т. 4. С. 360), но слова «другиня» (подружка), «друга» — более поздние (XVI в.). Того же времени слова «приятельство» и «приятель» (Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. II. СПб., 1895. С. 1502). Приятельские отношения мужчины и женщины: ПоПЗК. С. 350.
- ⁸² Придворный «пиит» Симеон Полоцкий пересказал известный библейский сюжет о матери своего духовного покровителя Симеона Столпника, представив первопричиной слепой любви брата и сестры слепую любовь родителей («Слово на день Марфы, матери Симеона Столпника» // Вечеря. С. 9—9об.; см. также: Елеонская А. С. Русская публицистика второй половины XVII в. М., 1978. С. 168). См. также: ПСРЛ. Т. I. Под 1015 г. (Ярослав Владимирович и Предслава, дочери княгини Рогнеды), под 1168 г. (великий князь Ростислав Мстиславич и Рогнеда Мстиславна), под 1187 г. (великий князь Всеволод Георгиевич и его сестра Ольга); ИпИРН-РЯ. № 75. С. 114 (Конец 1690-х гг); № 79. С. 116.
- ⁸³ Сочинения царя Алексея Михайловича. Письмо семье 5 мая 1655 г. // ПЛДР. XVII (1). С. 511.
- ⁸⁴ А. Стремоухова — Ф. Д. Маслову. Конец 1690-х гг. // ИпИРН-РЯ. № 135. С. 137.
- ⁸⁵ Т. И. Голицына — В. В. Голицыну // ВИМОИДР. Кн. 6. М., 1850. С. 41—42.
- ⁸⁶ «Сыну Васеньке...». С. 588—589.
- ⁸⁷ РГАДА. Ф. 141. Приказные дела старых лет. 1695 г. Д. 214. Л. 1.
- ⁸⁸ ПоГЗ. С. 37

- ⁸⁹ Часть историков полагает, что излишняя «биологизация» материнства неправомерна. См.: Badinter E. *L'amour en plus. Histoire de l'amour maternel (XVIIe — XXe siècle)*. Paris, 1980. P. 369.
- ⁹⁰ ПДП-ХVII-ВлК. С. 216 (№ 197).
- ⁹¹ РИБ. Т. VI. С. 242–243 (1404 г.).
- ⁹² ПСРЛ. Т. II. С. 595. Под 1287.
- ⁹³ Русский биографический словарь. СПб., 1905. С. 132–133. Ср. в Западной Европе: Ронин В. К. Восприятие детства в каролингское время // *Женщина, брак, семья...* 1993. С. 21–37.
- ⁹⁴ Кузьмина В. Д. Рыцарский роман на Руси. С. 145.
- ⁹⁵ Частная переписка. № 131. С. 409; ср. № 134. С. 411.
- ⁹⁶ Даль₁. С. 393.
- ⁹⁷ ПСРЛ. Т. II. С. 454. Под 1198 г.
- ⁹⁸ ВИМОИДР. Кн. VI. М., 1850. С. 45
- ⁹⁹ Александров В. А. Обычное право крепостной деревни России XVIII — начала XIX в. М., 1984; ср.: Lazlett P. *Characteristics of the Western Family Considered Over Time* // *Journal of Family History*. Minneapolis (Minnesota), 1977. V. 2. № 2. P. 91.
- ¹⁰⁰ Поэтому и было принято называть внуков именами дедов и бабушек. См.: ПСРЛ. Т. I. Под 1209 гт.
- ¹⁰¹ «Ревновать» предков значило проявлять к ним уважение. См., напр.: ПСРЛ. Т. II. Под 1158 г. С. 338 (вдова Глеба Всеславича «ревнова [ла] отцу своему Ярополку»). Коринфский А. А. *Народная Русь*. СПб., 1901. С. 969. Даль₁, 353; См. подробнее: Ушинский К. Д. *Избранные педагогические произведения*. М.; Л., 1939. Т. II. С. 177; Szeftel M. *Le statut juridique de l'enfant en Russie avant Pierre le Grand* // *Recueils de la Societ Jean Bodin*. Bd. 36. Paris, 1976. P. 635–656; Кобрин В. Б. *Опыт изучения семейной генеалогии // Вспомогательные исторические дисциплины*. М., 1983. Т. XIV. С. 50–60.
- ¹⁰² Средняя продолжительность жизни по В. Н. Никитину (1975) в XVI в. составляла 27,5 года; в XVII в. — 29 лет. Цит. по: Асмолов А. Г. С. 244.
- ¹⁰³ А. И. Хованская — П. А. Хованской. Конец XVII в. // *Частная переписка*. С. 399.
- ¹⁰⁴ ПДП-ХVII-ВлК. № 199. С. 217.
- ¹⁰⁵ Житие Михаила Клопского 1537 г. // РГБ. Ф. 310 (Ундольск.) № 563. Л. 493. Ср.: Повести о житии Михаила Клопского. Под. ред. Л. А. Дмитриева. М.; Л., 1958. С. 146; У. Одоевская — С. И. Пазухину: «Про меня похочеш[ь]ведать — и я с внучатами своими дал Бог здоровы...» Конец XVII в. // *ИПИРН-РЯ*. № 25. С. 163. Ср. также: У. С. Пазухина — С. И. Пазухину // Там же. № 32. С. 168.

- ¹⁰⁶ РГАДА. Ф. Строгановых. Ст. оп. 1627 г. Д. 4. Л. 82; Ст. оп. 1628 г. Д. 2; Бахрушин С. В. Агенты русских торговых людей XVII в. // Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1954. Т. II. С. 137; РИБ. Т. XXV. С. 150.

Глава IV. «Добрую жену неудобь обрести...»

- ¹ ЖДР. С. 100–102.
- ² Лихачев Д. С. Изображение людей в летописи XII–XIII вв. // ТОДРЛ. М., 1954. Т. X. С. 3–43.
- ³ Веселовский А. Н. Из истории развития личности. Женщина и старинные теории любви // Веселовский А. Н. Избранные статьи. Л., 1939. С. 73.
- ⁴ ПСРЛ. Т. II. Под 1158 г. С. 338; об эмоциональном строе древнерусской семьи и роли женщины в определении ее «микrokлимата» см.: Pushkareva N. The Woman in the Ancient Russian Family // Russian Traditional Culture. Ed. by M. M. Balzer. London, 1992. P. 113–115.
- ⁵ Изборник 1076 г. М., 1965. С. 383; «Слово» Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. Л., 1932. С. 30.
- ⁶ ПСРЛ. Т. II. Под 1180 г. С. 454; ПВЛ. Т. I. С. 98; см также: Повести о Николе Зараском // ТОДРЛ. Т. VII. М., 1949. С. 290–291; ПВЛ. С. 92, 97, 144; ПСРЛ. Т. I. С. 467 (под 1237 г.); Т. II. С. 472 (под 1127 г.); С. 494 (под 1157 г.); Т. XXV. С. 237 (под 1407 г.) и др.
- ⁷ ЖДР. С. 228. Сн. 97; «моя худость» = «и я сама, глупая». См.: НГБ (1900–1903 гг.), № 752.
- ⁸ Бессмертный Ю. Л. Брак, семья, любовь // Средневековая Европа глазами современников и историков. М., 1994. Ч. 3. С. 315.
- ⁹ Баткин Л. Два способа изучать историю культуры // Вопр. философии. 1986. № 12.
- ¹⁰ Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970. С. 104.
- ¹¹ Подробнее см.: ЖДР. С. 232. Сн. 160–168.
- ¹² Аналогично в Западной Европе. См.: d'Alverny M.-H. Comment les théologiens et les philosophes voient la femme // Cahiers de civilisation médiévale. XXe année. 1977. № 2–3. P. 108–111.
- ¹³ Послание Якова-черноризца к князю Дмитрию Борисовичу // ПЛДР. XIII в. М., 1981. С. 456; см. также: Колесов В. В. Домострой как памятник средневековой культуры // Домострой. СПб., 1994. С. 332.
- ¹⁴ Dumas G. Les émotions. Paris, 1937. P. 175; Уотсон Д. Психология как наука о поведении. М., 1926. С. 193; Асмолов А. Г. С. 358; Leclerq J. Modern Psychology and the Interpretation of Medieval Texts // Speculum. 1973. V. XLVIII. P. 481; Моление Даниила Заточника // ПЛДР. XII в. С. 397.

- ¹⁵ ПСРЛ. Т. X. С. 134, 154. Под 1277 г.); СРЛ. Т. VI. С. 5. Под 1471 г.; Т. VIII. С. 159. Под 1471 г.
- ¹⁶ ПДРЦУЛ. Вып. 3. С. 84–85; Вып. 4. Ч. 2. С. 129; Пчела. С. 344; Хоружий С. С. Проблема личности в православии: мистика исихазма и метафизика всеединства // Здесь и теперь. 1992. № 1. С. 132–136; его же. Человек и его назначение по учению православных подвижников // Философская и социологическая мысль. 1991. № 11. С. 129–142.
- ¹⁷ Срезневский И. И. Материалы для словаря... Т. III. С. 543.
- ¹⁸ Житие св. Стефана, епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым. СПб., 1897. С. 1; ЖДР. С. 44–60; ПоРРБ. С. 186.
- ¹⁹ НС. 15, 39, 44–46; Серебрянский Н. Заметки и тексты из псковских памятников. М., 1910. С. 157–158; Яблонский В. Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 1908. С. 232.
- ²⁰ ПСРЛ. Т. VIII. С. 36 (под 1380 г.), 64 (под 1393 г.); Т. V. С. 256 (под 1407 г.).
- ²¹ «Плач княгини Анны по князе Михаиле Ярославиче тверском» // Серебрянский Н. Древнерусские княжеские жития // ЧОИДР. 1915. Кн. 73. С. 159; Слово о житии в. кн. Дмитрия Ивановича // ПЛДР. XIV в. С. 220; Александрия // ПЛДР. Вторая половина XV в. С. 172, 224.
- ²² Кадлубовский А. Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. Варшава, 1902; Берман Б. И. Читатель жития // Художественный язык Средневековья. М., 1982. С. 159–183; ЖСР. С. 273; НС. С. 39.
- ²³ Подробнее см.: Евдокия Дмитриевна // Пушкарева Н. Л. Знаменитые россиянки. Вып. 1. М., 1990. С. 8–9.
- ²⁴ «Сказание о блаженной великой княгине Евдокии» 1407 г. // ПСРЛ. Т. XXI/I. С. 198–199.
- ²⁵ ПСРЛ. Т. V. С. 207; Т. XV. С. 41. ПоТОм. С. 113–120.
- ²⁶ Соединение несоединимого, находящее воплощение в понятиях светлой муки, радости страдания и т. д., — в глубочайшей природе средневекового мышления (см.: Weingart R. The Logic of Divine Love: a Critical Analysis of the Soteriology of Petr Abelard. Oxford, 1970. P. 109–117; ДД. С. 147).
- ²⁷ Это отразилось и в живописи, и в особенностях цветового решения костюма (ЖДР. С. 170–177; Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. М., 1901. С. 468–469).
- ²⁸ Физиолог. XIII–XV вв. // ПЛДР. XIII в. М., 1981. С. 474.
- ²⁹ НС. С. 39; Повесть о царице Динаре // ПЛДР. Конец XV — первая половина XVI в. С. 38; Александрия // ПЛДР. Вторая половина XV в. С. 26.

- ³⁰ Сказание о беседе премудра и чадолобива отца. XVI в. // Памятники старинной русской литературы, изд. Г. Кушелевым-Безбородко. СПб., 1860. Вып. II. С. 462; Гомаюнов С. А. Композиционный метод в историческом познании. М., 1994. С. 101; Клибанов А. И. Идея свободы человека в учениях русских еретиков конца XV — первой половины XVI в. // Средние века. М., 1964. Вып. 25. С. 216—226.
- ³¹ Послание многословное. Сочинение инок Зиновия. М., 1863. С. 284; Клибанов А. И. Повесть о Петре и Февронии как памятник русской общественной мысли // ИЗ. М., 1959. Вып. 65. С. 305.
- ³² Шляпкин И. Ермолай Прегрешный, новый писатель эпохи Грозного // Сб. С. Ф. Платонову — ученики, друзья, почитатели. СПб., 1911. С. 556; РО РНБ. Собр. Новг. Соф. б-ки. № 1296. Л. 271об.
- ³³ «Женки в индейской земле все бляди» (Хождение за три моря Афанасия Никитина. М., 1960. С. 33).
- ³⁴ «Бегай блуда беззаконна, а закон с законными не возбраняет» (Требник. XVII в. // РО РНБ. Погод. № 308. Л. 240об.).
- ³⁵ В отличие от Запада, православными проповедниками вопрос о сексуальном удовлетворении в сексуальных отношениях даже не ставился. См.: Пушкарева Н. Л. Женщина, семья, сексуальная этика в православии и католицизме // Этнографическое обозрение. 1995. № 3. С. 56—74.
- ³⁶ ПРГ. Т. I. С. 2—5.
- ³⁷ Александрия // ПЛДР. Вторая половина XV в. С. 26—30.
- ³⁸ ПоПиФ. С. 214; Житие Михаила Клопского. XV в. // ИРЛ. Т. II. М.; Л., 1946. С. 267.
- ³⁹ Стефанит и Ихнилат. 1478 г. // Там же. С. 182; ПоЦил. С. 429. Повесть о рождении и похождениях царя Соломона. XVII в. // ПЛДР. XVII (1). С. 455; РИБ. СПб., Т. XIII. 1909. Стб. 1274 (Хронограф 1617 г.); Фацеции. С. 72.
- ⁴⁰ Рукописный перевод Троянской истории 1489 г. // Лицевой сборник Исторического музея. Известия ОРЯС. М., 1899. Кн. 4. С. 1367; ПоГЗ. С. 29.
- ⁴¹ «О жене благоразумной и о муже непотребном». Конец XVII в. // РО БАН. № 45.5.30. Гл. 159. Л. 192—194.
- ⁴² Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. II. СПб., 1898. С. 87—90; Словарь. Т. 8. М., 1981. С. 172—173. НПЛ. С. 267.
- ⁴³ Словосочетания «в дому нежити», «человек он нежной» относятся к 1646—1677 гг. См.: Словарь. М., 1986. Т. II. С. 115. «Ласкотою, а не жесточью» — см.: там же. Т. 8. С. 177.

- ⁴⁴ Изборник Святослава 1076 г. М., 1965. С. 461; Толкование на Псалтирь. 1535 г. // ГИМ. Син. 77/305. Стб. 372; Словарь. Т. 8. С. 336; Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. М., 1910–1914. С. 197. В польском языке *droczyć* — раздражать.
- ⁴⁵ Требник XVI в. // РО РНБ. Ф. п. О. 1. № 100. Л. 30об. — 32, 46об. — 49 («или за груди дровичи или ссати давала», «или груди кому сосати или дровичи давала еси в милости»); Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою... ордою. (Сб. РИО. Т. 41). СПб., 1884. С. 177 (1493 г.); Садиков П. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 530 (1574 г.). Словарь. М., 1977. Т. 4. С. 359.
- ⁴⁶ Пушкарева Н. Л. Сексуальная этика в частной жизни древних русов и москвитов XVI–XVIII вв. // Секс и эротика в русской традиционной культуре. М., 1996. С. 62.
- ⁴⁷ Никольский Н. К. Одревнерусском христианстве // Русская мысль. СПб., 1913. Кн. 6. С. 23; Levin E. Sex and Society in the World of Orthodox Slavs. Bloomington, 1989. P. 36–79; об уничтожении сексапильных женщин см.: Давиденков С. Н. Эволюционно-генетические проблемы в невропатологии. М., 1947. С. 128; Требник XV–XVI вв. // НМ. SMS. № 378. Л. 174 л.; Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XV вв. М.; Л., 1955. С. 313. Ср. в католических странах: Brundage J. A. Carnal Delight: Canonistic Theories of Sexuality // Proceedings of the 5th International Congress of Medieval Canon Law. Salamanca, 1976. P. 375–378.
- ⁴⁸ ИРЛ. Т. II. М.; Л., 1946. С. 316.
- ⁴⁹ Еретики, преследуемые церковью, обвинялись официальной идеологией в терпимости к «блуду и прелюбодейству» (См.: Казакова Н. А., Лурье Я. С. Указ. соч. С. 279, 313, 317).
- ⁵⁰ Поэтому даже библейского Змия-Искусителя изображали подчас в виде Змеи, женщины в длинными выющимися волосами, большой грудью и змеиным хвостом вместо ног. См.: Брюсова В. Г. Русская живопись XVII века. М., 1984. № 115.
- ⁵¹ Фацеции. С. 45; ПоФС. С. 57; Николс Д. Домашняя жизнь средневекового города: женщины, дети семья в Генте XIV в. // Средневековая Европа глазами современников и историков. М., 1994. С. 319.
- ⁵² Образцовый в данном случае означал, что он был «плотногодия»; не случайно Петр обращается к жене со словами «О, сестро, Еуфросиниа!» (ПоПиФ. С. 238).
- ⁵³ Пчела. XVII в. С. 341; «О союзе любви» XVII в. // РО РГБ. Собр. Ундольского № 532; Вечеря. С. 134; Елеонская А. С. Концепция личности у славянских гуманистов // Славянские литературы. М., 1988. С. 99.

Глава V. «Свет моя, Игнатъевна...»

- ¹ ПоСГ. С. 41.
- ² МДРПД. С. 43, 67, 116, 207; Котошихин. С. 10; Miége G. A Relation of Three Embassies from his Sacred Majestie Charles to the Great Duke of Muscovite, the King of Sweden and the King of Denmark. London, 1969. P. 74; Исповедь. С. 273–279. При строгом соблюдении христианских запретов на интимные отношения у супругов в Средневековье оставалось бы лишь по 5–6 дней в месяц. См.: Flandin J.-L. Un temps pour embrasser. Paris, 1983. P. 56–57.
- ³ РИБ. Т. VI. С. 43; Казнь жены, свой грех не исповедавшей. Фреска церкви Иоанна Предтечи в Ярославле. Сер. XVII в. // ИРЛ. Т. II. М.; Л., 1948. С. 178 (вклейка).
- ⁴ Matthews Grieco S. F. La retour de la pruderie // Duby G., Perrot M. (Dir.) Histoire des femmes en Occident. Paris, 1991. V. III. P. 76.
- ⁵ Афанасию Никитину еще в XV в. показался отвратительным обычаем индусок «сбривать не себе все волосы», особенно «хде стыд» (Хождение за три моря Афанасия Никитина. 1466–1472. М., 1960. С. 63); с течением времени обнажения стали еще предосудительнее: «Ничтоже пред очесы человеческими обнажит еже обыкновение и естество сокровенно имети хочет» (Епифаний. С. 330). Из переводных текстов изымались все «неполезные» (и прежде всего любовные) сюжеты и сцены. См.: Белобородова О. А., Творцов О. В. Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 192.
- ⁶ «Лики святых они пишут с величайшею скромностью, гнушаясь тех икон, на которых есть непристойное изображение обнаженных частей тела» (Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983. С. 211).
- ⁷ «Обычаи жен». Конец XVII в. // РО РНБ. Собр. Толстого. II-47. Q. XVII. 2. Л. 34.
- ⁸ «Наивная беспечность, с которой все, вплоть до интимнейших сцен, происходило в присутствии посторонних» являлось, по мнению Й. Хейзинга, типичным для «обиходных форм любви в Средневековье». См.: Хейзинга Й. Осень Средневековья. М., 1988. С. 135; ср.: Снегирев. С. 115.
- ⁹ «Устрои ему обычную постелю, сама же с вечера возлегаше на печи бес постели, и мало сна принимаше...» (ПоУО. С. 101).
- ¹⁰ МДРПД. С. 51, 65, 241; Исповедь. С. 92, 145, 148, 151, 161, 279; раздельное спанье могло быть осуществлено лишь в домах элиты; особо строго к требованию «опочивать в покоях порознь» относились в царской семье (см.: Котошихин. С. 14); простой народ спал

«на печи, рядом мужчины, женщины, дети, слуги и служанки, под печами мы встречали кур и свиней» (Олеарий. С. 203, 222); Требник 1606 г. // Collection of Printed Slavonic Books. University of Toronto. № 49. P. 671; Русский требник. XVI в. // Болгарская национальная библиотека. София. Рукописный отдел. N.246 (103). Л. 135.

- ¹¹ ПоЕЛ. С. 309; Несмотря на положительное влияние этой рекомендации на здоровье женщин, «подтекст» ее был отнюдь не гигиенический. Женщина считалась «ответственной» за временную неспособность к деторождению, любое же кровотечение могло означать самопроизвольный или, хуже, специально инициированный аборт (отсюда — требование немедленно покинуть храм, если месячные начались у нее в церкви). Также в Европе: Flandrin J. L. Un Temps pour embrasser... P. 73–82. Осужденную на казнь женщину в Московии в течение этих 6 недель не подвергали наказанию, равно как беременную — до родов и 40 дней после их. См.: Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII в. Л., 1986. № 244. С. 179.
- ¹² МДРПД. С. 59, 61, 64; РИБ. Т. VI. С. 57; 5 лет епитимьи за аборт против 7 лет за контрацепцию: Требник 1656 г. // Hillandar collection. Hillandar Library. Ohio State University. № 170. Л. 89 п.
- ¹³ МДРПД. С. 41, 127, 152; РИБ. Т. VI. С. 870–871.
- ¹⁴ ПоЦил. С. 430.
- ¹⁵ ПСРЛ. Т. I. С. 34. Под 980 г.; Т. II. С. 106. Под 1173 г.; С. 135–136. Под 1187 г.; С. 136–138. Под 1188 и 1190 гг.; ПоКГ. С. 9; «и воссташа играша плясанием и по плясании начаша блуд творити с чужими женами и сестрами» (ПДРЦУЛ. Вып. 3. СПб., 1897. С. 104); в поздних источниках — переводных фацециях XVII в. — явление это нашло отражение в некоторых комментариях и добавлениях, дописанных переводчиками в Московии. См.: Фацеции. С. 14, 32, 41, 45.
- ¹⁶ Фрески церкви Иоанна Предтечи в Ярославле. Сер. XVII в. // ИРЛ. Т. II. М.; Л., 1948. С. 178.
- ¹⁷ Лихачев Д. С. Будущее литературы как предмет изучения // Новый мир. 1969. № 9. С. 171.
- ¹⁸ Демин А. С. Отрывки неизвестных посланий и писем XVI–XVII вв. // ТОДРЛ. М., 1965. Т. XXI. С. 193 (оригинал: РНБ. Q. XVII. 67. Л. 212об — 213).
- ¹⁹ Пушкарева Н. Л. Сексуальная этика... С. 51–103; Кон И. С. Сексуальность и нравственность // Этическая мысль — 1990. М., 1990. С. 58; «Живот на живот — все заживет», «Тело в тело — любезное дело», «Грех — пока ноги вверх, а опустила — Господь и простил» (СС. С. 48, 58, 64).

- ²⁰ ПоККМТ. С. 77; Беседа. С. 497; Ср.: Foucault M. Histoire de la sexualité Paris, 1976. С. 62–63.
- ²¹ Былины. Изд. МГУ. М., 1957. С. 59, СС. С. 56–57; Исповедь. С. 104, 145–146; МДРПД. С. 28; о терминологии коитальных позиций в древнерусских епитимийниках см.: Levin E. Op. cit. P. 172–176. Герберштейн полагал, что к «извращенному любострастию» русские приобшились благодаря татарам (Герберштейн. С. 167).
- ²² ПоСМ. С. 213.
- ²³ Это выражение использует и Аввакум в своих посланиях, однако оно достаточно старо. Подробнее см.: Аввакум. Послания, челобитные, письма. Подготовка текста и комментарии Н. С. Демковой // ПЛДР. XVII (1). С. 576, 696.
- ²⁴ ПоВЗ. С. 403; Домострой. С. 464–465.
- ²⁵ В этом смысле примечательна ремарка на полях переводного польского жарта: «Ни демон сего разумеет, что женская плоть умеет» («Како баба диавола обманула». Из сборн. жартов конца XVII в. // РО РНБ. Собр. Толстого. II-47. Q. XVII. 2. № 64. Л. 42); ПоККМТ. С. 77; ПоЦиЛ. С. 429.
- ²⁶ Яковлев В. А. К литературной истории древнерусских сборников. Опыт исследования «Измарагда». Одесса, 1893. С. 57–59; ср. в Европе того же времени: Flandrin J. L. Un Temps pour embrasser: Aux origines de la morale sexuelle occidentale (VI–XI s.). Paris, 1983. P. 13–15, 82.
- ²⁷ Даже сексуальный грех в церкви стал считаться в России XVII в. менее предосудительным, чем «упьянчивый» священник (Памятники старинной русской литературы. Т. IV. СПб., 1862. С. 149). В «Повести о Тимофее Владимирском» описано, как юная прелестница совершила в церкви «блудный грех» с исповедовавшим ее священником: «не могли терпети разгорения плоти своея», священник «пал на девицу» прямо в храме, но покаялся и был прощен митрополитом (Русские повести XV–XVI вв. М., 1958. С. 119–123). За подобное преступление во Франции совершившие его подвергались остракизму и быть «прошены» не могли (Maurel Ch. Structures familiales et solidarités linagères X Marseille au XV siècle: Autur de l'ascension sociale des Forbin // Annales: E. S. C. 1986. № 3. P. 680).
- ²⁸ Сатир 1684 г. // РО РГБ. Ф. 256 (Румянцева). № 411. Л. 228; «увидев тело ея и под левым сосцем усмотрив бородавку с некоторыми власы лисоватыми...» (ПоК. С. 83); как плач о загубленной красоте воспринимается и описание девичьего тела, не тронутого огнем, в «Отрачительном писании» Евфросина (1691 г.). См.: Елеонская А. С. Русская публицистика второй половины XVII в. М., 1978. С. 186–231.
- ²⁹ ПоПЗК. С. 347.

- ³⁰ «Есть у тебя красное золото аравитское, да всадил бы я свое булатное копьё в твоё таволжаное ратовище и утешил бы я свою мысль молодецкую и твоё сердце девичье»; «красный луг, а в нём слаткая трава, и спустил бы я свой доброй кон наступчивой в твою чистой, красной луг» (СоМид. С. 81–84). См. также народную эротическую терминологию в былинах раннего происхождения: Былины. М., 1957. С. 167–170.
- ³¹ Delumeau J. *Le péché et la peur en Occident*. Paris, 1983. P. 331.
- ³² Kelso R. *Doctrine for the Lady of the Renaissance*. Urbana, 1956, reprint — 1978; Kelly-Gagol J. *Did Women Have a Renaissance? // Becoming Visible: Women in European History*. Ed. By R. Bridenthal and C. Koony. Boston, 1977; MacLean J. *The Renaissance Notion of Women*. Cambridge; L., 1980. P. 92.
- ³³ ПЛДР. XVII (1). С. 16, 351 и др. Однако дальнейшая индивидуализация речи, разделение её по профессиональным и социальным признакам — явление уже XVIII в.
- ³⁴ Пропп В. Я. *Русский героический эпос*. Л., 1955. С. 384–393; Народные исторические песни. М.; Л., 1962. С. 328–329; Дмитриев Л. А. Первоначальный вид «Сказания о молодце и девице» // ТОДРЛ. Т. XXIV. М., 1969. С. 208–209; см. также о лексемах в словах «примолвить», «приголубить» в кн.: Лопарев Хр. *Вновь найденная эротическая повесть народной литературы*. СПб., 1894. С. 9.
- ³⁵ ПоБК. С. 280–281, ПоПЗК. С. 328–336. См. подробнее: Веселовский А. Н. Из истории романа и повести // Сборник ОРЯС. СПб., 1888. Т. XLIV. № 3. С. 278, 284; Кузьмина В. Д. Рыцарский роман на Руси. М., 1964. С. 27; Фацеции. С. 56, 69; Памятники старинной русской литературы. Вып. 2. СПб., 1880. С. 461; ПоПЗК. С. 333.
- ³⁶ Примечательно, что русские переводчики европейских повестей считали главными героями не женщин (даже добродетельных), а активных, целеустремленных, решительных мужчин, изменяя соответствующим образом и заглавия их, и отчасти тексты, — скажем, «*Historia o Magielonie*» превратилась в «*Повесть о Петре Златых Ключей*». См. Кузьмина В. Д. Указ. соч. С. 179.
- ³⁷ СоМид. С. 81–84; ПоСМ. С. 228; ср.: ПоФС. С. 57: «не взирая ни на какой себе страх и ростлил её девство»; мужчина в некоторых текстах XVII в. характеризуется героинями как «налимий взгляд», «волчья суть», «ни ума, ни памяти, свиное узорочье», «ежовая кожа, свиновая рожа», и резкость таких характеристик находит аналогии в церковных назидательных сборниках, где подобным образом «аттестовались» в прежнее время женщины: «змия василиска», «скорпия», «ехидна», «аспида» и т. д. (Беседа. С. 492).

- ³⁸ Имеется лишь один текст, полный издевки над юношей, решившим «ся украсить» (мотивация такого поведения в тексте отсутствует): «Како, о юноше, естеству тя мужа творящу, сам себе уневестил еси?» («На украшение юнош». Конец XVII в. // РО РНБ. Собр. Толстого. II-47. Q. XVII. 2: Л. 11об.).
- ³⁹ ПоВЗ. С. 395.
- ⁴⁰ Беседа. С. 491; МосДиБП. Отд. 5. № 16. С. 235–241; см. также: Новомбергский Н. Колдовство в Московской Руси XVII столетия. СПб., 1906; Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 1. С. 481–483.
- ⁴¹ Пушкирева Н. Л. Сексуальная этика... С. 58; Беседа. С. 491; обавницы «сообчали с очей на очи» друг другу, как «ворожучи людей приворачивать, а у мужей к женам серцо и ревность отимати», и, судя по челобитным середины XVII в., многим это удавалось («она ж, Овдотья, тем воружучи, мужа своего обошла, что хочет — то и делает») — см.: МосДиБП. Отд. 5. № 16. С. 246; среди возбуждающих потенцию средств первой названа икра (Олеарий. С. 203).
- ⁴² РО РГБ. Собр. Кириши Данилова. Е. XIV. № 68. Л. 98–100; Кляус В. Л. Русский эротический фольклор как источник изучения народной сексологии // Национальный эрос в культуре. М., 1995. С. 25–26.
- ⁴³ Брюсова В. Г. Русская живопись XVII века. М., 1984. № 115.
- ⁴⁴ «Како мужа жена перелукавила». Из сборн. жартов конца XVII в. // РО РНБ. Собр. Толстого. II-47. Q. XVII. 2. Л. 39 об.; ПДРЦУЛ. СПб., 1897. Вып. 3. С. 122–123; Каган-Тарковская М. Д. «Слово о женах добрых и злых» в сборнике Евфросина // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976. С. 385.
- ⁴⁵ Песни из архива П. А. Квашнина-Самарина // ПЛДР. XVII (1). С. 597–598.
- ⁴⁶ ПоСМ. С. 197, 208 и др.; Беседа. С. 490–491.
- ⁴⁷ «Во отнесение укоризны». Из сборн. жартов конца XVII в. // РО РНБ. Собр. Толстого. II-47. Q. XVII. 2. Л. 57об. — 58; Подробнее см.: Фацеции. С. 52.
- ⁴⁸ Дети. С. 119; Borst A. Lebensformen im Mittelalter. Frankfurt am M.; Berlin, 1973; ВИМОИДР. М., 1950. Т. VI. С. 45, 74; Т. X. 1852. С. 31–33; Т. XII. М., 1952. С. 37, 43, 49; Частная переписка кн. И. И. Хованского // Старина и новизна. М., 1905. Т. 10. С. 283–462; Грамотки. С. 236. № 398; С. 236. № 399 и др.
- ⁴⁹ ПоБК. С. 281.
- ⁵⁰ Демкова Н. С. Переписка Ф. П. Морозовой с Аввакумом и его семьей // ПЛДР. XVII (1). С. 697; Барсков Я. Л. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912. С. 298.

- ⁵¹ От приверженцев старообрядчества ожидалось полное отречение от мирских радостей: Памятник истории старообрядчества XVII в. Кн. 1. Вып. 1. (РИБ. Т. XXXIX.) Л., 1927. Стб. 943. Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе в XVII в. СПб., 1898. С. 42.
- ⁵² Барсков Я. Л. Указ. соч. № 12, 13. С. 33–35.
- ⁵³ Барсков Я. Л. Указ. соч. № 20. С. 42–43.
- ⁵⁴ ПоСГ. С. 40; ПоКС. С. 67; ПоКС. С. 67; ПоУО. С. 101; Аввакум — семье. 1669 г. // Барсков Я. Л. Указ. соч. № 22. С. 44–45.
- ⁵⁵ «О доброй жене» // РО ГИМ. Шукинск. № 381. Л. 232; ПоГЗ. С. 29.
- ⁵⁶ Новгородские записные кабальные книги 100–104 и 111 годов. Под ред. А. И. Яковлева. М.; Л., 1938. Стб. 198 (1594 г); «О злоязычной и непокорней жене» // РО РНБ. Q. XVII. 12. Л. 48; «О жене некоей» // РО БАН. 13. 6. 8. Л. 52об., 346. «Об Августе-кесаре и о его ближнем сановнике» // РО БАН. 17. 7. 36. Л. 56.
- ⁵⁷ Фацеции. С. 80; ср. проложную пословицу «Море и огонь и жена — три зла» (Снегирев. С. 74).
- ⁵⁸ ПДРЦУЛ. СПб., 1897. Вып. III. С. 121–124; Фацеции. С. 82–95. Каким бы «бродячим» ни был сюжет переводных новелл и фацеций, русский быт и русская обстановка «просвечивали» сквозь повествование, позволяя современному исследователю отделять «иноземное» от «отечественного». См. подробнее: Скрипиль М. О. Неизвестные и малоизвестные повести XVII века // ТОДРЛ. М.; Л., 1948. Т. VI. С. 331.
- ⁵⁹ Беседа. С. 493; ПоК. С. 81; ПоСГ. С. 43; Адрианова-Перетц В. П. Древнерусская литература и фольклор. Л., 1974. С. 161.
- ⁶⁰ Слово о женах добрых и злых. XVII в. // РО РНБ. Собр. Кир.-Белоз. монастыря. № 9/1086. Л. 119об. То же в «Поучении» Аввакума: «А прелюбодейна румянами, белилами умазалася, брови и очи подсурмила, уста багряноносна...» (подробнее см.: Иоанн экзарх Болгарский в сочинениях Аввакума // ТОДРЛ. М.; Л., 1963. Т. XIX. С. 371).
- ⁶¹ ПоСМ. С. 195; ПоСГ. С. 40; ПоК. С. 79–85; ПоКГ. С. 95; ПоБЖС. С. 153.
- ⁶² Ср. также в жартах: «О жене благоразумной...» // РО БАН. № 45. 5. 30. Л. 192–194.
- ⁶³ ПоКС. С. 70.
- ⁶⁴ ПоФС. С. 55–65.
- ⁶⁵ «О несогласии в советех». Конец XVII в. // РО РНБ. Собр. Толстого. II-47. Q. XVII. 2. Л. 13.
- ⁶⁶ ПоПЗК. С. 328–367. Подробнее см.: Кузьмина В. Д. Рыцарский роман на Руси. М., 1964. С. 155; ВЗ. С. 378–379; Повесть о некоем купце Григории. Список БАН // Скрипиль М. О. Неизвестные и малоизвестные русские повести XVII в. ТОДРЛ. М.; Л., 1948. Т. VI. С. 329, 331.

- ⁶⁷ «Ответ Сократов» // Там же. Л. 35.
- ⁶⁸ Подобные сообщения есть и у Даниила Заточника, и в «Беседе отца с сыном о женской злобе» («аще бьей ю жезлием или пинанием или за волосы рванием, и она злобою своею, что змия шипит, в сердце его злохитрством секнет...» (РО РНБ. Собр. ОЛДП. Q. 18. Л. 156об. — 157).
- ⁶⁹ МосДиБП. № 52. С. 68–69 (1655 г.).
- ⁷⁰ МосДиБП. № 7 (отд. 4). С. 140 (2 мая 1666 г.): «...что муж ее Евсей... бил ее, сняв рубаху, смертным боем до крови, и по ранам натирал солью, и она, Фекла, не стерпя побои... пришла к тетке своей...» (МосДиБП. № 10 (отд. 5). 1679 г. С. 231).
- ⁷¹ ПоСМ. С. 208.
- ⁷² Сборн. рукопись XVII в. // РО РГБ. Собр. Ундольского. № 668. Л. 73об. Подробнее см.: ЖДР. С. 139–155.
- ⁷³ Олеарий. С.202; о положении и правах женщин в древнерусском уголовном праве см.: ЖДР. С. 139–155; некоторые вопросы прав женщин в московском уголовном праве отражены в кн.: Развитие русского права в XV — первой половине XVII в. М., 1986. С.157–203. Сравнительный материал см.: Lévy J.-Ph. L'Officialité de Paris et les questions familiales à la fin du XIV siècle // Etudes du droit canonique dédiés à Gabriel Le Bras. Paris, 1965. Bd. 2. P. 1265–1294; Porteau-Bitker A. Criminalité et délinquances féminines dans le droit pénal des XIIIe et XIVe siècles // Revue historique du droit français et étranger. 1980. Vol. 58. P. 18–56. За мужеубийство женщины в Московии XVI–XVII вв. могли быть наказаны кнутом или «окопаны в землю»; в целом же наказания женщин за любые виды преступлений в Московии XVI–XVII вв. бывали «те же, что и мужеску полу, окромя того, что на огне жгут и ребра ломают. А смертные казни женскому полу бывают: за богохульство, церковную татьбу и содомское дело жгут живых, за погубление детей живых закапывают в землю по титки... а которые люди воруют с чужими женами и з девками — водют по улице нагих и бият кнутом» (Котошихин. С.116) Одним из «легких» наказаний было лишение свободы — «дача за приставы», то есть тюремное заключение (Тельберг Г. Г. Очерки политического суда и преступлений в Московском государстве XVII в. М., 1912. С. 223).
- ⁷⁴ Адрианова-Перетц В. П. К истории русской пословицы // Адрианова-Перетц В. П. Древнерусская литература и фольклор. Л., 1974. С. 161; ПоСГ. С. 39–54; СУДС. С. 123–124.
- ⁷⁵ МР. № 17. С. 340 (1599 г.); Аввакум — Ф. П. Морозовой, Е. П. Урусовой, М. Г. Даниловой. Вторая половина 1673–1675 гг. // РО ГИМ. Музейное собр. № 2582. Л. 123–123об.; Снегирев. С. 63.

- ⁷⁶ Демократическая поэзия XVII в. Подг. текста В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1963. С. 98; ПоК. С. 80
- ⁷⁷ См.: ПоК. С. 79–85; Goehrke C. Herr und Herzenfreund». Die hochgestellte Moskowiterin nach privaten Korrespondenzen des späten 17. Jh-s // Festschrift zum Ehren Peter Brang. Zürich, 1989. P. 23–38.
- ⁷⁸ ПРГ. М., 1861. Т. II. С. 1–3; М., 1896. Т. V. С. 2–74 и др. ВИМО-ИДР. М., 1950. Т. VI. С. 45, 74; 1852. Т. X. С. 31–33; М., 1852. Т. XII. С. 37, 43, 49; Частная переписка князя И. И. Хованского // Старины и новизна. М., 1905. Т. 10. С. 283–462; Грамотки. № 398 С. 236; № 399. С. 236. и др.
- ⁷⁹ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Иркутск, 1979. С. 120.
- ⁸⁰ ВЗ. С. 72, 205, 378–379; ПоПЗК. С. 351, 361, 365 и др.
- ⁸¹ ПРГ. Т. V. С. 3; «...О том, невестушка, гораздо кручинится, что вы не утешаете: грамотки не часто пишете, а ты ведаешь, невестушка, и сама, каковы матушке вы милы...» (А. И. Хованская — П. А. Хованской. 70-е гг. XVII в. // Частная переписка. С. 398).
- ⁸² Грамотки. С. 2.
- ⁸³ В наиболее ранних дошедших до нас письмах крестьян (конец XVIII в.) поражает прямота и безыскусность выражения ласки и нежности: «истопи мне баню и выпарь меня, как малого ребенка, у себя на коленях, такова болшова толстова ребенка» — Государственный архив Тюменской области. Тобольский филиал. Ф. 156. 1754 г. Д. 72. Л. 23. См. также: Миненко. С. 138.
- ⁸⁴ Д. И. Маслов — А. С. Масловой. Конец 1690-х гг. // ИпИРН-РЯ. № 74. С. 114; ПРГ. Т. I. С. 2 (1526–1530 гг.); Т. V. С. 16 (1655 г.); ПРГ. Т. I. С. 2. 1530–1532 гг.); См., напр., письма Д. И. Маслова жене, А. С. Масловой // ИпИРН-РЯ. № 71–76. С. 112–115.
- ⁸⁵ П. И. Хованский — П. А. Хованской. Конец XVII в. // Частная переписка. № 13. С. 307.
- ⁸⁶ В. Г. Толбузин — Ф. Д. Толбузиной. Конец 1690-х гг. // ИпИРН-РЯ. № 150. С. 143. Аввакум — Маремьяне Федоровне. Март 1670 г. // РО ГИМ. Собр. Хлудова. № 257. Л. 135; Аввакум — Ф. П. Морозовой и Е. П. Урусовой. Весна 1672 г. // РО РГБ. Собр. Егорова. № 1885. Л. 174–178.
- ⁸⁷ Browerman J., Vogel S., Clarkson F. Sex-Role Stereotypes: a Yurrent Apparaisal // Journal of Social Issues. V. 28. 1972. P. 59–78; Gilligan C. In a Different Voice. Phychological Theory and Women's Development. London, 1982. Перевод: Гиллиган К. Иным голосом // Этическая мысль. М., 1992. С. 346.

- ⁸⁸ Частная переписка. № 149. С. 423. Барсков Я. Л. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912. С. 296 (1668–1669 гг.).
- ⁸⁹ А. С. Чаадаева — П. А. Хованской. Конец XVII в. // ВИМОИДР. М., 1852. Кн. 12. С. 34, 44. ВИМОИДР. М., 1850. Кн. 6. С. 40.
- ⁹⁰ Частная переписка. № 119. С. 399; см. также: «челом бью за милость твою на гостинцах на яблоках, и на вишнях, и на коврижечках» — там же. № 129. С. 406; № 134. С. 411; Грамотки. № 220. С. 119.
- ⁹¹ ПРН-РЯ. № 106. С. 62 (сентябрь 1679 г.).
- ⁹² Грамотки. № 37. С. 32; № 67. С. 48. № 43. С. 35; № 106. С. 63; № 91. С. 57; № 111. С. 65; № 195. С. 108.
- ⁹³ Там же. № 107. С. 63; Ф. Д. Маслов — А. С. Масловой. Конец 1690-х гг. // ИпИРН-РЯ. № 75. С. 114; там же. № 99. С. 60.
- ⁹⁴ Там же. № 84. С. 55. Разумеется, отношения зятей и тещ складывались в разных семьях по-разному. Бывали и конфликты, вроде описанного в челобитной москвички П. Тороповой: «Осталась я бедная в домишку с зятем и зять мой, не почитая меня и тетки моеи, бьет нас и увечит и с двора ссылает неведомо для чего... (вероятно, дочь челобитчицы полностью во власти мужа и не может защитить мать. — *Н. П.*)» (МосДиБП. № 126. С. 113; 1 февраля 1686 г.).
- ⁹⁵ Р. Давыдов — А. С. Масловой. Конец 1690-х гг. // ИпИРН-РЯ. № 78. С. 115.
- ⁹⁶ А. С. Чаадаева — А. И. Кафтыревой. Конец XVII в. // Частная переписка. № 168. С. 452; «...Свекровь снохе говорила: невестушка, полно молоть, отдохни — потолки» (Симони. Т. I. С. 351). См. также: Адрианова-Перетц В. П. Древнерусская литература и фольклор. Л., 1974. С. 131.
- ⁹⁷ ПоК. С. 86.
- ⁹⁸ Беседа отца с сыном о женской злобе. XVII в. // РО РНБ. Собр. ОЛДП. Q. 18. Л. 154).
- ⁹⁹ Ср., напр. письма Д. И. Маслову от А. С. Масловой и письма А. С. Масловой от Д. И. Маслова конца 1690-х гг. // ИпИРН-РЯ. № 36. С. 100 и № 71. С. 112; ПоКГ. С. 97. В этом смысле примечательна ремарка автора одной из повестей о возвратившемся Фоме Грудцыне: «Яко обычное целование подаде жене своей...» (ПоСГ. С. 46) — речь здесь шла именно о «целовании», а не «лобзанье» соскучившихся любящих друг друга супругов.
- ¹⁰⁰ М. П. Салтыкову от его жены Марицы // РО ГИМ. Ф. 502. № 42. Л. 20—20об.
- ¹⁰¹ Д. Ларионова — И. С. Ларионову // ИпИРН-РЯ. № 6. С. 65 (1696 г.).
- ¹⁰² Там же. № 7. С. 67 (1696 г.).
- ¹⁰³ Е. Ларионова — Т. С. Ларионову. 26 апреля 1670 г. // ИпИРН-РЯ. № 20. С. 74.

- ¹⁰⁴ ПоСГ. С. 42; Частная переписка. № 136. С. 412; ПоЕЛ. С. 320; ВИМОИДР. М., 1850. Кн. 6. С. 56.
- ¹⁰⁵ Тимофею Савиновичу от неустановленного лица // РО СПбФ ИРИ РАН. Ф. 117. № 1754. Л. 2.
- ¹⁰⁶ А. Г. Кровкова — П. А. Хованской. 1670-е гг. // Частная переписка. № 131. С. 408–409.
- ¹⁰⁷ Там же. № 135. С. 412.
- ¹⁰⁸ ПоСМ. С. 231.
- ¹⁰⁹ ПоК. С. 79. Ср. о княгине Ольге Романовне: «а мне воставши смотреть, кто что имет чинити по моем животе» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 214–217. Под 1247 г.).
- ¹¹⁰ Тот же сюжет в песнях: «Жалела я милого, как душу в лепом теле, а нынечи миленькой мне же насмехаетца, оглашает меня небылицею» (Демократическая поэзия XVII в. М.; Л., 1962. С. 99).
- ¹¹¹ ПоК. С. 84–85. А. И. Хованская — П. А. Хованской. Конец XVII в. // Частная переписка. № 118. С. 399.
- ¹¹² Аввакум. Послания, челобитные, письма. Конец XVII в. // ПЛДР. XVII (1). С. 560.
- ¹¹³ Т. И. Голицына — В. В. Голицыну // ВИМОИДР. М., 1852. Кн. 12. С. 33–34.
- ¹¹⁴ П. В. Окулов — жене Прасковье Лукьяновне // РГАДА. Ф. 159. № 655. Л. 55.
- ¹¹⁵ А. Г. Кровкова — П. А. Хованской. Конец XVII в. // Частная переписка. № 137. С. 413.
- ¹¹⁶ ПРГ. Т. I. № 55. С. 57 (1619 г.).
- ¹¹⁷ А. С. Маслова — Д. И. Маслову. Конец 1690-х гг. // ИпИРН-РЯ. № 36. С. 100.
- ¹¹⁸ Частная переписка. № 139. С. 414.
- ¹¹⁹ Д. Ларионова — И. С. Ларионову // ИпИРН-РЯ. № 6. С. 65 (1696 г.).
- ¹²⁰ А. И. Кафтырева — Б. И. Камынину. Между 1659 и 1663 гг. // Частная переписка. № 171. С. 456.
- ¹²¹ Из дела по челобитью А. Протопоповой // МосДиБП. № 2 (отд. 5). (1659 г.) С. 201.
- ¹²² См., напр., описание «воплей» Ксении Годуновой, оставленной на растерзание Дмитрию Самозванцу: Авраамий Палицын. Сказание // РИБ. Т. XIII Стб. 1182; Игнатов В. И. Мировоззрение русского народа в эпических произведениях начала XVII вв. Ростов, 1970. С. 33.
- ¹²³ ПоПЗК. С. 332; ПоУО. С. 99.
- ¹²⁴ Барсков Я. Л. Указ. соч. № 12, 13, 19, 20, 22, 32, 34.
- ¹²⁵ ПоТОМ. С. 112; А. Г. Кровкова — П. А. Хованской. Конец XVII в. // Частная переписка. № 137. С. 413.

Список сокращений

- АИ* Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией Академии наук. Т. 1. СПб., 1841.
- Антология* Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства X–XVII вв. М., 1985.
- Асмолов* Асмолов А. Г. Психология личности. М., 1990.
- АСЭИ* Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. М., 1954. Т. 1; М., 1958. Т. 2; М., 1964. Т. 3.
- БАН* Библиотека Академии наук (Петербург).
- Беседа* Беседа отца с сыном о женской злобе. XVII в. // ПЛДР. XVII в. М., 1988. Кн. 1.
- Болотов* Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим. СПб., 1871.
- Буш* Буш В. В. Памятники старинного русского воспитания. Пг., 1918.
- Вечеря* Симеон Полоцкий. Вечеря душевная // Буш.
- ВЗ* Великое Зерцало // Державина О. А. Великое Зерцало и его судьба на русской почве. М., 1965. Тексты.

- ВИМОИДР* Временник императорского Московского общества истории и древностей российских.
- ГАВО* Государственный архив Владимирской области.
- Герберштейн* Герберштейн С. Записки о московитских делах. СПб., 1908.
- ГИМ* Государственный исторический музей.
- Горсей* Горсей Дж. Записки о России XVI — начала XVII вв. М., 1990.
- Грамотки* Грамотки XVII — начала XVIII в. М., 1969.
- Давид* Давид И. Современное состояние великой России или Московии // Вопросы истории. 1968. № 4. С. 140—146.
- ДАИ* Дополнения к актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией Академии наук. СПб., 1875. Т. 1.
- Даль₁* Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 1957.
- Даль₂* Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1—4.
- ДД* В. Д. Кузьмина. Девгениево деяние. Приложения. Реконструкция текста. М., 1962.
- Дети* Ивановская Т. Дети в пословицах и поговорках // Вестник воспитания. Год XIX. М., 1908. С. 112—162.
- Домострой* Домострой. Текст подготовлен Колесовым В. В., Рождественской В. В. М., 1994.
- Епифаний* Епифаний Славинецкий. Гражданство обычаев детских // Буш. С. 33—38.
- ЖДР* Пушкарева Н. Л. Женщины Древней Руси. М., 1989.
- ЖСР* Житие Сергия Радонежского // ПЛДР. XIII. С. 257—429.
- ИЗ* Исторические записки.
- ИпИРН-РЯ* Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII — начала XVIII века. Подгот. С. И. Котков, Н. П. Панкратова. М., 1964.
- ИРИ* История русского искусства.

- ИРЛ* История русской литературы.
- Исповедь* Алмазов А. Тайная исповедь православной восточной церкви. Т. III. Приложение. Тексты. Одесса, 1894.
- КК* Кормчая книга. Перепечатано с оригинала патриархом Иосифом. М., 1913.
- Коллинз* Коллинз С. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне. М., 1846.
- Костомаров* Костмаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI—XVII столетиях. М., 1993.
- Котошихин* Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906.
- Лечебник* Лечебник от многих мудрецов от различных врачей-вещех ко здравью человеческому предстоящих // ПЛДР. XVI—XVII.
- Мейерберг* Путешествие в Московию барона Августина Мейерберга в 1661 г. // ЧОИДР. 1873. № 3. С. 1—104; 1874. № IV. С. 169—216.
- Маржерет* Состояние Российской державы и великого княжества Московского: Сочинение капитана Маржерета. XVII в. // Сказания современников о Дмитрие Самозванце. Перевел Н. Устрялов. СПб., 1859. Ч. 1.
- МДРПД* Смирнов С. И. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины // ЧОИДР. Т. 3. М., 1912.
- Миненко* Миненко Н. А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII — первой половине XIX в.). Новосибирск, 1979.
- МосДиБП* Московская деловая и бытовая письменность XVII в. Изд. подг. С. И. Котков, А. С. Орешников, И. С. Филиппов. М., 1968.
- МР* Котков С. И. Московская речь в начальный период становления русского национального языка. М., 1974.

- НГБ (1951)* Арциховский А. В., Тихомиров М. Н. Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1951 г. М., 1953.
- НГБ (1952)* Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1952 г. М., 1954.
- НГБ (1953—1954)* Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1953—1954 гг. М., 1958.
- НГБ (1955)* Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1955 г. М., 1958.
- НГБ (1956—1957)* Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1956—1957 гг. М., 1963.
- НГБ (1958—1961)* Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1958—1961 гг. М., 1963.
- НГБ (1961)* Арциховский А. В., Тихомиров М. Н. Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1961 г. М., 1963.
- НГБ (1962—1976)* Арциховский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1962—1976 гг. М., 1978.
- НГБ (1977—1983)* Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1977—1983 гг. М., 1986.
- НГБ (1984—1989)* Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1984—1989 гг. М., 1993.
- НГБ (1990—1993)* Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1990—1993 гг. // Вопросы языкознания. 1994. № 3.
- Неизвестный англичанин* Описание России неизвестного англичанина, служившего зиму 1557—1558 гг. при царском дворе (Известия англичан о России во второй половине XVI в.) // ЧОИДР. 1884. № 10—12.
- НПЛ* Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

- НС* Нила Сорского предания и устав. Подг. текста И. С. Боровиковой-Майковой. СПб., 1912.
- ОЛДП* Общество любителей древней письменности.
- Олеарий* Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1905.
- ОРЯС* Отделение русского языка и словесности императорской Академии наук.
- ПВЛ* Повесть Временных лет. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. Ч. 1—2.
- ПДП-ХVII-ВлК* Памятники деловой письменности ХVII в. Владимирский край. Под ред. С. И. Коткова. М., 1984.
- ПДРЦУЛ* Памятники древнерусской церковно-учительской литературы. Под ред. А. И. Пономарева. СПб., 1895—1898. Вып. 1—4.
- ПЛДР* Памятники литературы Древней Руси.
- ПЛДР. ХVII (1)* Памятники литературы Древней Руси. ХVII век. М., 1988. Кн. 1.
- ПоБК* Повесть о Бове Королевиче // ПЛДР. ХVII (1).
- ПоБЖС* Повесть о бесноватой жене Соломонии. ХVII в. // Памятники старинной русской литературы, изд. Г. Кушелевым-Безбородко. СПб., 1862. Вып. III.
- ПоВЗ* Повесть о Василии Златовласом. ХVII в. // ПЛДР. ХVII (1).
- ПоГЗ* Повесть о Горе-Злочастии // ПЛДР. ХVII (1).
- ПоЕЛ* Повесть о Еруслане Лазаревиче // ПЛДР. ХVII (1).
- ПоК* Повесть о купце, заложившемся о добродетели жены своей // ПЛДР. ХVII (1).
- ПоКГ* Повесть о купце Григории // ПЛДР. ХVII (1).
- ПоККМТ* Повесть о купце, купившем мертвое тело и ставшем церем // ПЛДР. ХVII (1).
- ПоПЗК* Повесть о Петре Златых Ключей // ПЛДР. ХVII (1).
- ПоПиФ* Повесть о Петре и Февронии. Подгот. текста и исслед. Р. П. Дмитриевой. Л., 1979.

- ПоРРБ* Повесть о разорении Рязани Батыем // ПЛДР. XIII в. М., 1981. С. 184–200.
- ПоСМ* Повесть о семи мудрецах // ПЛДР. XVII (1).
- ПоСМиМД* Притча о старом муже и молодой девице // Хрестоматия по древней русской литературе. М., 1952. С. 448–453.
- ПоСГ* Повесть о Савве Грудцыне // ПЛДР. XVII (1).
- ПоТОм* Повесть о Тверском Отроче монастыре // ПЛДР. XVII (1).
- ПоУО* Повесть об Ульянии Осорбиной // ПЛДР. XVII (1).
- ПоФС* Повесть о Фроле Скобееве // ПЛДР. XVII (1).
- ПоЦиЛ* Повесть о царице и львице // ПЛДР. XVII (1).
- ПРГ* Письма русских государей и других особ царского семейства. М., 1861–1862. Т. I–IV.
- Принц* Принц Д. Начало и возвышение Московии. М., 1877.
- ПРН-РЯ* Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия (из фонда А. И. Безобразова). Изд. подг. С. И. Котков, Н. И. Тарабасова. М., 1965.
- ПРП* Памятники русского права.
- ПСРЛ* Полное собрание русских летописей.
- ПСЗ* Полное Собрание законов Российской империи.
- Пчела* Древняя русская Пчела по пергаменному списку. Труд В. Семенова. СПб., 1893.
- Рабинович₁* Рабинович М. Г. О древней Москве. М., 1964.
- Рабинович₂* Рабинович М. Г. Город и городской образ жизни // Очерки русской культуры XVII в. М., 1990. Ч. IV. С. 252–299.
- РГАДА* Российский государственный архив древних актов (Москва).
- РГБ* Российская государственная библиотека (Москва).
- Рейтенфельс* Рейтенфельс Я. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии. М., 1905.

- РИБ* Русская историческая библиотека.
- РЗ* Российское законодательство X–XX вв. Т. 1. М., 1984. Т. 2. М., 1985.
- РИО* Русское историческое общество.
- РНБ* Российская национальная библиотека (Петербург).
- РО* Рукописный отдел.
- Семенова* Семенова Л. Н. Очерки истории быта и культурной жизни России. Первая половина XVIII в. Л., 1982.
- Симони* Симони П. К. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий. СПб., 1899.
- Словарь* Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–2006.
- Снегирев* Снегирев И. Русские в своих пословицах: Рассуждение и исследование об отечественных пословицах и поговорках. М., 1831.
- СоМид* Сказание о молодце и девице // Пиксанов Н. К. Старорусская повесть. М.; Л., 1923. С. 81–85.
- СоУДС* Сказание об убиении Даниила Суздальского и начале Москвы // ПЛДР. XVII (1).
- СПбФ ИРИ РАН* Санкт-Петербургский филиал Института российской истории Российской академии наук.
- ТОДРЛ* Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом).
- Травник* Травник // ПЛДР. Конец XVI — начало XVII вв. М., 1987.
- УЯ* Устав князя Ярослава Владимировича // ПРП. Вып. I. М., 1952. С. 257–285.
- Фацеции* Державина О. А. Фацеции. Переводная новелла в русской литературе XVII в. М., 1962.
- Флетчер* Флетчер Дж. О государстве русском, или Образ правления русского царя. СПб., 1906.
- Частная переписка* Частная переписка князя Петра Ивановича Хованского, его семьи и родственников // Старина и новизна. М., 1905. Т. X.

- ЧОИДР* Чтения в императорском обществе Истории и древностей российских при Московском университете.
- Шлейссингер* Шлейссингер Г. Полное описание России // Вопросы истории. 1970. № 1. С 109–116.
- НМ* Коллекция фильмокопий рукописей Хиландарского монастыря (Греция), хранящаяся в Хиландарском архиве Государственного университета штата Огайо (Ohio State University. Hillandar Archive. Hillandar Monastery Collection).
- СС* Carey Claude. Les proverbes erotiques russes. The Hague, 1974 (Неизданные в России пословицы, относящиеся к собранию В. И. Даля и П. К. Симоны)

Именной указатель

- Абрамсон М. Л.* 149
Аввакум Петров, идеолог раскола 40, 84, 85, 89, 125, 126, 133, 135, 136, 146, 147, 149, 150, 163, 164, 173, 175–178, 180
Авдотья, жена Михаила Панфильевича 137
Авдотья (Овдотья), мастерица в московской мастерской 58
Авдотья Дмитриевна, автор письма XVII в. 86
Авдотья Михайловна, корреспондентка Ф. Д. Маслова 156, 158
Авраамий Палицын, келарь, писатель XVII в. 180
Аграфена Савельевна, адресат переписки XVII в. 137
Адрианова-Перетц В. П. 149, 154, 163, 176–179, 185
Акулина (Акилина), дочь Аввакума Петрова 85
Александров В. А. 166
Алексей Михайлович, царь 64, 88, 91, 134, 165, 183
Алексей Яковлевич, корреспондент XVII в. 152
Алпатов М. В. 162
Анастасия Романова, первая жена Ивана IV Васильевича 35, 111
Анна (Анница), дочь устюжского дьякона 51–53
Анна, жена тверского князя Михаила Ярославовича 168
Анна Васильевна, дочь великого князя Василия II Васильевича, великая княгиня Рязанская 109
Анна Михайловна, великая княгиня, дочь царя Михаила Федоровича 134
Антошка, ученик живописца 87
Анфим, сын Сильвестра, автора «Домостроя» 120
Архипов Иван, раскольник 126
Арциховский А. В. 158, 184

Арьес Ф. см. *Ariés Ph.*

Асмолов А. Г. 150, 166, 167, 181

Бадинтер Э. см. *Badinter E.*

Бакланова Н. А. 155

Баров Иван Алферьевич, полковник 42

Барова Алена, жена И. А. Барова 42

Барова Елена, корреспондентка П. А. Хованской 153

Баронова В. Т. 154

Барская Н. А. 151, 162

Барсков Я. Л. 175, 176, 179, 180

Баткин Л. 167

Бахрушин С. В. 167

Белобородова О. А. 171

Белокуров С. А. 149

Беляев И. Д. 154

Берман Б. И. 168

Бессмертный Ю. Л. 11, 146, 159, 167

Богаевский П. М. 146

Богатырев П. Г. 165

Болотов А. Т., мемуарист 162, 181

Борецкая Марфа Исакова, новгородская посадница 109

Бродель Ф. 5, 159

Брюсова В. Г. 170, 175

Буслаев Ф. И. 44, 153, 175

Буш В. В. 151, 163, 164, 181

Василий III Иванович, великий князь 28, 29, 79, 149, 158

Василько Маринич — Василий Леонович, внук великого князя Владимира Мономаха 76

Веселовский А. Н. 167, 174

Вздорнов Г. И. 164

Владимир Святославич, великий князь Киевский 161

Владимир Андреевич, старицкий князь 24

Владимир Василькович, волынский князь 86, 93, 101

Владимир Всеволодович Мономах, киевский великий князь 153

Волонская Ненила, писица 58

Всеволод (Дмитрий) Георгиевич, владимирский великий князь 165

Всеволожая, галицкая княгиня 100

Вьдомский В. Т., помещик 85

Георгий, предполагаемый сын Соломонии Сабуровой 28

Герберштейн Сигизмунд, барон (Herberstein Siegesmund, von) 28, 49, 148, 149, 154, 156, 164, 173, 182

Гиллиган К. см. *Gilligan С.*

Глеб Всеславич, минский и полоцкий князь 166

Годунов Борис, царь 110, 116, 160

Годунова И. Ф., дочь Ф. И. Годунова, царица 57

Годунова К. Б., дочь царя Бориса Годунова 35, 180

Голев С. С., холоп, садовник 61
Голицын Алексей Васильевич, князь, сын В. В. Голицына 42

Голицын Василий Васильевич, князь 41—43, 50, 88, 141, 152, 153, 165, 180

Голицына Татьяна Ивановна, княгиня, мать В. В. Голицына 42, 43, 88, 89, 130, 141, 152, 165, 180

- Голицына Юлия, золовка
В. В. Голицына 153
- Голохвастов М. В., дворянин
152
- Голохвастова Федора, дочь
М. В. Голохвастова 152
- Горсей Джером, агент англий-
ской торговой компании 38,
49, 152, 154, 158, 182
- Грачева Арина (Орина), масте-
рица 58
- Грицкевич В. П.* 158
- Громыко М. М.* 151
- Давиденков С. Н.* 170
- Давыдов Р., корреспондент
А. С. Масловой 179
- Даль В. И.* 72, 149, 150, 153, 156,
157, 159–164, 166, 182, 188,
191
- Даниил Заточник, писатель 19,
22, 104, 111, 156, 167, 177
- Данилова М. В., раскольни-
ца 143
- Данилова М. Г., раскольни-
ца 177
- Данн П.* см. *Dunn P.*
- Демин А. С.* 151, 172
- Демкова Н. С.* 146, 173, 175
- Де Моз Л.* см. *De Mause L.*
- Державина О. А.* 181, 187
- Дмитриев Л. А.* 166, 174
- Дмитрий Борисович, ростов-
ский князь 167
- Дмитрий Иванович Донской,
великий князь 100, 105, 107,
168
- Добрыня, дядя великого князя
Владимира Святославича 161
- Долматовна, «мамушка»
А. Г. Кровковой 94
- Евдокия Дмитриевна, княгиня,
жена князя Д. И. Донского
100, 105–107, 168, 191
- Евдокия Федоровна Лопухина,
первая жена Петра I 23, 29
- Евпраксия, жена рязанско-
го князя Федора Юрьевича,
княгиня 101
- Евфросинья Андреевна, жена
старицкого князя Андрея
Ивановича 35, 57
- Евфросинья Ярославна, кня-
гиня, прототип героини
«Слова о полку Игореве»
78
- Екатерина I Алексеевна (Скав-
ронская Марта), императри-
ца 23, 134
- Екатерина Ивановна, вели-
кая княгиня, жена Карла-
Леопольда Мекленбургско-
го 134
- Елена Васильевна Глинская,
жена великого князя Васи-
лия III Ивановича 29, 57, 79,
109, 158
- Елена Ивановна, дочь царя
Ивана III Васильевича, кня-
гиня Литовская, королева
Польская 14
- Елеонская А. С.* 165, 170, 173
- Епифаний Премудрый, писа-
тель, ученик Сергия Радон-
нежского 168
- Епифаний Славенецкий, иеро-
монах, праповедник 84, 152,
153, 156, 157, 163, 164, 171,
182
- Ермолай-Еразм, писатель 20,
110, 117

- Желобовский А. И.* 146
- Забелин И. Е.* 56, 153, 154, 158, 168
- Зализняк А. А.* 184
- Зимин А. А.* 151
- Зиновий Отенский, церковный писатель 169
- Иван III Васильевич, великий князь** 13, 14
- Иван IV Васильевич Грозный, царь** 29, 35, 51, 57, 79, 93, 111, 116, 147, 155
- Иванов К. А.* 147
- Иванов Сергей, шуянин 165
- Игорь Старый, князь Киевский 161
- Иоанн, экзарх Болгарский 176
- Иоанн Дамаскин, церковный писатель 107
- Иона, московский митрополит 77
- Ирина Михайловна, дочь царя Михаила Федоровича 40, 91, 134
- Истомин Карион, поэт 156
- Каган-Тарковская М. Д.* 175
- Кагаров Е. Г.* 157
- Кадлубовский А.* 168
- Казакова Н. А.* 170
- Калачов Н. В.* 164
- Камынин Б. И., адресат письма А. И. Кафтыревой 153, 180
- Карамзин Н. М.* 154
- Карнеев А.* 160
- Катерина Калистратовна, сестра Д. Пестрова 152
- Кафтырев Дмитрий, дворянин 137
- Кафтырева А. И., сестра И. И. Чадаева 146, 152, 153, 156, 165, 179, 180
- Кафтыревы, дворянский род 41
- Квашнин-Самарин П. А. 175
- Кирилл, философ 62
- Клапиш-Зубер К.* см. *Klapish-Zuber Ch.*
- Клибанов А. И.* 169
- Ключевский В. О.* 162
- Кобрин В. Б.* 146, 166
- Колесов В. В.* 151, 157, 162, 167, 182
- Коллинз Самуил, английский доктор, мемуарист 64, 157, 183
- Колмаков Н. М.* 154
- Комелова Г. Н.* 164
- Кон И. С.* 172
- Кондаков Н. П.* 162
- Копиевский И. Ф., просветитель 157
- Коринфский А. А.* 166
- Коробанова Анна, мастерица 58
- Костомаров Н. И.* 72, 153, 157, 158, 183
- Котошихин Григорий Карпович, подьячий Посольского приказа 16, 50, 145, 146, 148, 149, 156, 158, 171, 177, 183
- Кровков Матфей Осипович, дворянин 140
- Кровкова А. Г., дворянка 94, 139, 161, 163, 180
- Ксения Юрьевна (Георгиевна), жена тверского князя Ярослава Ярославича, княгиня 108, 164
- Кузнецов Я. О.* 162

- Кузьмина В. Д.* 151, 166, 174, 176, 182
- Курбский Андрей Михайлович, князь 28, 57
- Кушелев-Безбородко Г. Г.* 151, 169, 185
- Лануа Жильбер, де 63
- Ларионов И. С., стряпчий 83, 85, 138, 139
- Ларионова Дарья, жена И. С. Ларионова 83, 163, 164, 179, 180
- Ларионова Катюша, дочь И. С. Ларионова 83, 85
- Ларионова Парашенька, дочь И. С. Ларионова 83
- Ларионовна, няня А. Г. Кровковой 94
- Ле Гофф Ж.* см. *Le Goff J.*
- Ле Руа Лядури Э.* см. *Le Roi Ladurie E.*
- Лихачев Д. С.* 154, 161, 167, 172
- Ломакина Дарья, «обавница» 122
- Лопарев Х. М.* 160, 174
- Лопухина А. Ф., дворянка, мемуаристка 149
- Лурье Я. С.* 170
- Магнус, герцог 24
- Майерберг (Мейерберг) Августин, барон 49, 55, 56, 154, 155, 183
- Малевинский Арефа, подьячий 51, 155
- Маремьяна, попадья 126, 127
- Маремьяна Федоровна, раскольница 178
- Мария, мать Сергия Радонежского 61, 105
- Мария Владимировна, жена герцога Магнуса 24
- Мария Темрюковна, жена Ивана IV Васильевича Грозного 147
- Мартынова А. Н.* 159
- Марфа, мать царя Михаила Федоровича 164
- Марья, дочь Аввакума Петрова 85
- Маскевич С., мемуарист 49, 154, 155
- Маслов Д. И., корреспондент Ф. Д. Маслова 153, 156, 178–180
- Маслов Ф. Д., современник П. А. Хованской 88, 92, 156, 158, 163–165, 179
- Маслова А. С., корреспондентка Ф. Д. Маслова 153, 156, 163, 164, 178–180
- Матвеев Митька, крестьянин 58
- Мезенцева Авдотья, воспитанница М. Мезенцевой 16
- Микита, новгородец 17
- Миненко Н. А.* 151, 178, 183
- Минх Н. А.* 160
- Миронов Б. Н.* 150
- Михаил, сын устюжского дьякона 53
- Михаил Федорович Романов, царь 164
- Михаил Ярославич, тверской князь 168
- Михайловский Б. В.* 151, 152
- Моисеев Кузьма (Козма), ученик 87
- Моисеева Г. Н.* 147, 155

- Морозова Ф. П., староверка 15,
22, 125–127, 136, 143, 146,
147, 149, 175, 177, 178
- Мстислав Владимирович,
князь Новгородский 148
- Нарлина-Нашекина Анна
(Аннушка), дочь царского
стольника 54, 55
- Настасья Марковна, жена
Аввакума Петрова 84
- Настка, «наузница» 123
- Наталья Кирилловна, жена
царя Алексея Михайловича,
великая княгиня 130
- Низами, персидский поэт 164
- Никитин Афанасий, писа-
тель, путешественник 157,
169, 171
- Никитин В. Н.* 150, 166
- Николс Д.* 170
- Никольский Н. К.* 160, 170
- Нил Сорский, церковный дея-
тель 105, 185
- Новомбергский Н. Я.* 175
- Одоевская П. И., тетка
В. В. Голицына, княгиня 41,
42, 153
- Одоевская У., корреспондентка
У. С. Пазухина 166
- Олеарий Адам, путешествен-
ник 56, 63, 65, 123, 131, 145,
153, 155–158, 164, 172, 175,
177
- Олег Ярославич (Настасьич),
сын галицкого князя
Ярослава Осмомысла
76
- Ольга Георгиевна, жена Яро-
слава Владимировича, князя
Галицкого, сестра великого
князя Владимирского
Всеволода Георгиевича 100,
165
- Ольга Романовна, жена
волынского князя Влади-
мира Васильковича 87, 101,
180
- Осорьин Дружина, муромский
голова 89
- Осорьина Ульяния, героиня
жития 24, 47, 48, 84, 125,
142, 186
- Павлов А. С.* 160
- Пазухин С. И., дворянин 41,
153, 166
- Пазухина У. С., дворянка, дочь
С. И. Пазухина 42, 153, 166
- Панкратова Н. П.* 152, 182
- Пахомий Логофет, серб, агно-
граф 168
- Петр I Алексеевич, император
23, 24, 29, 56
- Пиксанов Н. К.* 187
- Платонов С. Ф.* 169
- Погодин М. О.* 161
- Покровская В. Л.* 155
- Полозов Илья, дворянин 136
- Полозов Никита, дворянин 136
- Полоцкий Симеон, придвор-
ный поэт 66, 84, 151, 158,
163, 165, 181
- Поссевино Антоний, иезуит,
посол в России 171
- Похилевич Д. Я.* 156
- Предслава Владимировна, дочь
княгини Рагнеды и кня-
зя Владимира I Святослави-
ча 165
- Преображенский А.* 170

- Принц Д., автор сочинения о Московии 49, 147, 154, 186
- Пропи В. Я.* 161, 174
- Протопопов И. Д., дворянин 142
- Протопопова Анна, вдова И. Д. Протопопова 142, 180
- Протопопова Марфа, мать И. Д. Протопопова 142
- Пуришев Б. И.* 151, 152
- Пушкарев Л. Н.* 146, 151, 153, 158, 160
- Пушкарева (Pushkariova) Н. Л.* 152, 157, 161, 162, 168–170, 175, 182
- Пчелов Е. В.* 161
- Рабинович М. Г.* 147, 156, 158, 161, 186
- Рейтенфельс Яков, посол Рима в Москве 35, 49, 151, 186
- Рогнеда, княжна Полоцкая, жена князя Киевского Владимира I Святославича 13
- Рогнеда Мстиславна, дочь великого князя Мстислава Владимировича, княжна 165
- Роман Владимирович, волынский князь 148
- Романов Б. А.* 160
- Ронин В. К.* 151, 163, 166
- Ростислав-Михаил Мстиславич, киевский великий князь 165
- Рюрик Ростиславич, перемышелский князь 148
- Сабурова Соломония (в монашестве Евдокия), жена великого князя Василия III Ивановича 25, 26, 74
- Садиков П. А.* 170
- Салтыков М. П., дворянин 152, 179
- Салтыкова Авдотья, жена М. П. Салтыкова 152
- Салтыкова Марица, дворянка 179
- Салтыкова Прасковья Федоровна, жена Ивана V Алексеевича 134
- Сафонов Федор Яковлевич, стольник 40
- Святловский В. В.* 151
- Семевский В. И.* 149
- Семенов В.* 186
- Семенова Л. Н.* 148, 155, 160, 187
- Серебрянский Н.* 168
- Сергий Радонежский, церковный деятель 61, 105, 156, 182
- Сильвестр, священник московского Благовещенского собора, автор Домостроя 34, 36, 46, 47, 55, 62, 120, 151
- Симеон Столпник 165
- Симони П. К.* 162, 179, 187, 188
- Скрипиль М. О.* 176
- Скрынников Р. Г.* 155, 160
- Сनावидова М., изведчица 58
- Снегирев И.* 146, 147, 149, 154, 155, 165, 171, 176, 177, 187
- Соболевский А. И.* 162
- Соколов Н.* 162
- Софья Алексеевна, дочь царя Алексея Михайловича, царевна 41, 43, 130, 134
- Софья Витовтовна, княгиня Московская 77, 109

- Софья (Зоя) Палеолог, жена князя Ивана III Васильевича, княгиня 13, 56, 109, 155
- Способин А. Д.* 149
- Срезневский И. И.* 153, 165, 168, 169
- Степанов Тимофей, мещанин 87
- Стефан, пермский епископ 168
- Стремоухова Агафья Ивановна, корреспондентка Ф. Д. Маслова 92, 165
- Сююн-бике, казанская царевна 24, 147, 155
- Творогов О. В.* 171
- Телепнев-Овчина-Оболенский Иван Федорович, фаворит Елены Глинской 29
- Тимофеева М., «комнатная бабка» 157
- Тимошенко И. Е.* 159
- Титова Л. В.* 148, 159
- Тихонравов Н. С.* 158
- Торопова П., москвичка 179
- Трофимов А.* 158
- Трофимов Ф., сапожник 156
- Трубецкая И. В., сестра В. В. Голицына 153
- Тушина Е. А.* 146
- Ульяна, жена Степана Корнильевича 152
- Ульяница, новгородка, контрагент брачной сделки 17
- Уотсон Д. 167
- Урусов Василий, сын Е. П. Урусовой 86, 87, 90, 164, 165
- Урусов П. С., князь 18
- Урусова (Соковнина) Евдокия Прокопьевна, раскольница, княгиня 18, 82, 85–87, 89, 90, 92, 143, 146, 149, 162–164, 177, 178
- Усенков Микифор, живописец 87
- Успенский А. И.* 151
- Устиньница, вдова, корреспондентка М. П. Салтыкова 152
- Ушаков А.* 145
- Ушакова Е., корреспондентка А. С. Маслова 163
- Ушинский К. Д.* 166
- Фальковский Н. И.* 158
- Феврония Муромская, героиня «Повести о Петре и Февронии» 13, 19, 20, 34, 36, 110, 111, 114–116
- Феврония, новгородка, автор письма к судебному исполнителю 77
- Федор, юридивый 125
- Федотов Михаил, тотемский дьякон 155
- Фекла, жена Алексея Яковлевича 152
- Феколка, вдова 58, 156
- Феликс, новгородец, судебный исполнитель 77
- Феодосий, новгородский архиепископ 150
- Ferro M.* см. *Ferro M.*
- Флетчер Джильс, путешественник, английский писатель, дипломат 156, 187
- Флоринский В. М.* 158
- Хейзинга Й.* 171
- Херлихи Д.* см. *Herlihy D.*
- Хлебникова Н. А.* 155

- Хованская А. И., княгиня 166, 178, 180
Хованская А. Ф., княгиня 161, 164
Хованская Прасковья Андреевна, урожденная Кафтырева, княгиня 41, 42, 88, 152, 153, 161, 163, 164, 166, 178–180
Хованский И. И., князь 175, 178
Хованский Петр Иванович, князь 41, 42, 153, 161, 164, 178, 187
Хоружий С. С. 168
- Цертелли Е.* 146
- Чаадаев И. И., окольный, князь 39, 88, 91, 146, 152, 156, 164, 165
Челяднина Аграфена мамка Ивана IV Грозного 93
Черная Л. А. 145
- Шеншин Потап, человек Т. И. Голицыной 41
Шигона Иван, советник Василия III 28
Шлейссингер Г., автор описания России 154, 188
Шляпкин И. А. 169
Штаден Генрих, фон, немец-опричник 24, 147
- Яблонский В.* 168
Ягич В. И. 161
Яковлев А. И. 176
Яковлев В. А. 173
Янин В. Л. 163, 184
Ярослав Владимирович Мудрый, великий князь Киевский 16, 165, 187
Ярослав-Феодор Всеволодович, великий князь Владимирский и Киевский 148
Ястребов В. Н. 148
- d'Alverny M. H.* 167
Ariès Ph. (Арпес Ф.) 145, 159, 163
- Badinter E. (Бадинтер Э.)* 159, 166
Borst A. 175
Bridenthal R. 174
Browerman J. 178
Brundage J. A. 170
- Clarkson F.* 178
- Delumeau J.* 174
De Mause L (Де МозЛ.) 159–161
Duby G. 145, 171
Dunn P. (Данн П.) 160
Dumas G. 167
- Ferro M. (Ферро М.) 7*
Flandrin J. L. 171, 172, 173
Foucault M. 173
- Gilligan C. (Гиллиган К.)* 178
Goehrke C. 178
- Hajnal J.* 256
Herlihy D. (Херлихи Д.) 71, 159
- Kelly-Gagol J.* 174
Kelso R. 174
Klapisch-Zuber Ch. (Клапш-Зубер К.) 159
Kollman N. S. 154
Koony C. 174

- Lazlett P.* 166
Leclercq J. 167
Le Goff J. (Ле Гофф Ж.) 7
Le Roi Ladurie E. (Ле Руа Ляду-
пу Э.) 159
Lévy Y.-Ph. 177
Levin E. (Левина Е.) 152, 160,
170, 173
- MacLean J.* 174
Marongiu A. 148
Martin J. 159
Maurel Ch. 173
Miége Y. 171
- Nicolas D.* 163
Nitschke O. 159
- Ozment S. E.* 159
- Perrot M.* 171
Peukert D. 145
Porteau-Biter A. 177
- Rouche M.* 275
- Shorter E.* 162
Stone L. 154
Szeftel M. 166
Ulirich V. 145
- Vogel S.* 178
- Weingart R.* 168

Предметно-терминологический указатель

- Аборт 73, 118, 160, 172
Адюльтер *см.*: измена
«Амбивалентный стиль» в отношениях матерей с детьми 78
Арбуз 136
- Бабушка 41, 42, 67, 94, 95
Бабы-идоломолицы 74; *см. также*: знахарка, чародейницы
Базар *см.*: торг
Банщик 65
Баня, банное дело 22, 52, 64–66, 74, 122, 157, 158, 178;
вода баенная 64, 122
Бархат 50
Бастарды, «выблядки» 133
Безбрачие 93
Бездетность в браке, «неплодие», «неплодство» 28, 29
Бережливость в быту 40, 144
Беременность 73–76, 82, 120, 125, 162, 172
- Бесплодие *см.* бездетность в браке
Благополучие семейное 54, 88, 91, 99
Благосклонность 112
Благословение родительское 17, 76; *см. также*: венчание, условия заключения брака
Благочестие как душевный подвиг женщины 34, 94, 108
Близкие, их круг 134–136, 142, 144; *см. также*: знакомцы, родственники, соседи, подруги, родители
Блуд, добрачная сексуальная связь 103, 112, 113, 117, 118, 129, 131, 169, 170, 172; *см. также*: адюльтер, прелюбодеяние, неверность супружеская

- Блудница 112, 113, 119, 143,
157; *см. также*: кошунница,
проституция
- Болезни детские 80
- Болтливость женская *см.*: раз-
говоры женские, общение
женское, сплетни, языка-
стость женщин
- Больница 67; *см. также*: вра-
чебное дело
- Брага 63
- Брак, брачность 12, 13, 15–32,
54–56, 67, 83, 102, 103, 108,
110, 113, 114, 116–119, 124,
131, 143, 145, 146, 148–150,
163, 166, 167
брачные дела (документы)
14, 26, 32
бездетный 29, 31, 74; *см.*
также: бездетность в браке
венчальный 15; *см. также*:
венчание
второй (повторный) 17, 18,
29, 31, 67 и последующий 18,
31; в том числе третий 18, 113
договор, договорный 13, 16
единобрачие 18
законный 15
насильственный, поневоле
16; штрафы за него 16
неравный брак, мезальянс 19,
20, 25, 146
по любви 17
равный брак, ровня в бра-
ке 22
«убегом» 13
целомудренный, «чистый»
26, 110
- Брат 33, 39, 69, 91, 92, 101, 137,
165
- Брашно *см.*: еда
- «Бросающий стиль»
в отношениях матерей
с детьми 78
- Быт семейный, бытовой уклад
см.: образ жизни
- Вдовство 31, 35, 37, 39, 47, 77,
87, 106, 132, 155, 156
- Вековуша *см.* старая дева
- Венчание 23, 26, 148
- Вера 108
- Верность женская 90, 107, 111,
129, 140, 144;
супружеская 130, 133
- Вероломство 27, 128
- Веселье, свадебный пир *см.*:
пир брачный, свадебный
- Вечеря, вечерняя молитва 44
- Взаимоподдержка женская,
женщин 39, 41
- Вино 62
- Виноград 136
- Внук, внучка 16, 37, 41, 94, 95,
97, 166
- Вода баенная *см.* баня
- Вода розовая, средство для
умывания 45
- Возлюбленная *см.* лада
- Возраст брачный 23, 24, 31, 145,
149; *см. также*: брак, усло-
вия заключения брака
- Воровство 30
- Ворожея 74, 123; *см. также*:
бабы-идоломолицы, знахар-
ка, чародейница
- Воспитание детей 9, 33, 70, 96,
97, 150, 162
духовное 84
- Воспитательница *см.* мамка
- Врачевательница, целительни-
ца 64, 66

- Выблядки *см.*: дети добрачные, дети внебрачные
 Выбор брачный, право выбора брачного партнера 12, 14, 16, 30; *см. также* брак
 Вынашивание детей 9, 75, 95
 Вышивание как работа, как досуг 35
 Гнев женский 108
 Говорливость *см.*: болтливость, разговоры женские, общение женское, сплетни, языкастость женщин
 Гордость женская 104, 108
 Горести материнские 82
 Горожанка 102
 Горячка *см.* лихорадка
 Гости, гостеванье, гостеприимство 59–61, 63
 Гостинец 57, 94, 95, 136, 179
 «Государыня дома» 46, 68
 Грамота разводная 27
 Грамотность (грамота) 77, 81
 Груша 136
 Грыжа (грызь) 66
 Гусли 64
 Двоемужество 132
 Девичество (девство, девственность, почестность) 15, 22, 24–27, 34, 49, 51, 54, 55, 67, 174
 Дед (дедушка) 94
 Дела брачные *см.* брак
 Дерматиты 45
 Дети добрачные, дети внебрачные *см.*: бастарды
 Деторождение *см.* роды
 Детоубийство (инфантицид), детоубийцы 71, 73, 79
 Детская пупорезина *см.* пуповина
 Детство 58, 76, 78, 159
 Договор брачный 149
 Дом, домашняя жизнь 36, 38, 39, 41, 45, 46, 49–51, 59, 60, 63–69, 76, 99, 103, 135, 140
 Домашние узицы *см.* система теремная
 Домовластительница, домоправительница 46–48, 68; *см. также*: «государыня дома», домохозяйка
 Домохозяйка 47, 98
 Досуг 63–65, 69, 97, 113
 Драки 61
 «по женьски» (укусы, «оде-ранье») 131
 Еда (брашно, пища, стряпня, яство) 24, 35, 44, 45, 47, 59, 61, 62, 68
 Единобрачие 18
 Епитимья, епитимийники 13, 62, 66, 71–73, 116, 117, 119, 120, 122, 125, 131, 172, 173
 Еретица 113, 122
 Жена «добрая» 98–103, 105, 111–115, 123, 127–129, 133, 134, 144, 175, 176
 «злая» 100, 102, 104, 105, 109, 111, 113–115, 117, 119, 122, 124, 127–131, 133, 143, 144, 147, 149, 175
 «изрядная» 111

- неверная (изменница, пре-
 любодейница) 118, 129
 Женитьба 14, 19, 30
 Жених 13, 14, 16, 17, 19, 21, 22,
 24, 25, 54, 107, 108, 145, 150
 Женофобия 10, 49
 Женственность 78
 Жизнь женская 101
 духовная 63
 интимная, сексуальная
 116–120
 личная 108
 семейная 99
 частная (частная сфера)
 7, 12, 14, 17, 19, 24, 26, 29,
 30, 34, 43, 46, 51, 56, 58, 62,
 66–69, 73, 78, 85, 95–99, 101,
 102, 106, 109, 111–113, 118,
 122, 127, 134, 143
 Заботы материнские, женские 80
 Зависть женская 108
 Завтрак 44, 45
 Заклад (залог) детей 71
 Замужество (замужняя жизнь)
 13–17, 21–24, 26, 30–32, 58,
 108, 146
 Запись сговорная 53; *см. так-
 же*: грамота сговорная
 Заряд, неустойка *см.* отдарива-
 ние за отказ от брака
 Застолье 60
 Затворничество теремное *см.*
 система теремная
 Заутреня (утренняя молит-
 ва) 44
 Зелейник 74; *см. также*: трав-
 ник, лечебник
 Зелие (зелье, средство знахар-
 ское) 73, 118
 Злословие 104
 Знакомство добрачное 13
 Знакомые (знакомцы) 23, 63;
 см. также: близкие
 Знахарка 66, 73; *см. также*:
 бабы-идоломолицы, чаро-
 лейницы
 Золототкачество 36
 Зять 42, 91, 137, 179
Игра, игры детские, девичьи,
 женские 84
 в мячик 84
 качели 85
 кубарики 84
 лапта 84
 лошадки 85
 салки 84
 скакание на досках 85
 хороводы 85, 164
 Игрушечки сахарные 95
 Иерархия внутрисемейная 112,
 118, 136, 138
 Измена (адюльтер, прелюбо-
 действо, прелюбодеяние,
 супружеская неверность) 26,
 27, 31, 104, 114, 118, 126, 128,
 129, 148, 170
 Изменница (прелюбодейца)
 27, 118, 119
 Изнурение плоти 108; *см. так-
 же*: аскетизм
 Имена и прозвища женские,
 детские 76, 83, 86
 Импотенция мужская и ее
 влияние на частную жизнь
 женщины 27
 Имущество женское 37
 общесемейное и конфликты
 из-за него 75
 Инфантицид
 см. детоубийство

- Инцест, кровосмесительная связь, кровосмесительный брак 146; *см. также*: брак близкородственный
- Исихазм 109
- Кабак (шинок) 63, 85
- Калиграфство *см.* письмо
- Катание на колясках 85
на телегах 85
на санях 85;
см. также досуг
- Каравай 16
- Каша 61
- Квасцы 45
- Кика *см.*: кокуй
- Клан, клановость семейная 40, 42, 47, 97
- Кокетка (красотка) 128
- Кокошник *см.* кокуй
- Кокуй (кика, кокошник, головной убор замужней женщины) 15
- Колдовство 30, 114
- Колечко 83
- Комната, «комора» 124
- Контакты интимные *см.* жизнь женщины интимная
- Контрацепция 73, 79, 118, 160, 172
- Конфликт внутрисемейный 31, 91, 131
межпоколенный (в том числе матери-дети) 77, 81, 97
- Кормилица *см.* мамка
- Кошунница 63, 114, 117, 143;
см. также: блудница
- Крапивники *см.* дети добрачные
- Красота женская 128
- Кровное родство *см.* связи близкородственные
- Крошка 34
- Култ предков 94
- Культура эротическая 117
- Кулинария женская 61
- Лад в семье 100
- Лада (возлюбленная, подружье) 101, 115
- Ласка, ласковость женские 87, 123, 135, 154
- Лебедь 61
- Лесть 112
- Лечебник 45, 64, 66, 73, 74, 80;
см. также: травник, зелейник
- Лживость 104
- Лихорадка (горячка, трясца) 66
- Лобзание как тип поцелуя 112;
см. также: поцелуй
- Ложе детинное *см.* плацента
- Ложь 142
- Лоскуток, лоскутки 34, 44
- Лубок 85
- Лучина, лучное освещение 50
- Любимчик 93
- Любовник, «полюбовник», «сердешный друг» 29, 52, 107
- Любовь как эмоция 112
в браке 117
детей к матери 83
материнская 71, 72, 78, 82, 97
платоническая 107
родительская 81
супружеская 111, 112, 125
«Любящего небрежения», традидия 71
- Мамка (воспитательница, кормилица, нянька) 54, 93, 121

- «Матерство», добавление к имени, выражающее родство по материнской линии, 75
- Мать (мама, матушка) 41, 43, 46, 48, 55, 56, 61, 64, 67, 68, 70–72, 75–98, 101, 110, 136, 137, 159
- Мастерицы (люботрудницы) 46, 58
- Материнство 70, 71, 75, 78, 79, 81, 93, 95–97
- Матриархальная ориентированность родового сознания 76
- Мачеха 90
- Мебель 50
- Мед 62
малиновый 61
- Мезальянс 19, 20, 22, 23; *см. также*: брак неравный
- Месячные *см.* нечистота женщины
- Милость, милосердие, милосердие 44, 71, 88, 112
- Мир женщины 57, 59, 141
душевный 105, 125
- Младенчество 75
- Млеко (молоко) 61
- Многодетность, многочадие 70, 73, 74, 95, 110
- Мужатица, замужняя женщина 15, 32, 64, 132
- Мужеубийство 131
- Муки женщин душевные 106
- Мыло 45
- Мясо 61
- Назидания брачные 20
- Наложница 26
- Наузница 64, 123, 159; *см. также*: бабы-идоломолицы, знахарка, чародейница
- Наузы чародейные 114
- «Небрежение любящее» 71
- Неверность женская 144; *см. также*: измена, адюльтер
- Невеста (новобрачная) 13, 14, 16, 21, 24, 25, 30, 145, 147, 150
- Невестка 60, 89, 136, 137, 142, 178, 179
- Невинность добрачная (целомудрие) 25, 31, 34, 49, 92
- Недвижимость (недвижимое имущество) 10, 37, 38, 48, 152
- Нежность женская 112
- Незамужняя *см.* старая дева
- «Неплодие», «неплодство» *см.* бездетность в браке
- Неустойка, заряд *см.* отдаривание за отказ от брака
- «Нечистота» женщины (месячные, регулы) 50
- Нищелюбие 108
- Новобрачная *см.* невеста
- Нормы бракоразводные 149
- Обавница 64, 113, 122, 143, 175; *см. также*: бабы-идоломолицы, знахарка, зелейница
- Обед 45, 59, 61, 64
- Обедня (обеденная молитва) 44
- Обжорство 62
- Обман 121, 128
- Обнажение 117, 118, 171
- Образ жизни (быт, бытовой уклад) 7, 9, 20, 46, 56, 146
- Обряд поцелуйный 60
- Обувь 47

- Общение женское 57, 69; *см. также*: беседа женская, сплетни, языкастость женщин
- Общительность как женская добродетель 134
- Обычай банный 65; *см. также*: баня
брачный 14; *см. также*: брак определения «почестности» 26
- Объятия женские 123
- Одежда (платье) 34, 59, 60
- Однокоска *см.* старая дева
- Ожерелье 60
- Окно 50, 56
- Омовение (туалет утренний, умывание утреннее) 45
- Осетр 136
- Отдаривание за отказ от брака 16
- Отношения дружественные 91
- Отношения лично-эмоциональные 8, 48
сексуальные 118, 120, 143, 169
матерей с детьми 55, 70–74
молодых с пожилыми 24
- Палата каменная 22
- Парилка 65; *см. также* баня
- Партия брачная 14
- Партнер брачный 12, 13, 30
- Патриархальность семьи, патриархальная власть и их влияние на частную жизнь женщины 10, 38, 118, 143
- Педагогика материнская 79, 91, 97; *см. также* воспитание материнское
народная 76, 79
- Пенсион вдовый 56
- Пенитенциалии 13
- Перестарок *см.* старая дева
- Пиво 62
- Пир брачный, свадебный (веселье) 22, 26
женский 59–61, 63, 69
- Пирог 61
- Письмо интимное женское 101
как предмет обучения (калиграфство, «уставом») 85
как форма общения женщин с женщинами 37, 38, 42, 43, 85–89, 102–103, 135
- Питье 62, 63, 122
- Пища *см.*: еда
- Платочек 83
- Платье *см.*: одежда
- Плацента (ложе детинное) 74
- Племянник, племянница 20, 37, 41, 42, 88, 131, 136, 141
- Повседневность (повседневный быт, повседневная жизнь) 8, 9, 11, 32, 33, 41, 47, 48, 58, 61, 66, 69, 82, 83, 95, 96, 125, 145, 150
- Подарок 83, 95, 136
- Подружие *см.* лада
- Политика семейно-матримониальная 49
- Полотенце с кружевами 136
- Полубовница *см.*: любовница
- Поместье 36
- Помолвка 13, 16
- Пост 61
- Потасовки 60
- Постель 124
- Постриг *см.*: пострижение
- Пострижение (постриг) 28, 29, 77, 101, 107

- Посуда 44
- Похмелье 63; *см. также* пьянство женское
- Похоть 62, 113
- Поцелуй, поцелуи, целование как ласка 18, 60, 112, 120, 123
- Почетность *см.* девичество
- Право брачное 14, 19
на наследование 10
на развод 26, 27, 29, 30, 32
обычное 71
- Празднество *см.* праздник
- Праздник (празднество) 61
- Преданность Богу *см.*: религиозность, вера
- Преданность женская 36, 90, 108, 140, 144; *см. также* верность
- Прелюбодей 28; *см. также* измена
- Прелюбодейца *см.* изменница
- Привередница *см.* старая дева
- Привязанность женская 112, 121; *см. также* верность
- Приворот, приворотное зелье *см.* бабы-идоломолицы
- Приданое 15
- Принуждение к браку и штрафы за него 14
- Проституция 63; *см. также*: блудница, кошунница
- Простыня 50
- «Психологической умиротворенности» стиль 109
- Пуповина (детская пупорезина) 74
- Пушенница (разведенная женщина) 27
- Пьянство женское 62–64, 69
- Пяльцы, прилежание пяличное 34
- Работа женская 33–36, 44–46, 66, 67, 74, 99, 151
как антитеза праздности 111
- Равенство супругов имущественное 19, 20, 31
- Разведенец (разведенка) *см.* пушенник (пушенница)
- Развлечение 84, 85; *см. также*: досуг
- Развод (расторжение брака, «розженильба») 26 – 32, 97, 148, 149; способ расторжения брака 148 и поводы к нему:
прелюбодейство, супружеская неверность 26
бездетность брака (импотенция супруга, бездетность супруги) 27
имущественная несостоятельность мужа 27
клевета мужа на целомудрие жены или на ее «помыслы» 30
побои 30
пострижение одного из супругов 30
пьянство 30
- Разговоры женские 117; *см. также*: общение женское, сплетни
- Раздумья, размышления женские 43, 142
- Разлука как переживание, тоска в разлуке 138, 139, 144
- Разум женский 108–112, 122, 125, 126, 129, 131
духовный женщины 110
- Раскольничество, раскольник, раскольница *см.* старообрядчество

- Растление 54, 114
 Расторжение брака *см.* развод
 Рвота (недомогание) 66
 Ревность 50, 123
 Регулы *см.*: «нечистота женщины»
 Редька 66
 Религиозность женская (преданность Богу) 99, 103, 142;
см. также вера
 Ритуал брачный 13
 Родители 130
 Родовспоможение *см.*: роды, врачевательница
 Родственники (родственницы), родственные связи и отношения 13–17, 30, 39, 40–43, 46, 49, 54, 57, 63, 68, 75, 90, 91, 94, 136, 161
 Ровня в браке *см.* брак равный
 Род *см.* семья
 Родовое самосознание и женщины 42, 144
 Роды (деторождение, рождение детей) 9, 23, 33, 66, 74, 75, 81, 82, 95, 158, 172
 «Розжени́тьба» *см.* развод
 Рождение детей *см.* роды
 Ромашка («романова трава») 45
 Рукоделие 34, 35, 56
 Рыба 38, 61

 Самовыражение женщины 35, 143
 Самовоспитание, самоотдача, самообуздание женщины 34;
см. также аскетизм
 Самоотдача *см.* самовоспитание
 Самопожертвование женское 101

 Самоубийство женщин 16, 107
 Сахар 24
 Свадьба ;*см. также*: венчание, пир брачный
 Свекровь 48, 88, 137, 138
 Светлица 50
 Своеземца 68
 Свойственники 42; *см. также*: близкие, родственники
 Связи близкородственные (кровное родство) 19, 41
 добрачные 25
 интимные 24
 межпоколенные 97;
см. также: инцест, брак близкородственный
 Сговор брачный *см.* брак, грамота сговорная
 Сделка брачная 17, 26, 32;
см. также: договор брачный
 Секс (сексуальная жизнь, сексуальная сфера, сексуальность) и женщины 113, 117–120, 123, 143
 и ее интенсивность 116
 Семья (род) 46, 48, 97, 135, 137, 142, 143
 многопоколенная неразделенная 46, 94
 побочная 23, 26, 31
 Сердце женское 102
 Сестра 56, 101, 134
 Сирота 15, 39, 87, 152, 154
 Система теремная (домашние узницы, терем, термная затворница) 10, 48–51, 54, 56, 69, 155
 Скатерть немецкая 136
 Скотина 24, 35

- Скромность как женская добродетель 118, 171
- Сласти житейские 108
- Слуга, служка 21, 36, 46, 47, 68
- Смертность детская 82
женская 67, 75
- Смирение женское 84, 91, 107, 108
- Сноха 56, 156
- Сокупление телесное 107
- Согласие 112
- Соглашение брачное *см.*: грамота сговорная
- Сожительство (сожитие, сожительство) 22, 23, 31, 112, 129, 138, 140
- Соль 45
- Сопель, музыкальный инструмент 64
- Сорочка ночная 26
- Сосед (соседи) 9, 23, 41, 53, 57, 58, 63, 65, 68, 69, 91, 96;
см. также: близкие, знакомцы
- Сочувствие женское 140
- Союз династический 49
- Спальня 50
- Спесь родовая 54; *см. также*: род, семья
- Сплетни (сплетничанье, женская болтливость) 57, 58;
см. также общение женское
- Средство знахарское *см.* зелие
- Ссора семейная 77
- Старая дева (вековуша, незамужняя, однокоска, перестарок, привередница, прокисшая невеста) 15, 30
- Старообрядчество (раскольник, раскольница, раскольничество) 18, 40, 89, 125, 142, 143
- Статус женщины правовой, социально-правовой 9–10
семейный (семейная жизнь, семейные отношения, семейно-бытовой статус) 9, 10, 12, 16, 25, 27, 29, 32, 38, 40, 42, 43, 48, 68, 76, 77, 83, 88, 96, 99, 143
- Страсть, страстное состояние 52, 104–106, 108, 121–123, 125, 126
- Страх женский 142
- Стряпня *см.* еда
- Стыдливость женская, стыд 51, 56, 63, 117, 118, 171; *см. также* скромность женщины
- Сублимация активности женщины 35
- Суицид женский *см.* самоубийство женщин
- Сундук 50
- Супруг, супруга, супруги 19, 22, 24, 26, 27–32, 39, 40, 58, 59, 68, 90, 99, 106, 107, 111, 112, 120, 126, 127, 129–131, 138–140, 149, 171, 179
- Супружество (супружеский союз, супружеские связи) 17, 30, 31, 73, 98, 111, 113, 115, 144
- Тело женское 102
- Теремное затворничество *см.* система теремная
- Тесть 19, 27, 148
- Тетка 41, 42, 177, 179
- Теща 91, 137, 179

- Ткань (тканца) 59
 Ткачество 35
 Торг (базар, рынок, торжище) 51, 63, 127, 157
 Тоска как эмоция *см.* разлука
 Трава мыльная 45
 Травник 66, 74, 80, 158; *см. также* лечебник
 Трапеза 18, 45, 59, 62
 Требник 116, 119, 125
 Труд женский *см.* работа женская 34
 Трясца *см.* лихорадка
 Туалет утренний *см.* омовение
 Туго, туженье 128, 139, 144, 159; *см. также:* разлука, тоска
- Убийство 30
 детей 71–73, 79
 мужа 131, 177
 Увеселение 56; *см. также* досуг
 Ужас женский 142
 Укладка (сундук) 50
 Умиление 71, 107
 Умывание утреннее *см.* омовение
 Умыкание невесты 12, 13; *см. также:* брак «убегом», «уводом»
 Уныние женское 108, 134
 Упряжь 30
 Условия заключения брака, добрачное знакомство *см.* знакомство
 возраст 17, 23, 24, 31, 145, 149; *см. также* возраст брачный
 возрастное соответствие 16
 личная склонность и ненадежность 13
 «очередность» выдачи замуж, «порядковый номер» 17; *см. также* брак повторный
 социальное равенство брачующихся 19, 20, 31; *см. также:* мезальянс
 целомудрие (сохранение девственности до брака) 30, 31, 54, 92; *см. также:* почестность, девичество
- Утварь 48
 Утренняя молитва *см.* заупрениа
 Учеба, ученье 87
- Хлеб 34, 61
 Хлопоты домашние 44, 45, 51, 57, 64, 68
 Хмельник 53
 Хозяйство, хозяйственные вопросы 33, 36–40, 43, 44, 48–50, 88, 125
 Хоровод 85, 164
 Хоромы 50
- Целомудрие *см.* невинность
 добрачная
 Челядь, челядинцы 33, 48, 65, 68, 99
 Честолюбие 43, 104
 Честь девичья, женская 53
 Чистотел 45
 Чтение 85
- Швея 46
 Шинок *см.* кабак
 Шитье как работа, как досуг 35
 Шпалера тканая 50
 Штраф 14, 25, 27, 118
- Экономика домашняя 39, 41
 Эмоции женские, эмоциональность 96, 97, 99, 100, 102, 104,

- 105, 107, 108, 135, 141, 167
в связи с интимной сферой 117
мужские и их влияние на эмоциональность женщин 122
- Эротика 170
- Этика сексуальная 162, 169, 170, 172, 175
христианская (православная) 71, 76, 96, 144
- Этикет семейный 38
- Ю**нец 25
- Юница (молодуха) 25
- Я**блоко 24, 136, 179
- Языкастость женщин *см.*: болтливость, говорливость, разговоры женские, общение женское, сплетни,
- Яство *см.* еда

Оглавление

Предисловие	7
Глава I. «Не хочу за Владимира, но за Ярополка хочу...»	12
Глава II. «А про дом свой изволишь вспомануть...»	33
Глава III. «Милость свою матери покажи, не забудь...»	70
Глава IV. «Добрую жену неудобь обрести...»	98
Глава V. «Свет моя, Игнатъевна...»	116
Примечания	145
Список сокращений	181
Именной указатель	189
Предметно-терминологический указатель	199

Пушкарева Н.

- П91 Частная жизнь женщины в Древней Руси и Московии: невеста, жена, любовница / Наталья Пушкарева. — М. : Ломоносовъ, — 2011. — 216 с. — (История. География. Этнография).
ISBN 978-5-91678-128-1

О «женской истории» Древней Руси и Московии мы не знаем почти ничего. Однако фольклорные, церковно-учительные и летописные памятники — при внимательном их прочтении специалистом — могут, оказывается, восполнить этот пробел. Из чего складывались повседневный быт и досуг русской женщины, как выходили замуж и жили в супружестве, как воспитывали детей, как любили, на какие жертвы шли ради любви, какую роль в жизни древнерусской женщины играл секс — об этом и еще о многом, многом другом рассказывается в книге доктора исторических наук, профессора Натальи Пушкаревой.

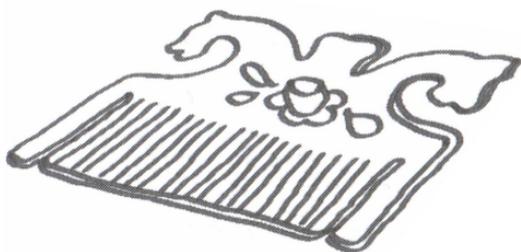
УДК 396

ББК 63.3.(2)4

История. География. Этнография

Наталья Пушкарева

**Частная жизнь женщины
в Древней Руси и Московии:
невеста, жена и любовница**

Редактор В. Петров
Художественный редактор Е. Трушина
Верстка М. Васильевой

Подписано в печать 29.07.2011.

Формат 60×90/16.

Усл. печ. л. 13,5. Тираж 1500 экз. Заказ № 6295.

ООО «Издательство «Ломоносовъ»

119034 Москва, Мансуровский пер., д. 13

Тел. (495) 637-45-49

info@lomonosov-books.ru

www.lomonosov-books.ru

Отпечатано в ОАО «Можайский
полиграфический комбинат»

143200 г. Можайск, ул. Мира, д. 93

www.oaompk.ru, www.oaompk.pf

тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

В СЕРИИ также ВЫШЛИ:

Лев Минц. КОТЕЛОК дядюшки Ляо

Виталий Бабенко. ЗЕМЛЯ — ВИД СВЕРХУ

Ольга Семенова-Тян-Шанская. ЖИЗНЬ «ИВАНА»

Владислав Петров. ТРИ КАРТЫ УСАТОЙ КНЯГИНИ

Свен Хедин В СЕРДЦЕ АЗИИ

Геннадий Коваленко. РУССКИЕ И ШВЕДЫ ОТ РЮРИКА ДО ЛЕНИНА

Лев Минц. ПРИДУМАННЫЕ ЛЮДИ С ОСТРОВА МИНДАНАО

Бенгт Янгфельдт. ОТ ВАРЯГОВ ДО НОБЕЛЯ

Олег Ивик. ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЙ

Анна Мурадова. КЕЛЬТЫ АНФАС И В ПРОФИЛЬ

Даниэль Клугер. ТАЙНА КАПИТАНА НЕМО

Валерий Гуляев. ДОКОЛУМБОВЫ ПЛАВАНИЯ В АМЕРИКУ

Светлана Плетнева. ПОЛОВЦЫ

Ким Малаховский. ПИРАТЫ БРИТАНСКОЙ КОРОНЫ

ФРЭНСИС ДРЕЙК И УИЛЬЯМ ДАМПИР

Алексис Трубецкой. КРЫМСКАЯ ВОЙНА

Валерий Гуляев. ЗАГАДКИ ИНДЕЙСКИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Олег Ивик. ЖЕНЩИНЫ-ВОИНЫ: ОТ АМАЗОНОК ДО КУНОИТИ

Виолет Вануайек. ВЕЛИКИЕ ЗАГАДКИ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

Яков Свет. ЗА КОРМОЙ СТО ТЫСЯЧ ЛИ

Лев Минц. БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ ХИМЬЯР И ПЛИССИРОВКА ЮБОК

Аксель Одельберг. НЕВЫДУМАННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ СВЕНА ХЕДИНА

Гомбожаб Цыбиков. БУДДИСТ-ПАЛОМНИК У СВЯТЫНЬ ТИБЕТА

Никита Кривцов. СЕЙШЕЛЫ — ОСКОЛКИ ТРЕХ КОНТИНЕНТОВ

Олег Ивик. ИСТОРИЯ СЕКСУАЛЬНЫХ ЗАПРЕТОВ И ПРЕДПИСАНИЙ

Виктор Бердинских. РЕЧИ НЕМЫХ

Светлана Федорова. РУССКАЯ АМЕРИКА:
ОТ ПЕРВЫХ ПОСЕЛЕНИЙ ДО ПРОДАЖИ АЛЯСКИ

Стаффан Скотт. ДИНАСТИЯ БЕРНАДОТОВ: КОРОЛИ, ПРИНЦЫ
И ПРОЧИЕ...

Геннадий Левицкий. САМЫЕ БОГАТЫЕ ЛЮДИ ДРЕВНЕГО МИРА

Георгий Вернадский. МОНГОЛЫ И РУСЬ

Наталья
Пушкарева
Частная жизнь
женщины
в Древней Руси
и Московии:
невеста, жена,
любовница

Частная жизнь человека неизменно вызывает жгучее любопытство. Но как ни парадоксально до недавнего времени ее изучению не придавалось большого значения. Особенно в этом смысле не повезло русским женщинам, на протяжении веков пребывавшим в тени мужчин. Реконструировать «женскую историю» Древней Руси и Московии на основе фольклорных, церковно-учительных и летописных памятников взялась Наталья Пушкарева. Из чего складывались повседневный быт и досуг русской женщины, как выходили замуж и жили в супружестве, как воспитывали детей, как любили, на какие жертвы шли ради любви и какую роль в жизни древнерусской женщины играл секс — обо всем этом рассказывается в блестящем исследовании «Частная жизнь женщины в Древней Руси и Московии: невеста, жена, любовница».

Наталья Пушкарева — доктор исторических наук, профессор, глава Российской ассоциации исследователей женской истории.

ISBN 978-591-678-128-1

9 785916 781281